

Гарри Фернис
Портрет Льюиса
Кэрролла

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

**Дневник путешествия
в Россию в 1867 году**

Пища для ума

**«Мечь Бруно»
и другие рассказы**

Иллюстрации Льюиса Кэрролла

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ

ЭКСМО
2004

Дневник
путешествия
в Россию
в 1867 году

Дневник
путешествия
в Россию
в 1867 году

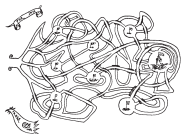
12 июля (пт.). Мы с султаном прибыли в Лондон почти одновременно, хотя и в разные его части — я прибыл через Паддингтонский вокзал, а султан через Чаринг-Кросс: должен признать, что самая большая толпа собралась именно в последнем пункте. Третьим центром притяжения общественного внимания был Мэншн-Хаус, где чествовали добровольцев, отправлявшихся в Бельгию, и откуда, примерно около шести часов, в восточном направлении отправился непрерывающийся поток омнибусов, груженных героями. Это здорово задержало мой поход по магазинам, и я выехал с Чаринг-Кросс в Дувр только в восемь тридцать

Лиддон *Дневник путешествия
в Россию в 1867 году*

и по прибытии в «Лорд Уорден» обнаружил, что Лиддон уже на месте.

13 мая (сб.). Мы позавтракали, как

и договаривались, в восемь, — по крайней мере в это время мы сели за стол и принялись клевать хлеб с маслом, пока не подали отбивные, каковое великое событие состоялось примерно в половине девятого. Мы попытались жалобно воззвать к слонявшимся вокруг официантам, которые успокаивающим тоном сообщали нам, что «они уже идут, сэр», — тогда мы выразили решительный протест, и они стали говорить, что «они уже идут, сэр», более оскорбленным тоном; после всех этих призывов они удалялись в свои норы и прятались за буфетами и крышками для блюд, а отбивные все так же не появлялись. Мы пришли к общему мнению, что из всех добродетелей, которые может продемонстрировать официант, застенчивость и склонность к уединению менее всего желательны. Затем я сделал два грандиозных предложения, оба из которых были отвергнуты при первом же чтении: первое, что нам следует встать из-за стола

Июль

и отказаться платить за отбивные, а второе, что мне следует найти хозяина и подать официальную жалобу на всех официантов, что наверняка вызвало бы если не появление отбивных, то, по крайней мере, грандиозный скандал.

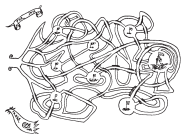
Однако к девяти часам мы оказались на борту парома, и после того, как на него загрузили содержимое двух поездов и на палубе возникла весьма удачная копия великой пирамиды, к каковому замечательному сооружению мы с гордостью присовокупили пару чемоданов, корабль отчалил. Перо отказывается описывать страдания некоторых из пассажиров в течение нашего девяностоминутного путешествия: мои собственные переживания вылились в мысль о том, что я платил свои деньги явно не за это. Большую часть пути лил сильный дождь, что создавало ощущение уюта в нашей отдельной каюте (мы были достаточно расточительны, чтобы на нее потратиться); мы находились в укрытии и в то же время на воздухе, поскольку каюта располагалась на палубе. Мы высадились в Кале и оказались в толпе дружелюбных

Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

аборигенов, предлагавших всевозможные услуги и советы: на все подобные замечания я отвечал одним простым словом: «Non!». Вероятно, оно было не всегда уместно в строгом своем смысле, однако соответствовало задаче от них избавиться; постепенно они отстали от меня, эхом повторяя «Non!» с различными интонациями, в которых явно чувствовалась одна общая нота — отвращение. После того как Лиддон уладил вопрос с багажом и прочими делами, мы совершили прогулку по рыночной площади, которая была бела от женских шляпок и полна пронзительной трескотни их владелиц...

Поездка в Брюссель была пресной и монотонной; единственными архитектурными сооружениями на нашем пути, стоящими упоминания, были башня св. Омера и Турнейский собор с его пятью шпилями. На участке от Лилля до Турнея мы ехали вместе с одной семьей; у них было две девочки — шести и четырех лет, причем младшая на протяжении всего пути практически не закрывала рта. Я сделал набросок этого маленького создания; семья

Июль

подвергла портрет пристальному изучению, а модель без всяких околичностей высказала свое собственное мнение (надеюсь, благосклонное). Когда они покидали вагон, мать снова послала ее к нам, чтобы она пожелала нам «Bon soir», а мы поцеловали ее на прощание.

В Бландене, на бельгийской границе, наш багаж вывалили из поезда, осмотрели, — точнее даже, заглянули в него одним глазом, и снова забросили обратно, и ничего за это не взяли, — это был первый осмотр в моей жизни, который я прошел совершенно бесплатно.

Затем до Брюсселя с немецкими попутчиками. Основным моментом, который я отметил в окружающем пейзаже, было то, как посажены деревья — ровными рядами на протяжении многих миль; поскольку, как правило, все они наклонялись в одну сторону, то казались мне длинными колоннами уставших солдат, шагающих по равнине: некоторые были выстроены в каре, иные застыли по стойке «смирно», но большинство безнадежно брели вперед, сгибаясь на своем

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

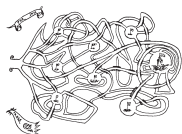
пути, словно под грузом призрачных
вещмешков.

В Брюсселе мы разместились в «Отеле
Бельвию» и после легкого ужина, «très-
simple» * и, соответственно, состоящего всего
из семи блюд, мы вышли прогуляться
и, услышав музыку, игравшую в городском
саду, завернули туда: там мы просидели около
часа, слушая замечательный оркестр,
в окружении сотен людей, сидевших за
маленькими столиками среди деревьев под
ярким светом фонарей.

14 мая

(вскр.). В десять часов мы пошли
в церковь Сен-Гюдюль, самую красивую
в Брюсселе. Мне там не очень понравилось,
потому что, хотя можно было бы принять
участие в большей части церемонии, если бы
что-нибудь можно было расслышать,
расслышать удалось всего пару слов; кроме
того, как правило, происходили одновременно
две вещи: хор пел гимны и т. п., в то время
как священник продолжал, совершенно
независимо, вести свою часть службы, —
и вся масса священнослужителей и проч.
постоянно небольшими процессиями
подходили к алтарю, буквально на секунду

* Очень простой
(фр.).

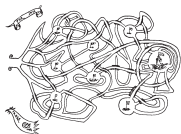
Июль

(ничтожно мало для молитвы или иного религиозного действия) преклоняли пред ним колена и снова возвращались на свои места. Внимание к основным моментам службы привлекалось посредством пронзительного звона, который заглушал все остальные звуки. Некоторые из стоявших рядом с нами прихожан молились отстраненно, словно сами по себе (находившийся рядом со мной мужчина, стоя на коленях прямо на каменном полу, поскольку скамейки не было, шептал молитвенные слова, перебирая четки), некоторые просто смотрели, и все время входили и выходили люди. Я присоединялся к церемонии, когда удавалось догадаться, о чем идет речь, но даже с помощью Лиддона, который угадывал различные моменты службы, было очень трудно разобрать слова, и весьма мудрено было представить, что это служба, в которой паства должна принимать участие, — создавалось впечатление, что она проводилась для них. Музыка была прекрасна, и размахивание кадилами создавало весьма живописный эффект — два мальчика, облаченные в алое и белое, стоявшие перед алтарем, синхронно кадили в такт музыке. Затем состоялась

Задартов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

церемония, которая происходит только один раз в году, великолепное шествие с проносом «тела Христова» через весь город: мы наблюдали выход процессии и дождались ее возвращения, причем ждать пришлось не больше часа. Впереди двигался целый кавалерийский отряд! Затем последовала длинная вереница маленьких мальчиков, большинство из которых были одеты в алые и белые одежды, некоторые в венках из бумажных цветов, с флагами в руках, а некоторые с корзинами, полными обрезков цветной бумаги, которые они, наверное, разбрасывали на своем пути, — затем трогательная процессия маленьких девочек, одетых в белое, в длинных белых вуалях, затем поющие мужчины, священники и т. д., все в великолепных одеяниях и с флагами в руках, которые становились все больше и роскошнее, затем несли большую статую Девы Марии со святым младенцем, возведенную на пьедестал в форме полусферы, только более плоской и укрытой искусственными цветами, затем снова флаги, затем большой балдахин на четырех шестах, под которым шли священники, несущие

Июль

гостию: многие из собравшихся людей опускались перед ними на колени. Это было, безусловно, самое великолепное зрелище, которое мне доводилось наблюдать, и оно производило чрезвычайно прекрасное впечатление, однако было ужасно театрализованным и неестественным. Процессию наблюдали чудовищные толпы людей — многие тысячи, но все вели себя вполне организованно.

Днем Лиддон отправился навестить каких-то знакомых, а я решил прогуляться на Grande Place и хорошенько рассмотреть прекрасный «Отель де Виль»; говорят, что эта площадь — лучший образчик светской готической архитектуры в мире. Вечером мы пошли в английскую церковь, но оказалось, что служба уже состоялась днем.

~~15 июля~~ (пн.). В девять пятьдесят выехали в Кельн, куда прибыли (без каких-либо приключений) в четыре. Здесь багаж прошел второй досмотр, даже еще более поверхностный, чем предыдущий, — мой чемодан вообще не открывали. Мы провели около часа в кафедральном соборе, который я не стану пытаться описывать, скажу только,

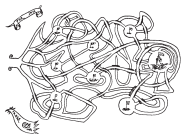
Задартов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

что это самый прекрасный из всех храмов, которые мне доводилось видеть или даже воображать себе. Если можно представить дух набожности, воплощенный в какой-либо материальной форме, то воплощен бы он был именно в таком сооружении.

Вечером мы снова отправились на прогулку, перебрались на противоположный берег реки и смогли насладиться чудесной панорамой всего города. Это произошло после отличного ужина (все ужины и проч. до сих пор были такими же отличными) и бутылки *rudescheimer*, полностью соответствующего замечанию, которым наш жизнерадостный маленький официант представил его нашему вниманию, — «полагаю, это хорошее вино!». Поселились мы в гостинице «Дю Норд».

~~16 мая~~ (вт.). Мы совершили поход по нескольким церквям, в результате чего у меня не осталось очень четкого представления ни об одной из них. Это были: «Церковь св. Урсулы и одиннадцати тысяч девственниц», чьи мощи покоятся в ящиках, закрытых стеклом, через которое их едва можно рассмотреть; «Св. Герон» — еще один склеп с любопытным

Июль

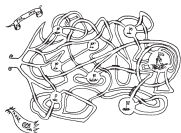
десятигранным куполом, «Апостольская церковь», «церковь св. Петра» с запрестольным образом работы Рубенса, изображающим распятие св. Петра (рядом мы обнаружили дом с табличкой, подтверждающей, что в нем родился Рубенс), «Св. Марии в Капитолио».

В половине второго Лиддон пошел в табльдот, а я воспользовался этой возможностью и вернулся в Апостольскую церковь, чтобы присутствовать на свадебной церемонии. Там было довольно много людей, а также немало детей, которые бегали по церкви как им заблагорассудится, однако делали это тихо и совсем не так, как английские дети. Все гости находились внутри ограждения, где они стояли на коленях (все время) за переносными столиками. Служба, как мне кажется, началась с молитв, вопросов и ответов, затем священник, удобно опершись на престол, закрыл свою книгу и произнес длинную речь, судя по всему, экспромптом, после чего помахал над ними чем-то похожим на сосуд со святой водой. Затем служба принес и положил на престол книгу с пером и чернильницей, и священник

Задворон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

долго вносил в нее какие-то записи, в течение
какового времени к нему подошли два
господина и начали что-то ему
нашептывать, — наверное, давали свои имена
в качестве свидетелей, затем священник
слегка поклонился гостям и новобрачным,
и все закончилось. Когда я совершал
экскурсию по церквям, меня очень поразило
количество людей, которые молились как бы
сами по себе. В одной из них три женщины
исповедовались в трех разных исповедальнях
одновременно: они закрывали лица ладонями,
а священник держал перед лицом носовой
платок, но занавесок не было. Весьма
примечательно количество детей, которые,
похоже, самостоятельно пришли помолиться:
у некоторых из них были молитвенники,
но не у всех — большинство из них, кажется,
смотрели на нас, когда мы проходили мимо,
но вскоре снова возвращались к молитве и по
одному вставали и выходили, явно приходя и
уходя, когда им этого хотелось. Я не заметил,
чтобы это делали мальчики или мужчины
(хотя на воскресной службе в Брюсселе
их было много)... Днем мы поднялись
на вершину собора и смогли насладиться

Июль

великолепным видом города с его морем белых стен и серых крыш и многомильной лентой Рейна. Мы договорились, что попробуем совершить поездку в Берлин ночью, и, соответственно, сели в поезд в семь пятнадцать вечера и прибыли в Берлин около восьми утра. Сиденья в вагоне вытягивались, и из-них получалась весьма недурная постель, кроме того, лампа была снабжена абажуром из зеленого шелка, который можно было опустить, если мешал свет, и нам удалось весьма комфортно провести ночь, хотя должен с сожалением заметить, что Лиддон не спал.

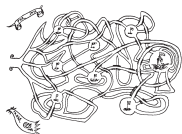
17 июля (ср.). В Берлине, когда мы хотели взять кеб (который здесь называют *droschky*), чтобы добраться до «Отель де Рюсси», нам дали билет с номером, и мы были вынуждены взять кеб с этим номером на стоянке — правило, которое в Англии не стали бы долго терпеть. В течение дня мы осмотрели великолепную конную статую Фридриха Великого (работы Рауха) и знаменитую «Амазонка и тигр» (Кисса) и посетили две картинные галереи, по которым пронеслись в большой спешке, — нужно будет

Задартов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

обязательно осмотреть их более обстоятельно, если получится. Мы пообедали в три, за табльдотом (не забыть: что «rotage a la Flamande» означает бульон из баранины, что утку едят с вишнями и что во время трапезы не принято спрашивать чистые вилку и нож), а вечером мы гуляли по городу и, обнаружив, что в церкви св. Петра (евангелической) проходит служба, зашли и в течение двадцати минут слушали весьма беглую, произнесенную экспромптом проповедь на немецком языке: проповедник закончил длинной импровизированной молитвой и «Отче наш», затем поднялся (и вместе с ним все присутствовавшие) и, распростерши руки, благословил паству, затем грянул орган, проповедник удалился, и прихожане снова сели и стали петь длинный и очень мелодичный гимн.

18 июля (пт.). Мы нанесли второй, более длительный визит в огромную картинную галерею (в которой представлены 1243 картины), организованную великим критиком и искусствоведом Ваагеном. Впрочем, в его каталоге содержится мало критицизма (если таковой вообще имеется):

Июль

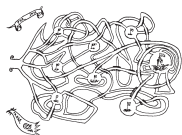
он просто перечисляет то, что изображено на каждом полотне. Сюжет большинства картин взят из Священного Писания, и там много «Мадонн с младенцем», выполненных в самых разнообразных стилях: на многих из них присутствует и св. Себастьян (уже пронзенный стрелами), на некоторых Мария поставила младенца на землю и преклоняет перед Ним колена в молитве, а на одной, замечательном образце живописи, Иосиф представлен спящим, с ангелом, который нашептывает ему на ухо. Есть прекрасная картина с изображением Вавилонской башни, с тысячами фигур, еще одна с Эдемским садом, со множеством всевозможных зверей и птиц, и несколько, хорошо знакомых по гравюрам произведений, таких, как искушение св. Антония. Одно из самых замечательных по своей *завершенности* произведений, которые мне доводилось видеть, это триптих Ван Вейдена, представляющий сцены после смерти нашего Господа, — на одной, где Мария плачет, каждая слеза являет собой тщательно выписанную полусферу со своим собственным бликом и собственной тенью; на полу лежит раскрытая книга со слегка истрепанными

Здартон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

страницами, и одна из застежек свисает так, что тень от нее ложится на края страниц, и, хотя тень эта длиной всего около дюйма, там, где пространство между страницами самое маленькое, художник очень тонко показал, что тень уходит под нижний лист. Если смотреть на все картины в общем, то возникает особенное ощущение красоты, но едва ли можно выбрать какую-либо картину, где несколько более внимательное изучение не раскрывает чудеса исполнения. Понадобилось бы много дней, чтобы приблизительно оценить по достоинству все собрание. После табльдота пошел сильный дождь, и мы смогли совершить только короткую прогулку и посмотреть на церковь св. Николая.

19 июля (пт.). Мы встали (с помощью будильника) в половине седьмого и вскоре после половины восьмого позавтракали. Утром мы посетили церковь св. Николая, в которой я обнаружил новый для меня элемент интерьера — придел, полностью отделенный перегородкой и расположенный вдоль алтарного выступа в восточной части храма, за кругом колонн, в то время как алтарь находился внутри круга, с обычным

Июль

нагромождением мраморных деталей. Перегородка была увешана старыми картинами (в основном на библейские темы), каждая из которых — дань памяти о каком-либо усопшем. Здесь же мы увидели гробницу Пуффендорфа. Отсюда мы направились в Шлосс, или Королевский дворец, где нас вместе с толпой других экскурсантов провели по анфиладе роскошных покоев, показав также большую круглую часовню: все, что можно было покрыть позолотой, было позолоченным. Парадная лестница, по которой мы вошли, была сделана не ступеньками, но представляла собой нечто вроде пологой мощеной улицы, напомнившей мне некоторые из улиц Уитби, но после того, как мы осмотрели помещения и заплатили гиду, на нас перестали обращать внимание и оставили выбираться самим по винтовой черной лестнице среди ведер и рабочих, производивших ремонт, — отсюда вытекает глубокая мораль, начинающаяся словами: «Такова княжья доля...». Остальную часть утра мы посвятили двум картинным галереям.

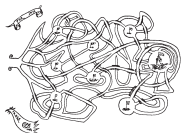
Задорин

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

После ужина мы поехали, на крыше омнибуса, в Шарлоттенбург (примерно в четырех милях к западу), по дороге насладившись грандиозным панорамным видом Унтер-ден-Линден. Там имеется еще один дворец и несколько весьма милых кусочков улицы, но единственная действительно достойная внимания вещь — это часовня, в которой похоронена принцесса*. Ее гробница представляет собой тонко выполненную из мрамора статую, лежащую на кушетке, — чрезвычайно восхитительный эффект создается с помощью фиолетового стекла, вставленного в некоторые из окон на крыше, что придает мрамору неописуемую мягкость и впечатление нереальности.

Вечером мы гуляли по городу и посмотрели на синагогу, которую, как нам сказали, стоит посмотреть, — это нам сообщил один господин из Нью-Йорка, с которым (и с его женой) мы познакомились за табльдотом и которые, похоже, весьма приятные люди. Они приехали сюда, не зная ни слова по-немецки, и поэтому пребывание здесь для них оказалась довольно сложным испытанием.

* Von Liegnitz.

Июль

20 июля (сб.).

Мы начали день с посещения синагоги, где, как оказалось, проходила служба, и оставались там до ее окончания: все для меня было совершенно новым и чрезвычайно интересным. Само здание весьма роскошно, почти весь интерьер внутри украшен позолотой или другими материалами, почти все арки полукруглые, хотя было несколько той формы, которую я здесь нарисовал*; восточная сторона закрыта круглым куполом, и в ней еще есть купол поменьше на колоннах, под которым находится шкаф (скрытый за шторой), — в нем хранится свиток Закона, перед шкафом стоит аналой, повернутый на восток, а перед аналоем еще один маленький аналой, повернутый на запад, — [за время службы] последний использовался только один раз. Остальная часть помещения оснащена открытыми скамьями. Мы последовали примеру прихожан и остались в головных уборах. Многие из них, заняв свои места, достали из вышитых сумок белые шелковые шали, которые надели на головы, сложив их вчетверо: эффект был весьма необычен — верхний край шали был украшен чем-то вроде

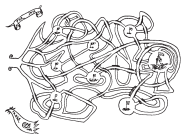
* Рисунок не сохранился (прим. ред.).

Л. Давыдов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

золотой вышивки, но на самом деле, вероятно, был филактерией. Время от времени эти люди поднимались и читали отдельные части уроков. Все читалось по-немецки, но значительная часть распевалась на иврите под прекрасную музыку: некоторые из песнопений пришли из очень давних времен, возможно, еще со времен Давида. Главный раввин и сам много распевал, без музыки. Прихожане попеременно вставали и садились: я не заметил, чтобы кто-нибудь из них стоял на коленях.

День мы провели в Потсдаме, городе дворцов и садов. Новый дворец (где живет наша собственная наследная принцесса) был еще более великолепным, чем берлинский Шлосс. Здесь мы увидели покои Фридриха Великого, его письменный стол, стул с обивкой, практически изорванной на клочки когтями его собак, и т. п. Мы также посетили церковь, в которой находится его гробница — простая и без какой-либо надписи, в соответствии с его волей. Жемчужина Потсдама — «Сан-Суси», его любимый дворец: мы бродили по садам, разбитым в старом формальном стиле, с прямыми

Июль

аллеями деревьев, расходящимися от центра, и чрезвычайно красивой серией расположенных террасами садов, возвышающимися друг над другом, и со множеством померанцевых деревьев. Количество произведений искусства, которыми щедро одарен Потсдам, необычайно; некоторые из дворцовых крыш были похожи на целые леса пьедесталов. По сути дела, мне представляется, что два основных принципа берлинской архитектуры состоят в следующем: «На крышах домов, там, где имеется подходящее место, устанавливать человеческую статую; лучше всего, чтобы при этом она стояла на одной ноге. Везде, где имеется свободное место на земле, устанавливать или круглую композицию из группы бюстов на пьедесталах, проводящих совещание, все лицом внутрь круга, или же колоссальных размеров фигуру человека, приготавливающегося умертвить или уже умертвляющего (последнее предпочтительнее) зверя; чем больше в звере дырок, тем лучше, — собственно, правильное всего использовать для этого дракона, но, если это выше способностей художника, он может удовлетвориться львом или свиньей».

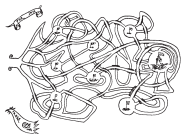
Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

Принцип звероубиения соблюдается повсюду с нескончаемым однообразием, из-за чего многие части Берлина выглядят как окаменелая бойня. Потсдамская экспедиция заняла шесть часов.

21 июля (вскр.). Лиддон отправился на немецкую

~~службу~~ службу в Dom-Kirche. Я посетил единственную английскую службу (утреннюю) в помещении, снятом для этой цели, во дворце Монбижон. Пока Лиддон был на вечерней службе, я погулял в Люст-Гартене, где небольшие группы людей сидели на скамейках и ступенях Музея и играли дети: любимым их развлечением было плясать, держась за руки и двигаясь по кругу, лицами наружу; при этом они напевали песенку, слова которой мне не удалось разобрать. Один раз они увидели большого пса, который лежал поблизости, и сразу же окружили его и начали танцевать и петь ему свою песенку, для этой цели расположившись лицом к нему; судя по всему, пес был явно озадачен этой новаторской формой увеселения, но вскоре решил, что терпеть это невозможно и следует сбежать любой ценой. Я также познакомился с весьма приятным

Июль

немецким господином, который слонялся без дела так же, как и я, и немного с ним побеседовал: он с чрезвычайным благодушием пытался понять, что я имею в виду, и помогал мне составить фразы на том, что можно было бы назвать очень плохим немецким, если бы это вообще заслуживало названия немецкого. Тем не менее немецкий, на котором я говорю, примерно так же хорош, как и тот английский, который я слышу, — сегодня утром за завтраком, когда я заказал холодной ветчины, официант, принеся остальной заказ, перегнулся через стол и сообщил мне конфиденциальным шепотом: «Я приносить холодный ветчина через минуты».

В десять пятнадцать мы выехали в Данциг, куда добрались в весьма сносном состоянии в десять утра.

22 июля

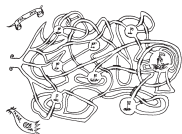
(пн.). Мы провели остаток дня, осматривая Dom-Kirche и исследуя остальную часть этого фантастического и необычайно интересного старого города. Улицы узки и извилисты, дома очень высоки, и почти каждый из них увенчан причудливо украшенным фронтоном со множеством

29

Эдвард

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

странных изгибов и зигзагов. Побывав в Dom-Kirche, я получил огромное удовольствие. Мы провели в этой церкви около трех часов и еще час на вершине колокольни, высота которой составляет 328 футов и с которой открывается чудесный вид на старый город, излучины Молдана и Вистулы и бесконечное пространство Балтийского моря. В церкви мы увидели великолепную картину работы Мемлинга, изображающую Судный День, одно из самых больших чудес, которые мне приходилось видеть: на ней изображены, наверное, сотни фигур, и почти каждое лицо выписано настолько тщательно, словно миниатюрный портрет; некоторые из злых духов доказывают наличие у художника безграничной силы воображения, однако они слишком гротескны, чтобы вызывать ужас. Церковь была полна алтарей и запрестольных образов (хотя сейчас это лютеранский храм), чьей общей чертой было наличие складывающихся створок, украшенных с обеих сторон, а за ними — горельеф, раскрашенный и золоченный сверх меры и, как правило, изображающий распятие. На одном,

Икона

где Господь несет крест, я заметил новаторскую идею: столб, вкопанный в землю, заканчивающийся болтом, который проходит сквозь самый высокий конец креста, а на конце этого болта — гайка, которую пытается повернуть бес, чтобы нести крест было еще труднее. В самой верхней части алтаря находится огромное распятие, стоящее на балке с фигурами плачущих женщин размером больше чем в натуральную величину.

В двух ризницах мы обнаружили великолепное собрание старых облачений, реликвий, музыкальных инструментов, а одних только риз я насчитал семьдесят пять штук! Там также были две «везики» (очень редкие), то есть полые футляры, сделанные из гнутых прутьев, в которых находится статуя Девы Марии. Предполагается, что каждая пара расположенных друг напротив друга прутьев представляет рыбу (ΙΧΘΥΣ). Они висели на цепях, свисавших с потолка над алтарем. Вся церковь внутри белая с золотым, с очень высокими сводами и со множеством великолепных высоких колонн.

Задворин

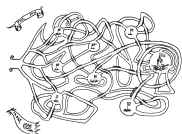
Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

Вечером мы пошли погулять и, возвращаясь домой в сумерках по узкому переулку, прошли мимо маленького солдата, стоявшего на часах посреди улицы с примкнутым штыком: он окинул нас яростным взглядом, но не тронул и позволил пройти.

В гостинице на стойке сидел зеленый попугай, мы обратились к нему, назвав «попкой»; он наклонил голову в сторону и задумался, однако не стал делать в ответ никаких заявлений. Подошедший официант сообщил нам о причине его молчания: «Er spricht nicht Englisch; er spricht nicht Deutsch»*. Оказалось, что несчастная птица умела говорить только по-мексикански! Не зная ни слова на этом языке, мы могли лишь испытать сожаление.

~~23 мая~~ 23 мая (вт.). Мы погуляли и купили несколько фотографий, а в 11.39 отправились в Кенигсберг. По дороге на вокзал мы столкнулись с самым грандиозным примером «Ее величества правосудия», который мне приходилось наблюдать: в суд или в тюрьму (вероятно, за карманную кражу) вели маленького мальчика. Сия героическая миссия была доверена двум солдатам

* Он не говорит по-английски; он не говорит по-немецки (нем.).

Июль

в парадной форме, которые вышагивали с торжественным видом: один — впереди бедного маленького создания, а второй — сзади; разумеется, с примкнутыми штыками, чтобы сразу перейти в атаку, в случае, если он попытается убежать...

Пейзаж между Данцигом и Кенигсбергом весьма скучен. За Данцигом мы увидели из окна вагона коттедж с гнездом на крыше, в котором обитали какие-то большие длинноногие птицы, — наверное, аисты, поскольку немецкие книги для детей рассказывают нам, что аисты строят свои гнезда на крышах домов и выполняют глубокую нравственную задачу, унося непослушных детей.

Мы прибыли в Кенигсберг около семи и поселились в «Deutsches Haus».

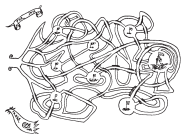
10.30 вечера. Услышав какой-то пищащий звук, я только что выглянул в окно и увидел полицейского (или иное подобное существо), совершающего обход. Он медленно шествует посередине улицы, останавливается через каждые несколько ярдов, подносит ко рту какой-то музыкальный инструмент и издает звук, в точности как детская дудка. Я обратил

Ладстон Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

внимание на такой же звук, когда мы были в Данциге, где-то около полуночи, но решил, что это балуются мальчишки.

~~24 мая~~ 24 мая (ср.). Я вышел из гостиницы и пошел гулять по городу один, поскольку Лиддон неважно себя чувствовал, и среди прочего поднялся на башню Альдштадт Кирхе, откуда открывался весьма неплохой вид на весь город. Поиски церковного сторожа, у которого был ключ, и его допрос, когда мы поднялись на башню, по поводу различных объектов городского пейзажа, оказались тяжким испытанием для моего весьма слабого немецкого. Те местагорода, которые я посетил, были довольно обычными, но позднее я узнал, что не был в самой старой его части.

Вечером мы больше двух часов сидели в Burse-Garten, слушая великолепную музыку и наблюдая, как развлекаются местные жители, к выполнению какой-то задачи они подходили весьма основательно. Народ постарше сидел вокруг маленьких столиков (по четыре-шесть человек), женщины занимались рукоделием, а дети разгуливали везде, где только можно, группами по

Июль

четыре-пять человек, причем все держались за руки. Вокруг сновали официанты, бдительно высматривая, не желает ли кто-нибудь сделать заказ, но, насколько можно было судить, почти никто не пил. Все было так же тихо и чинно, как в лондонской гостиной. Похоже, что все всех знали, и все выглядело более по-домашнему, чем то, что мы наблюдали в Брюсселе.

Остановившись в «Deutsches Haus», мы получили одну необычную привилегию — мы можем звонить в колокольчик столь долго и так часто, как нам того хочется: для прекращения производимого нами шума не предпринимается никаких мер. В среднем горничная является через пять-десять минут после сигнала, а для того чтобы получить требуемый предмет, необходимо от тридцати до сорока пяти минут.

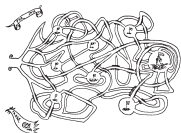
~~25 июля~~ 25 июля (чт.). День, проведенный в хождениях по городу, однако записывать нечего, кроме того, что на некоторых магазинах надписи на немецком повторяются символами древнееврейского алфавита. Вечером я посетил театр, который был достаточно неплох во всех отношениях и очень хорош

Л. Доджсон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

с точки зрения пения и некоторых моментов игры актеров. Пьеса называлась «Год 66», но мне лишь время от времени удавалось уловить пару слов, поэтому я имею весьма смутное представление о сюжете. Одним из персонажей был «корреспондент английской газеты». Это странное создание появляется посреди солдатского бивуака, одетое почти полностью в белое — очень длинный сюртук и цилиндр, сдвинутый на затылок, — тоже почти белый. При первом своем появлении он сказал по-английски «доброе утро», но затем говорил, как я полагаю, на ломаном немецком. Судя по всему, солдаты рассматривали его в качестве мишени для своих острот, и карьеру свою он закончил, провалившись в полковой барабан.

Должно быть, два самых продаваемых товара в Кенигсберге — это перчатки и фейерверки (поскольку ими торгует примерно половина всех магазинов). Тем не менее я встречаю здесь много господ, которые ходят по улице без перчаток: возможно, перчатками пользуются только для защиты рук при запуске фейерверков.

Июль

26 июля (пт.). Утром мы посетили Dom-Kirche, прекрасное старинное здание, и поездом в 12.54 выехали в Санкт-Петербург (или Петербург, как его, судя по всему, обычно называют), куда и прибыли точно по расписанию в пять тридцать вечера следующего дня, проведя, таким образом, в пути двадцать восемь с половиной часов! К несчастью, места в том купе, в котором мы ехали, позволяли лечь только четверым, а поскольку вместе с нами ехали две дамы и еще один господин, я спал на полу, используя в качестве подушки саквояж и пальто, и хотя особенно не роскошествовал, однако устроился вполне удобно, чтобы крепко проспать всю ночь. Оказалось, что ехавший с нами господин — англичанин, который живет в Петербурге уже пятнадцать лет и возвращается туда после поездки в Париж и Лондон. Он был весьма любезен и ответил на наши вопросы, а также дал нам огромное множество советов по поводу того, что следует посмотреть в Петербурге. Он поговорил по-русски, чтобы дать нам представление о языке, однако обрисовал нам весьма унылые перспективы, поскольку,

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

по его словам, в России мало кто говорит на каком-либо другом языке, кроме русского. В качестве примера необычайно длинных слов, из которых состоит этот язык, он написал и произнес для меня следующее:

защищающихся,

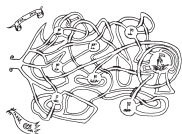
что, записанное английскими буквами, выглядит как

Zashtsheestshayoushtsheekhsya:

это пугающее слово — форма родительного падежа множественного числа причастия и означает «лиц, защищающих себя».

Он оказался весьма приятным дополнением к нашей компании, и мы с ним сыграли три партии в шахматы в течение второго дня; эти партии я записывать не стал и, возможно, правильно сделал, поскольку все они закончились моим поражением.

Вся местность от русской границы до Петербурга была совершенно плоской и неинтересной, если не считать появлявшихся время от времени одиноких фигурах крестьян в традиционных меховой шапке и подпоясанной рубахе, и мелькавших иногда церквей с круглым куполом и четырьмя маленькими куполами вокруг,

Июль

выкрашенных в зеленый цвет и весьма напоминавших (по меткому замечанию нашего знакомого) обеденный судок.

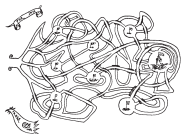
На одной из станций, где мы остановились на обед, был человек, игравший на гитаре с свиристелями, прикрепленными к верхней ее части, и колокольчиками; на всем этом он ухитрялся играть чисто и в такт; это место было замечательно также тем, что мы впервые попробовали местный суп, *Щи* (произносится как *shtshee*), который оказался вполне съедобным, хотя и содержал некий кислый ингредиент, возможно, необходимый для русского вкуса... Перед прибытием мы попросили нашего знакомого научить нас русскому названию нашей гостиницы — *Gostinitsa Klee*, поскольку он предполагал, что нам, вероятно, придется взять русского возницу, но мы были избавлены от всех хлопот, так как нас ждал человек из «Отель де Рюсси», который обратился к нам по-немецки, посадил нас в свой омнибус и погрузил багаж. После ужина у нас оставалось время только для короткой прогулки, но она была полна нового и удивительного. Огромная ширина улиц

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

(второстепенные улицы, похоже, шире, чем что-либо подобное в Лондоне), маленькие дрожки, которые беспрестанно пронеслись мимо, похоже, совершенно безучастные к тому, что могут кого-нибудь переехать (вскоре мы обнаружили, что нужно постоянно быть начеку, потому что возницы никогда не кричали, давая о себе знать, как бы близко к нам ни подбирались), огромные освещенные вывески над магазинами и гигантские церкви с их голубыми, в золотых звездах куполами и приводящая в замешательство тарабарщина местных жителей, — все это внесло свой вклад в копилку впечатлений от чудес нашей первой прогулки по Санкт-Петербургу. По пути мы прошли мимо усыпальницы, прекрасно украшенной и позолоченной изнутри и снаружи, в которой хранится Распятие, картины и проч. Почти все бедняки, проходившие мимо, обнажали головы, кланялись ей и множество раз осеняли себя крестным знаменем — странное зрелище посреди оживленной толпы.

~~28 июля~~ (вскр.). Утром мы пошли в великий Исаакиевский собор, но разобраться в службе, которая велась на церковно-

Икона

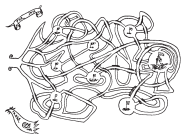
славянском, было делом безнадежным. Никаких музыкальных инструментов, которые бы помогали песнопениям, не было, но певчим удалось создать чудесное впечатление с помощью одних только голосов. Церковь представляет собой огромное квадратное здание, заканчивающееся четырьмя равными частями, в которых размещается алтарь, неф и трансепты, над средней частью возвышается огромный купол (снаружи полностью покрытый позолотой), и окон настолько мало, что внутри было бы совсем темно, если бы не множество икон на стенах, с горящими перед ними свечами. Судя по всему, для каждой иконы изначально предназначены только две большие свечи, но рядом стоят подсвечники для маленьких свечек, и эти свечки ставят те, кто молится перед образами, — каждый приносит с собой свечку, зажигает и вставляет в подсвечник. Единственное участие, которое прихожане принимали в службе, заключалось в том, что они кланялись и крестились, иногда стоя на коленях и касаясь лбами пола. Можно было бы надеяться, что все это сопровождается чтением молитвы, но вряд ли это могло бы

Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

быть во всех случаях: я видел, как это делали совсем маленькие дети, и выражение их лиц ничем не выдавало, что они делают это осмысленно, а одному маленькому мальчику (которого я заметил днем в Казанском соборе), чья мать заставила его стать на колени и коснуться лбом земли, было не больше трех лет. Все они кланялись и крестились перед иконами, причем не только там, — когда я стоял снаружи, дожидаясь Лиддона (я вышел на улицу только что началась служба), то заметил, что огромное количество людей делали это, проходя мимо дверей храма, даже если находились в этот момент на противоположной стороне невероятно широкой улицы. От входа поперек улицы шла узкая мощеная полоса, так что любой, кто проходил или проезжал мимо, мог точно определить, что находится напротив врат храма.

Кстати, само крестное знамение вряд ли можно назвать таковым, поскольку оно состоит в том, что они касаются указательным пальцем правой руки лба, груди, правого плеча и левого плеча; обычно это делается трижды, после каждого раза

Июль

следует поклон, а затем четвертый раз — без поклона.

Одеяния священников, проводящих богослужение, отличались чрезвычайным величием, а процессии и воскурение фимиамом напомнили римско-католическую церковь в Брюсселе, но чем больше видишь эти роскошные службы с их многочисленными способами воздействия на органы чувств, тем больше любишь скромную и бесхитростную (но, по моему мнению, более реальную) службу английской церкви.

Я слишком поздно узнал, что единственная английская служба здесь проводится утром, поэтому днем мы просто гуляли по этому чудесному городу. Он настолько совершенно не похож на все виденное мною раньше, что я, наверное, был бы счастлив уже тем, что в течение многих дней просто бродил по нему, ничего больше не деля. Мы прошли от начала до конца Невский, длина которого около трех миль; вдоль него множество прекрасных зданий, и, должно быть, это одна из самых прекрасных улиц в мире: он заканчивается (вероятно) самой большой площадью в мире,

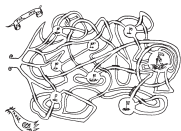
Задартов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

Адмиралтейской площадью, длина которой около мили, причем бóльшую часть одной из ее сторон занимает фасад Адмиралтейства.

Возле Адмиралтейства стоит прекрасная конная статуя Петра Великого. Нижняя ее часть — не обычный пьедестал, а глыба, бесформенная и необработанная, как настоящий камень. Конь взвился на дыбы, и вокруг его задних ног свернулась змея, которую он, как я понял, топчет копытами. Если бы такую статую поставили в Берлине, то Петр, несомненно, непосредственно участвовал бы в процессе умерщвления чудища, но здесь он не обращает на него никакого внимания: по сути дела, теория умерщвления здесь явно не находит поддержки. Мы обнаружили два колоссальных изваяния львов, которые до такой степени кротки, что каждый из них играет огромным шаром, словно шаловливый котенок.

Мы очень хорошо пообедали за табльдотом, начав со Шей, которые, как я обнаружил к своему большому облегчению, не всегда и не обязательно бывают кислыми, как я того боялся.

Июль

29 июля

(пн.). Я начал день с того, что купил карту Петербурга и маленький словарь-разговорник. Последний, похоже, наверняка нам очень пригодится — в течение дня (добрая часть которого прошла в бесплодных визитах) нам пришлось четыре раза нанимать дрожки: два раза из гостиницы, когда мы попросили портье договориться с возницей, но в двух других случаях довелось управляться самим. Привожу в качестве примера один из предварительных разговоров.

Я. Gostonitia Klee (гостиница «Клеес»).

Возница (скороговоркой произносит какую-то фразу, из которой мы улавливаем лишь отдельные слова). Tri groshen (tri groshen — 30 копеек?).

Я. Doatzat Koreski? (20 копеек?).

В. (возмущенно) Tritzat! (30)

Я (решительно). Doatzat.

В. (просительно) Doatzat pait? (25?)

Я (с видом человека, который сказал свое окончательное слово и желает положить конец бесполезным переговорам). Doatzat. (Здесь я беру Лиддона под руку, и мы уходим, полностью игнорируя крики возницы).

З. Додсон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

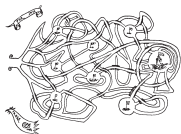
Пройдя несколько ярдов, мы слышим, что дрожки медленно катятся за нами: он догоняет нас и снова окликает.)

Я (мрачно). Doatzat?

В. (с радостной ухмылкой) Da! Da!
Doatzat! (И мы садимся.)

Такого рода вещи в некотором смысле забавны, когда это происходит один раз, но, если бы подобный процесс был неотъемлемой частью процедуры нанятия кеба в Лондоне, со временем она стала бы несколько утомительной.

После обеда мы посетили рынки, которые представляют собой огромные кварталы, окруженные маленькими магазинами под колоннадой. Наверное, там было кряду сорок или пятьдесят лавок кряду, в которых продавались перчатки, воротнички и другие подобные вещи. Мы обнаружили десятки магазинов, в которых продавались одни только иконы: от маленьких, в грубой манере изображений всего дюйм или два длиной до детально выписанных картин размером в фут или более, где все, кроме лиц и рук, было золотым. Купить их будет нелегко, поскольку,

Июль

как нам сказали, владельцы магазинов в этом квартале изъясняются только по-русски.

~~30 мая~~ (вт.). Мы совершили длительную

прогулку по городу, пройдя в общей сложности, наверное, миль пятнадцать-шестнадцать, — расстояния здесь огромны, это все равно что гулять по городу великанов. Мы посетили кафедральную церковь в крепости, представляющую собой сплошную гору золота, драгоценностей и мрамора, скорее внушительную, чем красивую. Нашим гидом был русский солдат (похоже, в большинстве своем официальные функции здесь выполняют солдаты), чьи пояснения на его родном языке не принесли нам особой пользы. Здесь находятся гробницы всех императоров, начиная с Петра Великого (кроме одного): все совершенно одинаковые, из белого мрамора, с золотым украшением на каждом углу, массивным золотым крестом на верхней плите и с надписью на золотой табличке, — никаких других украшений нет.

Вся церковь была увешана иконами, перед ними горели свечи и стояли ящики для пожертвований. Я видел, как одна бедная

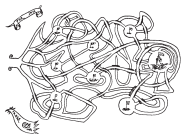
Л. Доджсон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

женщина подошла к изображению св. Петра, держа на руках больного ребенка: сначала она дала стоявшему на часах солдату монету, которую тот положил в ящик, после чего приступила к длинной череде поклонов и крестных знамений, все это время успокаивающе говоря что-то своему несчастному младенцу. По ее измученному, полному тревоги лицу было видно, что она верит, что ее действия каким-то образом умилоостивят св. Петра и он поможет ее ребенку.

Из крепости мы перешли по мосту на Wassili Ostrov (остров Василия) и осмотрели значительную его часть: названия магазинов и проч. почти все были на русском. Соответственно, для того чтобы купить хлеба и воды в одной из маленьких лавок, мимо которой мы проходили, я выудил в словаре два слова: «khlaib» и «vadah», чего оказалось вполне достаточно для совершения сделки.

Сегодня вечером, поднявшись в свой номер, я обнаружил, что на утро нет ни воды, ни полотенца и, что еще больше усугубляло восторг ситуации, колокольчик (по зову

Июль

которого явилась бы немецкая горничная) отказывался звонить. Столкнувшись с такой приятной неожиданностью, я был вынужден спуститься вниз и найти слугу, который, к счастью, оказался моим коридорным. Испытывая трепетную надежду, обратился к нему на немецком, но тщетно — он лишь отчаянно затряс головой, поэтому мне пришлось (после поспешной консультации со словарем) изложить свою просьбу по-русски, что я и сделал в исключительно доступной форме, игнорируя все слова, кроме самых основных.

31 июля (ср.). К нам зашел наш попутчик, мистер Александр Муир, и пригласил нас завтра посетить Петергоф, осмотреть достопримечательности (в сопровождении его компаньона) и отобедать вместе с ним. День мы посвятили посещению «Эрмитажа» (т. е. собрания картин и проч. в Зимнем дворце) и Александро-Невского монастыря.

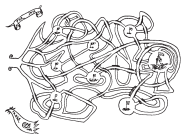
В Эрмитаже, где мы намеревались ограничиться исключительно картинами, мы попали в руки гида, который показывал скульптуры и который, игнорируя все намеки на то, что мы хотели бы попасть в галерею,

Златов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

настоял на том, чтобы провести нас по своему отделу и, таким образом, отработать свой гонорар. Тем не менее это чудесная коллекция древнего искусства, на которую потрачены почти неисчислимые средства.

Картины нам удалось посмотреть лишь частично и второпях, но они, как и скульптуры, составляют просто бесценную коллекцию. В одном из больших залов были выставлены в основном работы Мурильо, — одна из них необыкновенно прелестная — «Успение Богородицы», и еще «Видение Иакова». (Вопр.: То, что представлено в виде гравюры у д'Ойли и Марта?) В другом зале было множество картин Тициана. Не имея времени на всю или даже половину коллекции, мы перешли к голландской школе, чтобы посмотреть «Шедевр» Поля Поттера, картину, описанную Мюрреем и представляющую, с исключительным мастерством и юмором, отдельными фрагментами сцены охоты на различные виды дичи, льва, кабана и проч., и финальную сцену, когда все животные собираются для того, чтобы судить и казнить охотника и его собак.

Август

Картина, которую я главным образом запомнил, это круглое полотно «Святое семейство» Рафаэля, весьма изысканная.

Мы взяли дрожки от Зимнего дворца до монастыря. Здесь нам удалось посмотреть только церковь, в которой хранятся огромные количества золота, серебра и драгоценностей в виде усыпальниц и проч. Мы оставались там до окончания вечерней службы, которая в основном была такой же, как и в Исаакиевском соборе, разумеется, с очень небольшим числом прихожан.

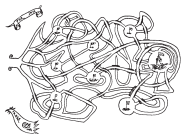
1 августа (рт.). Примерно в половине

одиннадцатого за нами заехал г-н Меррилис и с поистине замечательной любезностью вызвался пожертвовать своим днем, чтобы свозить нас в Петергоф, находящийся милях в двадцати, и показать нам это место. Мы сели на пароход и поплыли по гладкому и пресному Финскому заливу: первая особенность характерна для всего Балтийского моря, вторая свойственна значительной его части. Участок между двумя берегами, длиной около пятнадцати миль, очень мелок, во многих местах всего шесть-восемь футов глубиной, и каждую зиму

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

полностью замерзает, покрываясь льдом толщиной два фута, а когда сверху его заносит снегом, образуется твердая равнина, которая регулярно используется для поездок, хотя огромные расстояния без еды или укрытия опасны для плохо одетых путников. Г-н Меррилис рассказал нам о своем знакомом, который, проезжая по заливу прошлой зимой, видел замерзшие тела восьми человек... По дороге мы хорошо рассмотрели финский и кронштадтский берег... Когда мы высадились в Петергофе, оказалось, что нас уже дожидается экипаж г-на Муира, и с его помощью, постоянно выходя, чтобы пройти пешком по тем участкам, где экипаж не мог проехать, мы обошли и объехали территорию двух императорских дворцов, включая множество летних домиков, каждый из которых сам по себе мог бы быть весьма неплохой резиденцией, поскольку, несмотря на небольшие размеры, они были оборудованы и украшены во всех отношениях, которые мог бы подсказать вкус или позволить огромные средства. Своим великолепием — разнообразной красотой и совершенным сочетанием природы и искусства, я думаю, эти сады затмевают сады «Сан-Суси». На

Август

каждом углу или в конце проспекта или аллеи, где можно было установить скульптуру, таковая скульптура непременно присутствовала, в бронзе или в белом мраморе, многие из последних имели позади нечто вроде округлой ниши с черным фоном, чтобы фигура выглядела более рельефно. В одном месте мы обнаружили серию идущих уступами карнизов, сделанных из камня, по которым каскадом стекает вода; в другом была длинная аллея, тянувшаяся вниз по склонам и лестницам и закрытая сверху решетчатыми арками, которые были оплетены вьющимися растениями, — и еще — огромный первозданный валун, из которого, прямо на месте его обитания, высекли гигантскую голову с нежными очами, похожими на глаза сфинкса, — казалось, словно какой-то погребенный в земле Титан пытается вырваться, освободиться; еще фонтан, настолько искусно созданный из расположенных спиралевидных трубок, что каждый следующий круг выбрасывает воду выше, чем предыдущий, образуя в целом пирамиду сверкающих брызг; лужайка, виднеющаяся под нами сквозь прогалину в деревьях с нитями алых гераней, которые

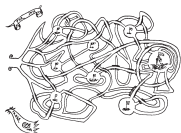
Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

выглядят на расстоянии как огромная ветка кораллов; то здесь, то там длинные широкие аллеи деревьев, идущие во всех направлениях, иногда по три-четыре рядом, а иногда расходясь лучами, как звезда, и уходя вдаль настолько, что глаз почти устает следить за ними...

Все изложенное послужит скорее для того, чтобы напомнить мне, чем передать хоть какое-то представление о том, что мы видели.

Мы ненадолго заехали к Муирам по дороге на обед, увидели г-жу Муир и нескольких очаровательных маленьких детей, и вернулись туда снова около пяти и тогда уже встретили г-на Муира. На ужин пришли и другие знакомые, и наконец мы возвратились в Петербург с неутомимым г-ном Меррилисом, который увенчал множество оказанных нам за этот день услуг тем, что нашел дрожки и провел непременно здесь переговоры с извозчиком, совершив подвиг, который наверняка вверх бы нас в отчаяние, если бы нам пришлось самим пытаться сделать это в темноте, в окружении толпы извозчиков и в совершенно невообразимом гаме странных звуков.

Август

2 августа (пт.). Выехав в два тридцать на поезде в Москву, приехали около десяти следующего утра. Мы взяли «спальные билеты» (на два рубля дороже), и в награду за это примерно в одиннадцать вечера к нам зашел проводник и продемонстрировал сложнейший фокус. То, что было спинкой сиденья, перевернулось, поднявшись вверх, и превратилось в полку; сиденья и перегородки между ними исчезли; появились диванные подушки, и наконец мы забрались на упомянутые полки, которые оказались весьма удобными постелями. На полу разместилось бы еще трое спящих, но, к счастью, таковые не появились. Я не ложился спать примерно до часу ночи, и большую часть времени был единственным, кто находился на открытой площадке в конце вагона: она была снабжена поручнями и крышей, и с нее открывался великолепный обзор той местности, по которой мы проезжали, — недостаток заключался в том, что вибрация и шум там гораздо сильнее, чем внутри. Время от времени появлялся проводник и в ночное время не выказывал никаких возражений против моего там

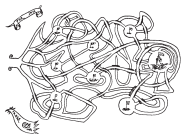
Э. Дюзон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

пребывания, — возможно, он чувствовал себя одиноко, но, когда я попытался сделать это снова на следующее утро, его вскоре охватил приступ деспотичной жестокости, и он снова загнал меня в вагон.

В Москве нас ожидал экипаж и портье из «Отеля Дюзон», в котором мы должны были остановиться.

Мы уделили пять или шесть часов прогулке по этому чудесному городу, городу белых и зеленых крыш, конических башен, которые вырастают друг из друга словно сложенный телескоп; выпуклых золоченых куполов, в которых отражаются, как в зеркале, искаженные картинки города; церквей, похожих снаружи на гроздь разноцветных кактусов (некоторые отростки увенчаны зелеными колючими бутонами, другие — голубыми, третьи — красными и белыми), которые внутри полностью увешаны иконами и лампадами и до самой крыши украшены рядами подсвеченных картин; и, наконец, город мостовой, которая напоминает перепаханное поле, и извозчиков, которые настаивают, чтобы им платили сегодня на тридцать процентов дороже,

Август

потому что «сегодня день рождения императрицы».

После ужина мы поехали на Воробьевы горы, откуда открывается великолепная панорама стройного леса шпильей и куполов с извилистой Москва-рекой на переднем плане, — это те самые холмы, с которых армия Наполеона в первый раз увидела этот город.

4 августа (вскр.). Утром мы долго и

безуспешно искали английскую церковь.

Позднее я пошел один и, по счастью, познакомился с одним русским господином, который говорил по-английски и который любезно отвел меня туда. Г-н Пенни, священник, был дома, и я вручил ему рекомендательную записку от Бергона и был принят им и его женой с чрезвычайным радушием.

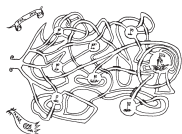
Лиддон пошел со мной на вечернюю службу, и мы провели вечер с Пенни и получили массу ценных советов относительно наших планов в Москве и много любезных предложений помочь в покупке разных любопытных сувениров и проч.

Задворон Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

~~5 августа~~ 5 августа (пн.). День экскурсий. Мы начали

с того, что встали в пять утра и отправились на шестичасовую службу в Петровский монастырь, поскольку было ежегодное освящение и, соответственно, служба должна была отличаться особым великолепием. Она была чрезвычайно прекрасной в том, что касается музыки и сценического эффекта, но бóльшая часть обряда была для меня непонятна. Там присутствовал епископ Леонид (?), который принимал основное участие в причастии, в котором участвовал также один младенец, но больше никто из прихожан. Было весьма любопытно наблюдать, когда служба окончилась и епископ, с которого сняли роскошные одеяния перед алтарем, вышел в простой черной рясе, а люди толпились вокруг него, когда он шел к выходу, чтобы поцеловать его руку.

После завтрака, поскольку явно надолго зарядил дождь, мы посвятили свое время осмотру внутренних помещений, о которых совершенно невозможно дать какое-либо адекватное представление просто словами. Мы начали с церкви св. Василия, которая настолько же необычна (почти гротескна)

Август

внутри, как и снаружи, и которую показывает без сомнения, самый ужасный гид, какого я до сих пор встречал. Его первоначальный замысел заключался в том, что мы должны пронестись через этот храм со скоростью примерно четыре мили в час. Обнаружив, что принудить нас двигаться с такой скоростью совершенно невозможно, он принялся греметь ключами, суетливо носиться вокруг, громко напевать и злобно обзывать нас по-русски, — по сути, он делал все, что мог, разве что не схватил нас за шиворот и не потащил волоком. Только лишь исключительно благодаря чистому упрямству и приступу внезапной глухоты нам удалось посмотреть церковь, или, скорее, группу церквей под одной крышей, в довольно сносных условиях. Каждый храм имел свои собственные характерные особенности, хотя золоченая перегородка* и подсвеченные фрески на всех стенах и даже на внутренней части купола были общими для всех.

Затем мы прошли в Сокровищницу и увидели троны, короны и драгоценности — в таком количестве, что начинаешь думать, что эти предметы встречаются чаще, чем

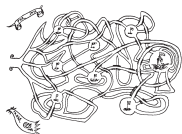
* Иконостас.

Задворок

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

ежевика. Некоторые троны и проч. буквально усыпаны жемчугом.

Затем нас провели по дворцу, после которого, я думаю, все другие дворцы покажутся убогими и миниатюрными. Я измерил шагами один из залов для приемов и посчитал, что его длина составляет восемьдесят ярдов, в ширину же, наверное, двадцать пять — тридцать. Таковых было по крайней мере два и еще множество других больших помещений — все с высокими потолками и изысканно убранные, от пола, инкрустированного атласным деревом и проч., до расписных потолков, богато украшенных позолотой; на стенах жилых помещений вместо обоев — шелк или атлас, и все обставлено и украшено так, словно богатство владельца поистине безгранично. Оттуда мы перешли в ризницу, в которой, помимо баснословной роскоши и богатства одеяний, жемчугов, драгоценностей, распятий и икон, хранятся три огромных серебряных сосуда для приготовления ея, используемого при крещении и проч., который поставляют отсюда в шестнадцать епархий... После ужина мы, как было договорено, поехали к

Август

г-ну Пенни и вместе с ним отправились посмотреть русскую свадьбу — это была *весьма* интересная церемония.

Там был большой хор из собора, который спел длинный прекрасный псалом перед тем, как началась служба, и дьякон (из Успенской церкви) исполнил речитативом несколько фрагментов службы самым потрясающим басом, какой мне доводилось слышать, постепенно повышавшимся (наверное, меньше чем на половину ноты зараз, если это возможно) и усиливавшимся в громкости звука по мере того, как его голос повышался, пока последняя нота не разнеслась по всему зданию как многоголосый хор. Я и представить себе не мог, что одним только голосом можно добиться такого эффекта.

Одна часть церемонии, венчание новобрачных, была почти гротескной. Принесли две роскошные золотые короны, которыми священник, исполнявший церемонию, сначала помахал перед ними, а потом возложил на их головы — или, точнее сказать, несчастному жениху пришлось стоять в своей короне, но на невесту, предусмотрительно уложившую

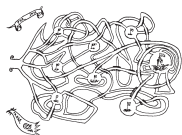
Задворок

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

волосы в довольно замысловатую прическу с кружевной вуалью, надеть корону было нельзя, и поэтому ее подруге пришлось держать корону у нее над головой. Жениха, в обычном фраке, коронованного словно монарха, со свечой в руке и с лицом человека, смирившегося с выпавшим на его долю страданием, можно было бы только пожалеть, если бы он не выглядел настолько смехотворно. Когда народ разошелся, священник пригласил нас осмотреть восточную часть храма, за золотыми воротами, после чего нас наконец отпустили с дружеским рукопожатием и «поцелуем мира», которого удостоился даже я, хотя и был в мирской одежде. Остальную часть вечера мы провели с нашими знакомыми, г-ном и г-жой Пенни.

6 августа (вт.). Г-н Пенни любезно

сопровождал нас в прогулке по Двору (или Рынку), чтобы показать, где можно достать самые лучшие иконы и проч. Перед этим мы поднимались на Колокольню Ивана, откуда открывается прекрасный вид на Москву, раскинувшуюся вокруг нас со всех сторон, вспыхивающие на солнце шпили и золотые

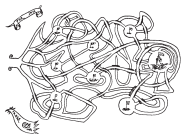
Август

купола. В половине шестого мы отправились с обоими Веэрами в Нижний Новгород и нашли, что эта экспедиция вполне стоит всех тех неудобств, которые нам пришлось вынести от начала и до конца. Наши знакомые взяли с собой своего «курьера», который говорит по-французски и по-русски и который очень нам пригодился, когда мы делали покупки на ярмарке. Спальные вагоны — неизвестная роскошь на этой линии, поэтому нам пришлось довольствоваться обычным вторым классом. Я спал на полу по дороге и туда, и обратно. Единственное происшествие, которое внесло некоторое разнообразие в монотонность поездки (но вряд ли ее облегчившее), длившейся с семи вечера до начала первого следующего дня, состояло в том, что нам пришлось выйти из вагона и перейти по временному пешеходному мосту через реку, поскольку железнодорожный мост смыло. Это вылилось в то, что примерно двум или трем сотням пассажиров пришлось тащиться добрую милю под проливным дождем. Ранее произошла авария, из-за которой наш поезд задержался, и в результате, если бы мы придерживались

Задворон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

нашего первоначального плана вернуться в тот же день, то на ярмарке мы провели бы всего около двух с половиной часов. Мы подумали, что этого делать не стоит, учитывая те хлопоты и расходы, на которые нам пришлось пойти, и решили снять номер в гостинице и остаться до следующего утра. Посему мы отправились в гостиницу «Smernova» (или что-то в этом роде) — поистине разбойничье место, хотя, без сомнения, лучшее в городе. Еда была очень хорошей, а все остальное — очень плохим. Некоторым утешением послужило то, что за ужином мы обнаружили, что представляем предмет живейшего интереса для шести или семи официантов, одетых в белые подпоясанные рубахи и белые брюки, которые выстроились в ряд и зачарованно уставились на сборище странных животных, которые поглощали пищу перед ними... Время от времени их охватывали угрызения совести: они вспоминали, что, в конечном счете, не выполняют назначенный им судьбою официантский долг, и в такие моменты все вместе поспешно направлялись в конец зала и пытались найти поддержку в большом

Август

комоде, в ящиках которого, судя по всему, не содержалось ничего, кроме ложек и вилок. Когда мы просили их что-нибудь принести, они сначала тревожно переглядывались, затем, определив, который из них лучше всего понял заказ, все вместе следовали его примеру, который всегда заключался в заглядывании в ящик... Большую часть дня мы провели, расхаживая по ярмарке, покупая иконы и проч.

Это было замечательное место. Помимо того, что на ярмарке имелись отдельные ряды для персов, китайцев и других, мы постоянно встречали необычные создания с нездоровым цветом лица и в немислимых одеждах. Персы, с их спокойными умными лицами, широко расставленными удлинненными глазами, воронова крыла волосами и желто-коричневой кожей, с черными шерстяными фесками на головах, похожими на гренадерские шапки, были почти что самыми живописными из всех, кого мы встречали, но все новые впечатления дня затмило наше приключение на закате, когда мы наткнулись на татарскую мечеть (единственную в Нижнем), как раз в тот момент, когда один из служащих вышел на крышу, чтобы произнести ...* или призыв

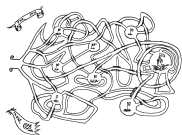
* В оригинале место пропущено.

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

к молитве. Даже если бы в увиденном не было ничего самого по себе необычного, это представляло бы огромный интерес благодаря своей новизне и уникальности, однако сам призыв не был похож ни на что другое, что мне доводилось до сих пор слышать. Начало каждой фразы произносилось быстрым монотонным голосом, а к концу тон постепенно повышался, пока не заканчивался продолжительным скорбным стенанием, которое проплывало в неподвижном воздухе, производя неописуемо печальное и мистическое впечатление: если услышать это ночью, то можно было бы испытать такое же волнение, как от завываний привидения, предвещающего чью-то смерть.

Сразу же, послушные призыву, появились толпы верующих, каждый из которых снял с себя и отложил в сторону обувь перед тем, как войти: главный священник позволил нам постоять в дверях и посмотреть. Сам обряд поклонения, похоже, состоял в том, чтобы стать, обратившись лицом к Мекке, неожиданно упасть на колени и коснуться лбом ковра, подняться и повторить это один или два раза, затем снова неподвижно постоять в течение

Август

нескольких минут и так далее. По пути домой мы зашли в церковь, где служили вечерню, со всем приличествующим набором икон, свечей, крестных знамений, поклонов и проч.

Вечером я отправился с младшим из Веэров в Нижегородский театр, который оказался самым непритязательным строением из всех, что мне доводилось видеть, — единственным украшением внутри была побелка на стенах. Он был очень большим и заполнен не более, чем на одну десятую, поэтому в зале было замечательно прохладно и приятно. Представление, исполнявшееся исключительно на русском языке, было нам несколько непонятно, однако, прилежно трудясь в течение каждого антракта над программкой, мы, с помощью карманного словарика, получили сносное представление о том, что происходит на сцене. Первой и самой лучшей частью была «Аладдин и волшебная лампа», бурлеск, в котором некоторые актеры показали по-настоящему первоклассную игру, а также очень неплохое пение и танцы. Я никогда не видел актеров, которые уделяли бы больше внимания действию и партнерам по сцене и меньше бы

Задворок

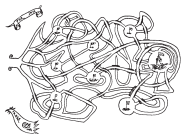
Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

смотрели на зрителей. Тот, который играл Аладдина, по фамилии Ленский, и одна из актрис в другой пьесе, по фамилии Соронина, пожалуй, были лучшими*. Другими пьесами были «Cochin China» и «Гусарская дочь».

~~7 августа~~ (ср.). После ночи, проведенной в постелях, состоящих из досок, покрытых матрасом в дюйм толщиной, подушки, одной простыни и стеганого одеяла, и после завтрака, гвоздем которого стала большая и очень вкусная рыба, почти полностью без костей, которая называется Stirlet, мы посетили собор и Мининскую башню. В соборе мы обнаружили, что там проходит торжественная обедня и все огромное белое здание заполнено военными: мы немного подождали и послушали великолепное пение.

С Мининской башни нам открылась великолепная панорама всего города и извиляющаяся лента Волги, теряющаяся в туманной дали. Затем, после еще одного посещения Двора, около трех мы отправились в обратное путешествие, еще более неудобное, чем предыдущее, если такое вообще возможно, и снова прибыли в Москву,

* В оригинале фамилии приведены русскими буквами.

Август

усталые, но довольные всем, что увидели, примерно в девять утра.

9 августа (пт.). Единственным значительным

событием дня была наша поездка (снова в сопровождении Веэров) в Монастырь Semonof, где с вершины колокольни, взбираясь на которую, мы насчитали 380 ступеней, мы смогли ближе и, по моему мнению, лучше рассмотреть Москву, чем с Воробьевых гор. Мы посетили часовни, кладбища и трапезную: часовни были прекрасно украшены фресками и проч., и в одной из них имелось любопытное изображение, почти гротескное, сучка и бревна^{*}; мы также отведали монашеский черный хлеб, который оказался совершенно съедобен, хотя и не вызывал желания откусать его еще раз... Старший из Веэров вечером составил мне компанию, и мы пошли в Московский «Малый театр», на самом деле оказавшийся большим красивым зданием. Публика была очень хорошая, и пьесы «Свадьба бургомистра» и «Женский секрет» были встречены большими аплодисментами,

* Имеется в виду сцена, иллюстрирующая фразу: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Лука, 6:41-42).

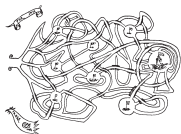
Э. Додсон *Дневник путешествия
в Россию в 1867 году*

но ничто не понравилось мне так же,
как «Аладдин». Все было на русском.

10 августа (сб.). Мы посвятили утро визитам
с рекомендательными письмами, однако нам
не удалось никого застать дома. Днем мы
поехали в Петровский дворец и погуляли там
в парке. Дворец выкрашен в ярко-красный
и белый цвета — результат получился явно
уродливым. По дороге обратно я переписал
надпись над Тогг Gate, которые охраняют
вход в парк:

PIAE MEMORIAE
ALEXANDRI I
Ob Restitutam E Cine Ribus
Multisque Paternae Curae Monumentis Auctam
Antiquam Hanc Metropolin
FLAGRANTE BELLO GALLICO ANNO
MDCXII FLAMMIS
DATAM

Мы поужинали с г-ном Пенни, встретив
у него г-на и г-жу Ком и их племянницу
г-жу Натали, а затем все вместе поехали
в Семонов монастырь и прослушали очень
длинную, но очень красивую службу,
в которой присутствовала одна совершенно
новая для меня деталь: главный священник

Август

вынес Евангелие и держал его в руках, в то время как все остальные, а затем и монахи, приближались по двое и целовали книгу. Затем он положил ее на аналой и стоял рядом, пока верующие подходили и целовала сначала книгу, а затем его руку.

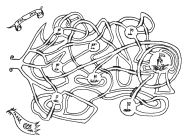
11 августа (вскр.). Утром мы посетили английскую церковь, поскольку Лиддон взялся прочитать там проповедь. Оттуда, вместе с г-ном Пенни, мы отправились с визитом к епископу Леониду, vicарному епископу Московскому, к которому у Лиддона было рекомендательное письмо от князя Орлова. Мы были весьма обрадованы тем, как он нас принял, а также его вежливым обаятельным обхождением — того сорта обхождением, которое сразу заставляет людей почувствовать себя непринужденно. Я думаю, что визит наш длился, должно быть, часа полтора; перед уходом мы договорились поехать завтра вместе с ним в Троицу, в надежде, что, возможно, нам удастся нанести визит митрополиту, архиепископу Филорету... Затем мы вернулись и, поужинав с нашими гостеприимными знакомыми, вместе с ними поехали

Задворок

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

в Страстной женский монастырь, где все песнопения исполняются самими монахинями, — хотя отдельные фрагменты службы, разумеется, проводятся священником. Однако во всех случаях читала одна из монахинь: в течение службы читалось очень много, и в некоторых случаях монахини оставляли свои места на клиросе и становились вокруг чтицы. Некоторые из них выглядели весьма юными: одной, я думаю, было не больше двенадцати. Музыкальная часть службы, похоже, была во многом такой же, как и в других церквях, которые мы посетили, однако впечатление от женских голосов, без какого-либо музыкального сопровождения, было поистине изумительным... Мы остались на чай у Пенни и посетили там же вечернюю службу, закончив день прогулкой вдоль Кремлевской стены; прохладный вечер и великолепный вид — идеальная панорама прекрасных зданий, стоящих вокруг, — были чрезвычайно приятны.

12 августа (пн.). Весьма интересный день. Мы позавтракали в половине шестого и вскоре после семи отправились поездом, в компании с епископом Леонидом и г-ном Пенни,

Август

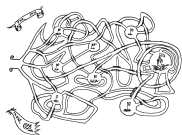
в Троицкий монастырь. Епископ, несмотря на свое ограниченное знание английского, оказался очень разговорчивым и интересным попутчиком. Когда мы приехали, служба в соборе уже началась, и епископ, взяв нас с собой, провел через огромную толпу, переполнявшую здание, в боковое помещение, расположенное непосредственно рядом с алтарем, и там мы оставались в течение всей службы, получив необычную привилегию видеть, как причащаются священнослужители, — во время этой церемонии двери алтаря всегда закрыты и задвинуты занавеси, и паства никогда этого не видит. Это была чрезвычайно сложная церемония, в течение которой много крестились, кадили перед всем, что должно было использоваться, но также совершенно очевидно исполненная глубокой набожности. Ближе к концу службы один из монахов внес блюдо с маленькими хлебами и дал нам каждому по одному: они были освящены, и то, что нам вручили эти хлебцы, должно было означать, что они вспоминали нас в своих молитвах. Когда мы покидали собор, один из монахов провел нас через ризницу

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

и помещения для занятий живописью и фотографией (группу мальчиков обучают этим двум искусствам, которые используются исключительно для духовных целей), и нас сопровождал один русский господин, который был вместе с нами в соборе и который был чрезвычайно любезен и объяснил назначение различных предметов на французском, а когда мы хотели приобрести иконы и проч., спрашивал о ценах и считал сдачу. Только тогда, когда он пожелал нам всех благ и покинул нас, мы узнали, кто уделил нам так много внимания, — боюсь, что больше, чем кто-либо из англичан уделил бы иностранцам, — это был князь Chirkoff.

В помещении для занятий живописью мы увидели так много великолепно выполненных икон, некоторые из которых были написаны на дереве, а некоторые на перламутре, что было трудно решить не столько то, что купить, а что не купить. В конце концов мы ушли — каждый с тремя иконами, причем такое количество было скорее вызвано недостатком времени, нежели какими-либо благоразумными соображениями.

Август

Ризница представляла собой настоящую сокровищницу — драгоценности, вышивка, кресты, потиры и проч. Мы увидели там знаменитый камень, отполированный и обрамленный как икона, который имел в своих пластах (по крайней мере, на первый взгляд) изображение монаха, молящегося перед распятием. Я внимательно его рассмотрел, но никак не мог поверить в естественное происхождение такого удивительного феномена.

Днем мы направились во дворец архиепископа и были представлены ему епископом Леонидом. Архиепископ говорил только по-русски, поэтому беседа между ним и Лиддоном (чрезвычайно интересная и длившаяся более часа) происходила в весьма оригинальной манере — архиепископ делал замечание на русском, епископ переводил его на английский, затем Лиддон отвечал по-французски, а епископ уже излагал его по-русски архиепископу. В результате беседа, которая проходила только между двумя людьми, потребовала использования трех языков!

Епископ любезно поручил одному из студентов, изучавших богословие, который

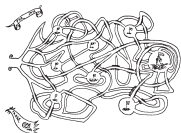
З. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

говорил по-французски, быть нашим гидом, что он и выполнил с большим рвением, сводив нас, среди прочего, посмотреть подземные кельи отшельников, где некоторые из них живут уже многие годы. Нам показали двери двух келий, в которых никто не обитает; возникало странное и не вполне приятное ощущение в темном узком проходе, где каждому приходилось нести свечу, при мысли о том, что внутри живет человеческое существо, покой и одиночество которого озаряет лишь тусклый свет маленькой лампы...

Мы вернулись с епископом вечерним поездом, проведя один из самых запоминающихся дней нашего путешествия.

За ужином в гостинице «Troitsa» нам удалось отведать два из специфически русских продуктов — нечто вроде горького, терпкого вина, приготовленного из ягод рябины, стакан которого принято пить перед ужином «для аппетита». Оно называется «Р hобое» (Ribinov). Вторым был суп «Шчи» (Shchi), с соответствующим кувшинчиком сметаны, которую следует развести в тарелке.

Август

13 августа (вм.). День Водосвятия, великого обряда, выполняемого частично в соборе, а частично на берегу реки. Служба началась в девять, а поскольку я оделся только в половине десятого, то отправился туда, не завтракая. Сначала мы направились в собор, однако скопище людей было так велико, что я сразу же вышел обратно и занял место среди толпы, ожидавшей на берегу реки, чтобы посмотреть, как будет проходить шествие. Процессия появилась только около одиннадцати, а потом я подождал ее возвращения: сам обряд, проходивший на берегу, мне рассмотреть не удалось, но ход выглядел очень торжественно и внушительно. Он начался с ряда больших стягов* — если можно их так назвать, — каждый из которых несли по три человека: древка были пятнадцати футов высотой, и сам стяг больше напоминал круглый щит, заключенный в рамку и, как правило, с лучами по краям и с крестом или иконой в центре. Их было, должно быть, тридцать или сорок. Затем последовала длинная колонна священников, дьяконов и других церковнослужителей, все облаченные в вышитые ризы с другими украшениями, у некоторых из них даже были на груди

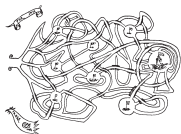
* Хоругви.

Л. Давыдов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

большие иконы, затем большие свечи, иконы поменьше и проч., затем четыре епископа в полном облачении с сопровождающими их священнослужителями и проч., затем толпы поющих мужчин и мальчиков в чем-то вроде форменной одежды красного и голубого цветов. Посмотреть на шествие прибыли очень большие толпы людей, но все вели себя вполне чинно и благодушно; единственная сцена беспорядка, которую я заметил, случилась, когда в конце процессии появился один из дьяконов, который нес обратно сосуд с водой. Все, кто находился рядом с ним, отчаянно бросились вперед, чтобы прикоснуться губами к сосуду, и в результате вода расплескалась во все стороны, прямо на зрителей, и почти вся пролилась. Когда я вернулся домой позавтракать, была уже половина первого.

Весь этот день отмечался как великий праздник, и днем мы пошли на ярмарку. В ней не было ничего специфически русского, если только это не заключалось в возрасте людей, которые участвовали в милом, но неинтеллектуальном развлечении — катании на деревянных лошадках, подвешенных к ободу огромного горизонтально расположенного колеса. Степенные мужчины

Август

средних лет, некоторые из них в военной форме, сидели верхом на существах, которые когда-то, возможно, и были похожи на лошадей, и пытались вообразить себе, что им это нравится. Там было несколько маленьких балаганов и проч. с большими картинами у входа с изображениями людей, показывающих разные трюки, которые были бы весьма сложны, даже если бы руки и ноги у артистов, судя по тому, что было нарисовано, не были полностью вывернуты из суставов. И еще были ларьки, где торговали снедью, судя по ассортименту которой самая подходящая пища для праздника — это сырая рыба и сушеные бобы.

Вечером мы наведались в зоологические сады, где, после посещения вольеров птиц и зверей, уютно расположились под деревьями среди гирлянд цветных ламп и послушали «Тиролевских певцов», очень приятное представление.

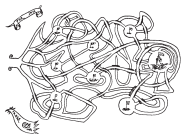
14 августа (ср.). Утро прошло в посещении Банка и Двора.

Мы пообедали в «Московском трактире» — настоящий русский обед, с русским вином... Вот меню.

Л. Дарстон *Дневник путешествия
в Россию в 1867 году*

Суп и пирожки	(soop ee pirashkee)
Поросенок	(parasainok)
Асетрина	(asetrina)
Котлеты	(kotletee)
Мороженое	(morojenoi)
Крымское	(krimskoe)
Кофе	(kofe)

Суп был прозрачным и содержал рубленые овощи и куриные ножки, а «pirashkee», которые подавались к супу, были пирожками с начинкой, в основном состоявшей из вареных яиц. «Parasoumрl» оказался куском холодной свинины с соусом, приготовленным явно из толченого хрена и сливок. «Asetrina» — это осетр, еще одно холодное блюдо, «гарниром» служили раки, оливки, каперсы и что-то вроде густой подливки. Котлеты «Kotletee» были, я думаю, из телятины, «Marajensee» означает «мороженое» — оно было очень вкусным: одно лимонное, одно черносмородиновое, такое я еще не пробовал. Крымское вино было также очень приятным, собственно, весь обед (за исключением, пожалуй, стряпни из осетра) был отменный.

Август

Провели вечер, как уже вошло у нас в обыкновение, у наших гостеприимных знакомых, г-на и г-жи Пенни. Перед тем как отправиться к ним, мы посетили Страстной монастырь, при котором имеется красивое кладбище. Среди гробниц, которые повсюду свидетельствовали о большом вкусе и художественном чувстве, был один крест, в котором находилась горящая лампада, защищенная стеклом с каждой стороны.

15 августа (рт.). Мы позавтракали около

шести, чтобы успеть на утренний поезд до монастыря «Нового Иерусалима». Некий г-н Спайер, знакомый г-на Пенни, дом которого находится за монастырем, любезно предложил нас сопроводить. Мы думали, что все это можно будет легко сделать за день, но оказалось, что мы сильно заблуждались.

Железнодорожная часть поездки длилась примерно до десяти часов. Затем мы наняли «tarantas» (который имеет такую форму, которую приняло бы старое ландо, если бы почти в два раза удлинить его корпус и убрать рессоры) и в нем тряслись более четырнадцати миль по самой ужасной дороге, какую я когда-либо видел. Она изобиловала

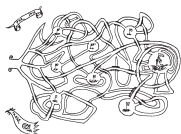
Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

колеями, канавами и непролазной грязью, а мостами служили кое-как уложенные вместе неотесанные бревна. Даже с тремя лошадьми нам понадобилось почти три часа, чтобы преодолеть это расстояние.

По дороге мы последовали предложению, сделанному, кажется, г-ном Муиром, и зашли в деревенский коттедж за молоком и хлебом, используя этот предлог, чтобы посмотреть внутри жилище крестьян, а также уклад жизни. В коттедже, в который мы зашли, оказалось двое мужчин, старая женщина и шесть или семь мальчиков разного возраста. И черный хлеб, и молоко были очень хороши, и было весьма интересно получить представление о доме русского крестьянина. Я попробовал сделать два наброска: один — интерьера, другой — экстерьера; для последнего мы попросили шестерых из мальчиков и девочку стать группой: из этого получилась бы превосходная композиция для фотографии, но была, пожалуй, слишком сложна для моих рисовальных умений.

Мы добрались до деревни, находящейся рядом с монастырем, только около двух, и тогда узнали, что, для того чтобы этим же

Август

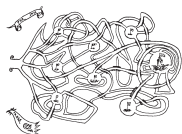
вечером вернуться в Москву, необходимо выехать в три. Соответственно, мы второпях посетили церковь Гроба Господня, и оттуда послали сообщение на почту, чтобы нам запрягли свежих лошадей, которые, как нам сказали, должны были там быть. На этом этапе наши планы нарушились; когда мы вернулись на почту, то увидели, что там не происходит никаких приготовлений, — свежих лошадей не было, — только лишь те уставшие лошади, которые нас привезли, а возница и все присутствовавшие в один голос заявили (шумным русским языком, который смог разобрать только г-н Спайер), что ничего сделать нельзя. Посему мы покорились судьбе и попросили г-на Спайера пойти с нами в гостиницу и заказать нам ужин, чай, постели и завтрак на три часа утра. Он заверил, что во всем заведении нет никого, кто бы знал хоть слово на каком-нибудь ином языке, кроме русского, и, когда он уехал, оставив нас у дверей гостиницы, мы, совершенно точно, чувствовали себя более одинокими и поробинзон-крузски, чем ощущали себя за все это путешествие. Мы отправились

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

в монастырь в сопровождении гостиничного служащего, который передал нас в руки русского монаха — самого что ни на есть патентованного, который игнорировал фразы на всех других языках, кроме русского. Ему я предъявил фразу из своего разговорника, смысл которой сводился к «есть ли здесь кто-нибудь, кто говорит по-немецки, по-французски или по-английски?» Эта маленькая фраза стала поворотным пунктом нашей судьбы — нас сразу же представили другому монаху, который прекрасно, но вполне для меня понятно говорил по-французски, и он чрезвычайно любезно посвятил себя нашим услугам — почти, можно сказать, до конца дня.

Он провел нас по церкви Гроба Господня, главным образом представляющей интерес тем, что она точно скопирована с той, что находится в Иерусалиме, а также показал библиотеку и ризницу, которые были очень интересны, однако не содержали ничего особенного или уникального, если не считать имитации страусиного яйца, которое мы увидели в ризнице. Посмотрев через него на свет, через маленькую дырочку в конце, можно увидеть цветное изображение, которое

Август

выглядит почти объемным, женщины, стоящей на коленях перед крестом. Уже было время возвращаться в гостиницу на обед, что мы и сделали, после того как сначала договорились с нашим любезным гидом, что позовем его, когда вернемся снова.

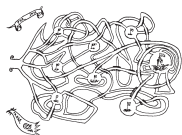
По нашему возвращению монах отвел нас к себе домой, где, вместо кельи с черепом, скрещенными костями и проч., мы обнаружили удобную гостиную, в которой происходило чаепитие; в нем участвовали две дамы, мать и дочь, и господин, который, я думаю, должно быть, был их отцом. Дама постарше неплохо говорила по-французски, а помоложе — исключительно хорошо по-английски. Она рассказала нам, что преподает французский в одной из «гимназий» в Москве, и она была явно хорошо образованна и умна. В этой обстановке было очень приятно находиться, но все выглядело так неожиданно и необычно, что казалось почти сном. После чая всем семейством они провели нас по монастырю и показали покои, в которых останавливается императорская семья, когда иногда посещает это место. Среди прочего мы увидели

Златов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

«Вифлеем» — келью, скопированную с того помещения, где, как говорят, родился Господь. Затем монах повел нас через лес посмотреть отшельническую хижину, куда удалился Никон в годину своей добровольной ссылки. По пути назад мы купили в некоем подобии лавки у входа, которую держат монахи, маленькие копии «Богоматери с тремя руками» — большой иконы, находящейся в одной из часовен, которая написана, дабы увековечить явление Девы Марии, увиденной так, как представлено на иконе, с третьей рукой, появляющейся снизу.

В лесу мы увидели «Иордань», «купальню в Вифезде», маленький домик с настоящей купальней в середине и ступеньками, ведущими к ней, и еще один домик или усыпальницу, называемую «Колодец в Самарии», однако «скитная хижина» была замечательнее всего того, что мы видели ранее. Она выглядит внешне как маленький домик, но внутри нее множество комнат, таких миниатюрных, что вряд ли они даже заслуживают своего названия, соединенных узкими и низкими коридорами и винтовыми лестницами, — спальня, к примеру,

Август

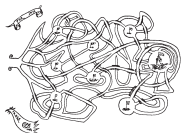
шести футов в длину и в ширину: кровать, сделанная из камня, с каменной подушкой, всего пять футов девять дюймов в длину, и упирается прямо в стену комнаты с выемкой-нишей для ног, поэтому епископ, который был человеком высоким, должно быть, все время вынужден был почивать в скрюченном положении. Все вместе выглядит скорее как игрушечная модель, чем настоящий дом, и, должно быть, жизнь епископа проходила в постоянном смирении, которое превосходило только смирение его домашних слуг, обитавших в крошечном подвале, вход в который закрывает дверь высотой в четыре фута и куда едва просачивается слабый проблеск дневного света.

Остальные присоединились к нам в лесу и вернулись с нами обратно, и вскоре после этого, сердечно поблагодарив их за доброту, мы оставили наших новых знакомых и вернулись в гостиницу, снова испытывая чувство одиночества, поскольку знали, что там нет никого, кто говорил бы на каком-либо другом языке, кроме русского.

Задворок

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

Но судьба снова оказалась к нам благосклонна: у входа мы встретили хозяина, который со многими поклонами и жестикуляциями представил нам русского господина, остановившегося в этом доме, который говорил по-французски. Он был очень любезен и помогал нам получить все, что мы хотели, и сидел с нами, болтая до полуночи. Хозяин, который, похоже, немного подвыпил и был здорово не в себе, также постоянно навещал к нам, чтобы пожать руки и заверить в своей дружбе. Он был, как сообщил нам русский господин, дворянином, хотя и невысокого звания, и потерял свое состояние, примерно миллион рублей, каковое несчастье и повредило его рассудок. Последняя наша беседа с ним произошла, когда он зашел, чтобы предоставить нам счет, который он умолял нас оплатить заранее, поскольку мы уезжали спозаранку. Он выписал его карандашом на клочке грубой бумаги, громко выкрикивая различные пункты, перед тем как внести их в счет, а затем передал его мне, чтобы я посчитал общую сумму. Я это сделал, добавил дополнительный пункт «за труды» — «for

Август

service», и, получив деньги, он поднялся, поклонился иконе, висевшей в углу комнаты, осеня себя крестом, затем схватил Лиддона за руку, расцеловал в обе щеки, а потом поцеловал ему руку; мне пришлось подвергнуться такой же нежной процедуре прощания, и, наконец, он покинул нас, предоставив наслаждаться по мере наших сил и возможностей оставшимися тремя с половиной часами, которые были уменьшены еще до двух с половиной часов нашим русским знакомым, который зашел побеседовать на прощание.

16 августа (пт.). Нас разбудили в три, и после завтрака, тщетно прождав prelodka, мы отправились на ее поиски: мы встретили ее, когда она выезжала со двора «Почты», и в четыре отправились в путь — еще три часа тряски, которую несколько облегчило и скрасило зрелище прекрасного рассвета и музыка колокольчиков на повозке, которая почти всю дорогу следовала позади нас.

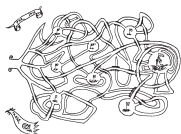
В Москве нас ждал г-н Пенни, который собирался взять с собой Лиддона и представить его аббату*, с которым мы ранее имели продолжительную беседу. Затем

* В оригинале пропущено.

Двадцать Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

мы еще раз посетили Двор, а потом детский приют. Директора на месте не оказалось, поэтому мы не смогли посмотреть все; кроме того, многие из детей постарше находились в деревне, поэтому нам удалось в основном лишь увидеть длинную череду гигантских коридоров, полных кроватей, няnek и бесконечного количества младенцев. На вид все маленькие дети были чистыми, ухоженными и счастливыми. Вечером мы поехали в Петровский парк и побыли там короткое время, слушая военный оркестр.

17 августа (сб.). Праздничный день в Троице, ради которого мы остались в Москве и ждали его как великого зрелища, — надежда, обреченная на разочарование. Епископ Леонид обещал взять нас в церковь и провести в помещение, примыкающее к алтарю, где мы были раньше, но нам так и не удалось его найти. Мы прошли в церковь, но практически ничего не смогли увидеть, хотя нам и удалось попасть в помещение, находящееся с противоположной стороны от прежнего, поэтому через некоторое время я снова вышел и пошел один на другую сторону. Здесь,

Август

используя любую возможность, чтобы продвинуться вперед, я пробрался сквозь толпу в ту комнату, в которую нас обещал провести епископ. Здесь я оказался в чрезвычайно исключительном положении: единственным человеком в светской одежде среди толпы епископов и священнослужителей. Было совершенно ясно, что я не имею ни малейшего права там находиться, однако, поскольку на меня никто не обращал внимания, я остался и смог очень хорошо видеть и самих епископов и некоторые фрагменты службы, но епископ Леонид так и не появился; впоследствии мы узнали, что он проводил службу в другом месте.

Мы сделали все, что могли, чтобы возместить неудачный день, посетив монастырь и поднявшись на великую колокольню Троицкого монастыря, с которой открывался замечательный вид, и рассмотрели через мой телескоп группу башен на горизонте, в сорока милях от монастыря, — я думаю, это была сама Москва.

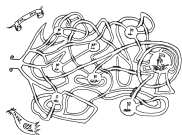
18 августа (вскр.). В девять часов мы пошли в церковь Успения, где епископ Леонид

Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

должен был принимать основное участие, и стали ждать снаружи в надежде, что он возьмет нас с собой; однако какой-то господин, по его поручению, подошел к нам до того, как он прибыл, и провел нас в маленькую комнату на южной стороне алтаря. Лиддон оставался там до конца службы, но я ушел в середине, чтобы пойти в английскую церковь. Мы пообедали у Пенни и еще раз зашли к ним после вечерней службы, а по пути домой прошли через Кремль и, таким образом, получили последнее впечатление об этом чрезвычайно красивом ансамбле зданий, возможно, в самое лучшее время — море холодного прозрачного лунного света, заливающего чистую белизну стен и башен, и мерцающие блики на золотых куполах, чего не увидишь при свете солнца, ибо солнечный свет не смог бы выхватить их из темноты, — так мы их увидели ночью.

~~19 августа~~ 19 августа (пн.). Сидя за завтраком в кофейне, мы завязали разговор с одним американцем, который был там с женой и маленьким сыном, и нашли их очень приятными людьми.

Август

При расставании он дал мне свою карточку — «R.M. Hunt, Membre du Jury International de l'Exposition Universelle de 1867 — Studio B 8, 51 W. 10th St, New York». Если я когда-нибудь буду в Нью-Йорке, мне, возможно, кто-нибудь переведет этот загадочный адрес. Утром мы почти ничего другого не делали, только готовились к отъезду, и в два часа пополудни выехали в Петербург; наши знакомые из английской церкви увенчали свои многочисленные добрые деяния тем, что пришли нас проводить и принесли бутылку своего вкусного «киммеля», чтобы мы не скучали в пути.

У нас были билеты в спальном вагоне, и в купе оказался только еще один господин, так что с открытым окном мы бы, возможно, чувствовали себя более-менее комфортно; но поскольку у нашего знакомого (который, кажется, был какой-то важной персоной) был насморк и он воспротивился этому, и поскольку третья постель, которая, естественно, досталась самому молодому, то есть автору, располагалась поперек купе, изголовьем под одной кроватью, а ногами —

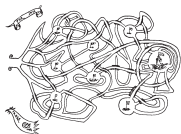
Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

под другой, то я предпочел свежий воздух и усталость на площадке в конце вагона отдыху и удушью в купе. В пять утра я зашел и вздремнул до шести, и все. К десяти мы уже снова были в «Отеле Клее».

~~20 августа~~ 20 августа (вт.). После плотного завтрака

я оставил Лиддона отдыхать и писать письма и пошел по магазинам и проч., начав с визита к г-ну Муиру в дом 61 по Галерной улице. Я доехал до дома на дрожках, сначала сторговавшись с извозчиком, что он довезет меня за 30 копеек (он настаивал на 40). Когда мы приехали, последовала небольшая сцена, нечто новое в моем опыте общения с извозчиками. Когда я выходил, извозчик произнес «sorok» (40): это было предупреждение о надвигающемся шторме, но я не обратил на него внимания, вместо этого спокойно протянув 30. Он принял их с презрением и негодованием и, держа на раскрытой ладони, произнес яркую речь по-русски, в которой ключевое «sorok» было основной идеей. Женщина, стоявшая рядом с выражением изумления и любопытства на лице, возможно, его поняла. Я — нет,

Август

но просто протянул руку за 30, вернул их в кошелек и вместо них отсчитал 25.

Продельвая это, я чувствовал себя в некотором роде как человек, тянущий за веревку, открывающую душ, и эффект был очень похожим — его злость выплеснулась через край и полностью затмила все предыдущие пререкания.

Я сказал ему на очень плохом русском, что я один раз предлагал ему 30, но больше этого делать не буду: но это почему-то его не успокоило. Потом слуга г-на Муира обстоятельно и подробно повторил ему то же самое, и, наконец, вышел сам г-н Муир и в резкой и сжатой форме изложил ему суть, но извозчик так и не смог увидеть ситуацию в правильном свете. Некоторым людям очень трудно угодить.

Мы пообедали в прекрасном ресторане «У Борелла», на Большой Морской, где мы получили первоклассный обед, включая бутылку бургундского, за пять рублей.

21 августа (ср.). Вскоре после завтрака

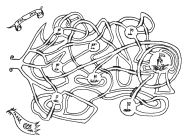
~~к Лиддону~~ пришел граф Pontiatine, который, услышав, что мы раздумываем о том, чтобы

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

попытаться посетить Эрмитаж, чрезвычайно любезно вызвался повезти нас туда, и посетил с нами не только галерею, но и Зимний дворец, покои, предназначенные для принца Уэльского, часовню и проч., в которые не допускают обычных посетителей. На этот раз мы увидели отдел галереи, который пропустили в прошлый раз и который представлял особый интерес — «Ecole Russe»*. В нем были выставлены некоторые по-настоящему замечательные картины — гигантская «Воздвижение Моисеем медного змия» работы Бруни, которая, по приблизительным подсчетам, была 27 футов в ширину и 18 в высоту: грандиозность замысла и удивительное разнообразие эмоций на лицах раненых и умирающих израильтян — религиозный экстаз, ужас, отчаяние — делает ее поистине эпическим полотном. Больше всего мне в память запала фигура силача, корчащегося в смертельной агонии в центре переднего плана, с блестящими кольцами змеиного тела, оплетающими его члены. Но, возможно, самая поразительная из всех русских картин —

* Русская школа
(фр.).

Август

это морской пейзаж, недавно приобретенный и еще не получивший номера; она изображает шторм: на переднем плане плывет мачта погибшего корабля с несколькими уцелевшими членами команды, цепляющимися за нее, сзади волны вздымаются как горы, и их вершины обрушиваются фонтанами брызг под яростными ударами ветра, в то время как низкое солнце сияет сквозь более высокие гребни бледно-зеленым светом, который совершенно обманчив, в том смысле, что кажется, будто он проходит сквозь воду. Я видел, как этот эффект пытались воспроизвести на других картинах, но никому не удавалось это сделать с таким совершенством.

Днем мы поднялись на вершину Исааковской церкви и получили большое удовольствие от открывавшегося вида этого восхитительного города. Лес белых домов с зелеными и красными крышами выглядел изумительно в прозрачном свете солнца. Мы победали «У Доминика» на Невском, а потом совершили прогулку по островам среди особняков высших сословий —

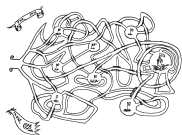
Задворок

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

прекрасные маленькие виллы
с очаровательными садиками, со вкусом
разбитыми вокруг; причем каждый цветок
полагается заносить в дом перед началом
зимы. Выбранный нами маршрут явно был
очень модным — нечто вроде Роттен Роу*.

22 августа (чт.). В девять часов мы, по
~~приглашению~~ любезному приглашению г-на Мак-Суинни,
поехали в Кронштадт, где провели весьма
интересный день. Сначала он показал нам
верфь и арсенал, и, хотя у нас не было
достаточно времени, чтобы рассмотреть все
в подробностях, мы получили весьма
неплохое общее представление об огромном
размахе производимых здесь работ
и о ресурсах, имеющихся на случай войны:
в арсенале (по которому нас любезно провел
старший офицер) мы увидели довольно
необычный трофей — пушку, взятую у
англичан: она принадлежала канонерке
«Стервятник», — которую выбросило на
берег и которая, таким образом, стала
военным трофеем. Затем мы посетили
«магнитную обсерваторию» и были
представлены ее начальнику, капитану

* Аллея для
верховой езды
в лондонском
Гайд-парке.

Август

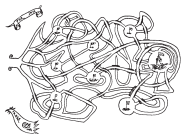
Вьпавенечь. Он на некотором подобии английского дал нам пояснение теории и практики своего предмета, которое, как по мне, можно было сделать на древнеславянском; все это было вне моего понимания, и на прощание он любезно подарил нам свои книги на ту же тему — увы, книги на русском. Затем мы взяли лодку и поплыли на веслах через бухту, один раз высадившись на берегу, чтобы осмотреть колоссальную воздвигающуюся верфь; стены были сложены из массивных гранитных блоков, отполированных снаружи так, словно они должны были украшать внутренние помещения какого-нибудь здания, и один из этих блоков как раз укладывали на цементную подушку под руководством офицера, не без многочисленных криков и суеты. В общем это место чем-то напоминало муравейник: сотни рабочих, копошащихся на всем протяжении гигантского котлована, и постоянный звон молотков, эхом отражающийся со всех сторон. Это позволяет представить, как должно было выглядеть строительство одной

Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

из египетских пирамид. Верфь, должно быть, обойдется примерно в три с половиной миллиона рублей.

Позднее мы поднялись на колокольню домово́й церкви г-на Мак-Суини и смогли прекрасно рассмотреть город. Мы пообедили у него дома, где он был вынужден нас оставить, поскольку его судно уходило раньше нашего. Ранее Лиддон отдал свое пальто, и, отправляясь в город, мы обнаружили, что его необходимо забрать у горничной, которая говорила только по-русски, и поскольку я оставил свой словарь, а в маленьком разговорнике не было слова «пальто», то мы оказались в некотором затруднении. Лиддон начал с демонстрации своего пиджака, сопровождая показ сильной жестикуляцией, включая процесс снятия его наполовину. К нашей радости, она как будто сразу поняла, что мы имеем в виду, — вышла из комнаты и через минуту вернулась с большой одежной щеткой. В ответ Лиддон попытался применить более наглядную демонстрацию — он снял пиджак и положил его к ее ногам, показал пальцем вниз (давая

Август

понять, что предмет его желаний находится в более низких сферах), улыбаясь и всем лицом выражая ту радость и благодарность, которые бы он испытал, получив желаемое, и снова надел пиджак. И еще раз проблеск разума осветил простые, но выразительные черты молодой особы: на сей раз она отсутствовала на много дольше, после чего принесла, к нашему ужасу, большую подушку и принялась готовить диван для легкого сна, которого, как она теперь ясно поняла, так не хватало этому глупому господину. Мне пришла в голову счастливая мысль, и я поспешно набросал рисунок, изображающий Лиддона в одном пиджаке, получающего второй пиджак побольше из рук доброй русской крестьянки. Язык иероглифов принес успех там, где оказались бессильны все другие средства, и мы вернулись в Петербург с унижительным осознанием того, что наш уровень цивилизации теперь сведен до уровня древней Ниневии.

23 августа (пт.). Мы посвятили день

различным занятиям. Встретились с секретарем графа Толстого (граф в отъезде) и посетили Троицкую церковь и Успенскую — обе очень

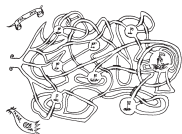
Л. Давыдов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

красиво украшены. Мы также посетили армянскую церковь, которая отличается от греческих церквей тем, что в ней нет перегородки, скрывающей алтарную часть, или, точнее сказать, перегородка есть, но алтарь находится перед ней.

Расхаживая по городу, я заметил красивую фотографию ребенка и купил одну, небольшого размера, одновременно заказав отпечатать ее в полную величину, поскольку у них не было экземпляров без рамки. Впоследствии я зашел, чтобы узнать, как зовут оригинал, и оказалось, что они уже отпечатали копию, но находились в большом сомнении относительно того, что им теперь делать, поскольку спросили об этом отца ребенка и узнали, что он не согласился, чтобы ее продавали. Разумеется, ничего не оставалось делать, как вернуть карточку, которую я уже купил: в то же время я оставил письменное подтверждение тому, что я ее вернул, выразив надежду, что мне все-таки позволят ее купить.

Мы также съездили на «Стрелку», чтобы посмотреть закат солнца, и, хотя оно почти уже зашло, когда мы приехали, нам все же

Август

посчастливилось насладиться прекрасной картиной: отсвечивающее багровым и зеленым чистое небо; зеркальная гладь залива, с легкой рябью в тех местах, где течение подходит близко к поверхности; темная линия противоположного берега с домами, почти черными на фоне неба; и одна или две лодки, лениво плывущие в веселых брызгах через темнеющий залив, словно какие-то неизвестные водяные птицы.

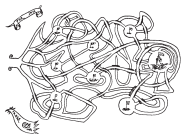
24 августа (сб.). Если это возможно, — еще более сумбурный день, чем вчера. Мы тщетно нанесли несколько визитов: посетили монастырь и одну или две церкви, которые не заслуживают какого-то особого отчета, кроме того, что в одной церкви стены внутри полностью увешаны военными трофеями, в то время как снаружи на равном расстоянии установлены пушки и само ограждение вокруг церковного двора представляет собой остроумную комбинацию пушек и цепей. Вечером мы отправились обедать в ресторан Дюссо, но, после того как прождали пару минут, нам сообщили, что мы не сможем получить заказанный обед по весьма веской

Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

причине — в доме начался пожар! Вполне возможно, все дело было только в дымоходе, поскольку все погасили примерно за полчаса, но за это время собралась большая толпа и примерно с дюжину пожарных машин, которые прибывали чинно и неторопливо и в основном были примечательны своими исключительно маленькими размерами. Похоже, некоторые из них переделали из старых водовозных телег. Тем временем мы сидели напротив, у Борелла, и, обедая, наблюдали всю эту сцену из окна, пока на входе толпились официанты, созерцавшие несчастье своих конкурентов с большим интересом, но, боюсь, без особо глубокого сочувствия.

После этого мы посетили вечернюю службу в Александро-Невском монастыре — одну из самых прекрасных служб, которые мне приходилось до этого слышать в греческой церкви. Песнопение было по-настоящему прекрасным и не таким однообразным, как обычно. В особенности мелодия одного фрагмента, который повторялся множество раз на протяжении всей службы (точнее,

Август

повторялась мелодия: слова, возможно, отличались), была настолько прелестной, что я с радостью послушал бы ее еще много-много раз. Там присутствовали два епископа, и, ближе к концу службы, один из них встал среди храма с маленькой кистью (очевидно, погруженной предварительно в освященное масло) и стал чертить крест на лбах прихожан, когда они начали подходить к нему по одному; при этом каждый сначала целовал книги, лежавшие на столе, затем получал крестное знамение, а потом (во многих случаях) целовал руку епископу.

25 августа (вскр.). За нами, как и обещал, заехал граф Pontiatine и отвез нас в своем экипаже в греческую церковь. Мы вместе с ним вошли в алтарь и были представлены архимандриту, который совершал богослужение, и, поскольку служба велась на греческом, смогли проследить за нею с помощью книг, несмотря на произношение, и участвовать в ней на всем ее протяжении, кроме одного или двух отрывков, имеющих отношение к Деве Марии. После службы граф повез нас в Александро-Невский монастырь и показал

Л. Доджсон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

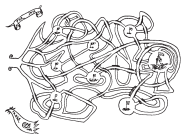
находящуюся там Духовную академию, где обучаются около восьмидесяти юношей — будущих священников. Мы вернулись в этот монастырь в четыре, чтобы послушать службу, и провели вечер, прогуливаясь по берегу реки, и увидели Николаевский мост во всем величии заката с потоком людей, казавшихся черными точками, ползущими по линии, пересекающей багрово-зеленое море.

26 августа (пн.). У нас оставалось время только на то, чтобы подготовиться к отъезду.

Пришел фотограф («Артистическая фотография», д. №4 на Большой Морской) и принес фотографии, поскольку отец мальчика, князь Golicev (?) разрешил их мне продать.

В два часа мы вошли в поезд, для того чтобы проделать утомительное путешествие в Варшаву, и оказались в одном вагоне, хотя и в разных купе с Хантами, которые направлялись в Берлин, так что до Вильны, куда мы добрались в шесть вечера, мы ехали вместе. Вечером мы ходили друг к другу в гости, и тут пригодились мои дорожные шахматы*. У нас не было спальных

* Именно Кэрролл изобрел карманные, или дорожные шахматы.

Август

принадлежностей, но, поскольку вагон был почти пустым, мы очень неплохо устроились.

27 августа (вт.). Мы прибыли в Варшаву

около шести вечера и, взяв извозчика, направились в «Отель д'Англетер», явно третьесортное заведение. В нашем коридоре обитает высокая и очень дружелюбная борзая, которая входит в комнату каждый раз, стоит только двери приоткрыться на одну-две секунды, и которая поставила под угрозу плоды трудов коридорного, который носил воду, чтобы наполнить ванну, поглощая воду с такой же скоростью, с какой он ее носил.

28 августа (ср.). Мы провели день, слонаясь по

Варшаве, и посетили несколько церквей, в основном католических, в которых наличествовали помпезные признаки богатства и дурного вкуса, в виде обильной позолоты и груд (их вряд ли можно назвать группами) уродливых мраморных младенцев, якобы изображающих херувимов. Но было и несколько неплохих Мадонн и проч. в виде запрестольных образов. Сам же город

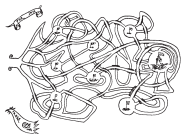
Задартон Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

в целом — один из самых шумных и грязных из тех, в которых я до сих пор побывал.

~~29 августа~~ 29 августа (чт.). Будильник поднял нас

в четыре, кофе и рогаики принесли в пять, а к половине седьмого мы были на пути в Бреслау, куда приехали в половину девятого вечера. Было приятно наблюдать, как местность становится все более обитаемой и культурной по мере того, как мы все дальше продвигались на территорию Пруссии: свирепый, грубоватый на вид русский солдат сменился более мягким и вежливым прусским; даже сами крестьяне, казалось, были на порядок выше, в них чувствовалось больше индивидуальности и независимости, — русский крестьянин, с его мягким, тонким, часто благородным лицом, более напоминает мне покорное животное, давно привыкшее молча сносить грубость и несправедливость, чем человека, способного и готового постоять за себя.

Мы решили остановиться в гостинице «Золотой Гусь» и, по прибытии, обнаружили, что, хотя это и не кладезь золотых яиц, тем не менее, заведение действительно

Август

«достойное золотых мнений от самых разных людей».

30 августа (пт.). Мы посвятили утро,

наполненное прозрачным солнечным светом и чудесным, ароматным воздухом, прогулке по прекрасному старому городу и посещению церквей, в основном примечательных своими идеальными пропорциями; их огромная высота придавала кирпичным башням, контрфорсам и узким окнам красоту, совершенно не нуждающуюся в каких-либо украшениях.

Мы посмотрели на церковь св. Марии Магдалины, затем св. Христофора, затем св. Доротеи, которая отличается гигантской высотой; мы попытались обойти ее вокруг, но обнаружили, что из находившегося за храмом огороженного двора нет выхода — он, очевидно, служил игровой площадкой школы для девочек и был весьма соблазнительным местом для применения фотографической камеры: после русских детей, чей тип лица, как правило, безобразен и, в виде исключения, просто некрасив, испытываешь облегчение, снова оказавшись

Лиддон

*Дневник путешествия
в Россию в 1867 году*

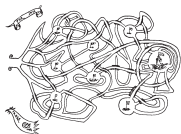
среди немцев, с их большими глазами
и тонкими чертами.

После св. Доротеи мы прошли через
«Кольцо» (большую площадь с весьма
живописной ратушей и другими зданиями
и статуями посередине и чрезвычайно милой
серией изящных старинных фронтонов
вокруг, ни один из которых не повторяется)
к церкви св. Елизаветы, где совершили
изнурительный подъем на самую высокую
башню в Пруссии и были вознаграждены
за это великолепным видом города
и окрестности с извилистой лентой Одера.

Днем Лиддон один посетил несколько
церквей, поскольку я не совсем хорошо себя
чувствовал, чтобы продолжать прогулку,
а вечером мы поехали в «зимний сад» и
немного послушали концерт на открытом
воздухе, которые так любят немцы.

31 августа (сб.). Мы поднялись на башню

~~Лиддона~~ Kreutzkirch, с которой смогли увидеть как на
ладони весь Бреслау, а также посетили новую
католическую церковь св. Михаила, которая
находится в процессе возведения, а днем

Август — Сентябрь

выехали в Дрезден, прибыв в «Отель де Сакс» около половины одиннадцатого вечера.

1 сентября (вскр.). Поскольку в путеводителе и на карте указаны три английские церкви, две из которых, вне сомнения, сектантские, я ни в одну из них не пошел. Лиддон отправился в католическую церковь, и я присоединился к нему на несколько минут, чтобы послушать музыку. Мы посетили некоторые из садов, в которых, судя по всему, везде господствует принцип: попытаться загнать людей в сады, принадлежащие кафе (где нужно платить за вход); в результате в общественных садах можно найти только несколько скамеек без спинки.

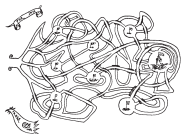
2 сентября (пн.). Утром мы побывали в огромной картинной галерее. Двух часов созерцания для меня было вполне достаточно: их вполне можно было посвятить одной только великой «Сикстинской Мадонне». Днем мы погуляли по городу, а потом я пошел в театр в «Королевском саду», откуда мне пришлось шагать домой пешком примерно

|||

Л. Доджсон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

с милю (частично по пересеченной местности) в темноте, и я, понятное дело, заблудился. Представление (за исключением игры актеров, которая была такой же, как и везде) было замечательным. Я вошел в зал после начала второй пьесы, и первым необычным моментом, который я заметил, было то, что зал встретил опускавшийся занавес полным отсутствием аплодисментов: жутковатое впечатление от этой тишины оркестр даже не попытался как-то сгладить. Оркестранты, похоже, не особенно утруждались — они вообще ничего не делали, кроме как поправляли лампы над пюпитрами. Когда же они все-таки начали играть, что произошло лишь тогда, когда действие закончилось и в течение пяти или десяти минут стояла ужасная тишина, можно было только пожалеть, что они не продолжают заниматься своими лампами, поскольку музыка была такой унылой и зловещей, какой я еще никогда не слышал ни в театре, ни за его пределами. Вечер завершился «Чудо-фонтаном», ради которого весь театр был погружен в полную темноту (Вопр.: Есть ли

Сентябрь

в Дрездене карманники?), и мы увидели круг струй с фонтаном посередине, освещенные светом, цвет которого постоянно менялся и производил весьма приятный эффект, который, однако, вполне под силу магическим фонарям и «хроматоскопам»; затем фонтан в центре стал постепенно опускаться и исчез, а вместо него появились, по очереди, Аполлон, Время и группа фигур, поддерживающих фонтан поменьше. Каждый из этих феноменов, после появления, совершал один медленный поворот вокруг своей оси, словно на вертеле, и это, судя по всему, было кульминацией вечера: по крайней мере это пробудило терпеливую, если не сказать пассивную, аудиторию и вызвало у нее самый живой восторг, который они когда-либо испытывали; последовал почти такой же шквал аплодисментов, каким английская публика встретила бы один-единственный спич.

3 сентября (вт.). Мы еще раз, очень быстро, посетили картинную галерею, чтобы посмотреть знаменитую «La Notte» Корреджио, о которой я не могу сказать ничего, что улучшило бы мою репутацию как

Задворон

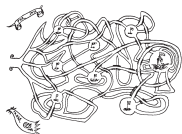
Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

критика, а днем выехали в Лейпциг, куда добрались как раз вовремя, чтобы успеть совершить вечернюю прогулку, обойдя старый город по кругу через ряд садов, густо засаженных деревьями. Остановились мы в гостинице «De Prussie».

~~4 сентября~~ 4 сентября (ср.).

Времени оставалось только на прогулку по городу, ничем особенным не примечательную, и посещение замковой башни, с которой «кастелян» показал нам различные объекты, известные своей связью с великими битвами, — и, в частности, здание, где состоялось великое богословское сражение между Лютером и Экке.

Затем мы отправились в Гессен, где остановились на ночь в гостинице «Раппе», а рано утром заказали завтрак услужливому официанту, который говорил по-английски. «Кофе!» — радостно воскликнул он, хватаясь за это слово, словно это была по-настоящему оригинальная идея. «Ага, кофе — очень хорошо. И яйца. Яйца с ветчиной? Очень хорошо». «Если можно, жареные», — сказал я. «Вареные?» — повторил официант с недоверчивой улыбкой. «Нет, не вареные, —

Сентябрь

пояснил я, — жареные». Официант отмахнулся от этой разницы, как от несущественной. «Да, да, ветчина», — повторил он, возвращаясь к своей излюбленной идее. «Да, ветчина, — сказал я, — но как приготовленная?» «Да, да, как приготовленная», — повторил официант с беззаботным видом человека, который соглашается на предложение скорее из добродушия, чем действительной убежденности в его необходимости.

5 сентября (чт.). К полудню мы добрались до Эльма после бедного событиями путешествия, маршрут которого, впрочем, пролегал по весьма интересной местности: долины, извивающиеся во всех направлениях между холмами, укрытыми деревьями до самых вершин, и белые деревни, гнездящиеся везде, где есть подходящее укрытие. Деревья были такими маленькими, такими одинаковыми по цвету и росли такими сплошными массивами, что более отдаленно холмы казались берегами, поросшими мхом. По-настоящему необычную деталью ландшафта было то, как старые замки как

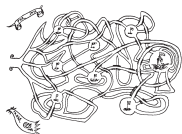
Л. Дарстон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

будто росли сами по себе, а не были возведены человеком, на вершинах скалистых выступов, которые то и дело высовывали свои головы среди деревьев. Я никогда еще не видел архитектуру, которая бы столь гармонировала с духом места. Похоже, что, движимые каким-то неуловимым инстинктом, старые архитекторы выбирали и форму, и цвет, компоновку башен с их остроконечными шпилями и два нейтральных оттенка, светло-серый и коричневый, для стен и крыши, чтобы создать здания, которые выглядели такой же естественной частью местности, как вереск или колокольчики. И, подобно цветам и камням, они, казалось, излучали лишь покой и тишину.

Мы направились в «Отель д'Англетер» и провели остаток дня в прогулках по этому очаровательному месту, где людям нечем заняться и где у них есть целый день, чтобы заниматься ничем. Несомненно, это место предназначено для полного наслаждения бездельем.

Мы сходили на вечерний концерт и обнаружили, что в соседнем помещении

Сентябрь

идет игра («красное и черное» и проч.), и для людей новых смотреть на это было очень интересно. На лицах игроков почти ничего не отражалось, даже когда они проигрывались в пух и прах; если же что-то и мелькало на их лицах, то лишь на мгновение, но возникающее тогда выражение было более интенсивным из-за того, что его пытались подавить.

Женщины представляли более интересное и поэтому более печальное зрелище, чем мужчины: некоторые пожилые, некоторые довольно молодые, все, полностью поглощенные этим занятием, с зачарованным выражением на лицах, словно беспомощные создания, загипнотизированные взглядом хищника.

~~6 сентября~~ 6 сентября (птн.). Мы отправились из Эльма слишком рано, примерно около десяти утра, и на пароходе добрались по Рейну до Бингена. Погода была просто великолепна, и, хотя у нас были билеты на корму судна (которая в теории, для меня непонятной, считается самым роскошным местом на корабле), я провел все время (четыре или пять часов) на носу, наблюдая за вереницей

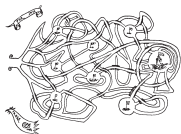
Задартов

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

картин, которые открывались по мере того, как мы шли по реке, петлявшей среди холмов. Разумеется, в ландшафте присутствовало сильное однообразие, если не сказать монотонность, — множество крутых остроконечных холмов, редко покрытых виноградниками или маленькими деревьями; кое-где можно было увидеть деревню, прилепившуюся у подножия скалы, или замок, возвышающийся на утесе, чрезвычайно странной формы, обычно подсказанной очертаниями утеса (то, что парижские продавцы называли бы «extraordinaire, forcé» архитектурой). И тем не менее это был один из тех видов, которые не скоро надоедают. В Бингене мы провели ночь в отеле «Виктория» и рано утром сели на поезд, чтобы проделать последний отрезок нашего путешествия, и прибыли в Париж только почти в десять вечера.

8 сентября (вскр.). Я пошел в церковь

~~в~~ г-на Арчера Гурни и прослушал эксцентричную, но очень интересную проповедь. По дороге туда я столкнулся с Торли из Уэдхема и договорился погулять

Сентябрь

с ним после обеда. Мы прошли по садам Тюильри и Елисейским Полям и вышли в Булонский лес, по которому можно получить неплохое представление о том, насколько красиво в парижском предместье и сколько парков, садов, водоемов и проч. в этом прекрасном городе. После этого я больше не удивляюсь, что парижане называют Лондон «triste»*. Вечером мы все троим поужинали в «Diner Européen», а затем посетили церковь г-на Гурни.

9 сентября (пн.). Мы провели день на Всемирной выставке, где я почти ничего не посмотрел, кроме картин, но получил редкое удовольствие от современного искусства; там была очень большая коллекция, в которой практически не было плохих картин или статуй. Я не буду пытаться брать на себя невыполнимую задачу и описывать хоть какую-то из них, но просто упомяну имя Карони из Флоренции, чьи работы поразили меня своей исключительной красотой: они называются «L'Amour vainquer de la Force» («Ребенок, играющий со львом»), «Esclave au marche» и «Офелия» — все в мраморе.

* Печальный, унылый (фр.).

Лиддон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

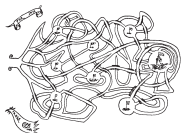
Последняя скульптура из той сцены безумства, когда она раскидывает вокруг себя цветы. Конечно, французские картины были самыми многочисленными, но также (что отнюдь не было само собой разумеющимся) самыми лучшими. Наши же художники, похоже, почти соперничали друг с другом, посылая второсортные картины. В маленькой коллекции американских картин есть несколько вполне замечательных.

Вечером мы с Торли посетили «Théâtre Vaudeville», чтобы посмотреть «La Famille Benviton», — великолепно сыгранная пьеса, каждая часть без исключения была хорошо и филигранно сыграна.

~~10 сентября (вт.)~~ 10 сентября (вт.). День без особых событий.

Я встретил Чандлера и Пейджа и гулял по городу, сначала с ними, а потом один, покупал фотографии, пока не оказалось, что уже поздно идти на Выставку. Мы с Лиддоном поужинали в обычном месте и потом пошли на военный концерт под открытым небом на Елисейских Полях.

120

Сентябрь

11 сентября (ср.). Поскольку Лувр — слишком большая по размерам гостиница, чтобы чувствовать себя там уютно, мы с Пейджем совершили инспекционную прогулку по целому ряду других отелей, закончив на том, что рекомендовала г-жа Хант, — «Hotel des Deux Mondes», который показался нам лучше остальных и в котором мы сняли пару номеров. Днем я еще раз посетил Выставку и вернулся на обед в свое новое обиталище, обеденная зала которого служит также и рестораном, причем весьма недурным.

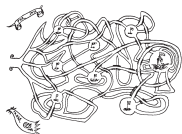
12 сентября (чт.). Хождение по магазинам, потом снова Выставка. Мы побродили по территории, окружающей Выставку, и прошли мимо павильона, из которого доносилась китайская музыка, заплатили полфранка за вход и послушали ее поближе; и, конечно, разница между слушанием внутри и снаружи стоила полуфранка — только снаружи было приятнее. Это была такого рода музыка, которую, однажды услышав, никогда больше не пожелаешь услышать... Мы компенсировали этот эпизод вечером, пойдя в «Orґа Comique», чтобы послушать

Задворон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

«Миньон» — весьма симпатичный спектакль, с очаровательной музыкой и пением, — при этом героиня, мадемуазель Галли-Мари, внесла весьма большой вклад в обе сферы прекрасного.

13 сентября (пт.). Бродили по городу и делали покупки: днем я пошел в монастырь св. Фомы, на рю де Севр, чтобы попытаться достать бальзам от невралгии тройничного нерва, который готовят тамошние монахини. Я переговорил с двумя из сестер, и старшая, которая, похоже, была главнее, заверила меня на очень беглом французском, бóльшую часть которого я не понял, что они никогда его не продают и только лишь раздают его своим собственным беднякам. Поскольку этот случай, судя по всему, относился исключительно к разделу «пути распределения мази», я уже почти готов был в отчаянии отказаться от своей цели, однако присутствовало указание на возможность использования другого процесса ее получения, и после долгих хождений вокруг да около я сказал: «Значит, вы не можете мне его продать, но дадите и позволите мне дать что-

Сентябрь

нибудь для ваших бедняков?» «Oui. Certainment!»* — с готовностью подтвердила сестра, и таким образом тонко замаскированная сделка наконец состоялась.

В семь часов вечера я выехал из «Отель Де Монд» и направился в Кале, куда добрался после мирного и сонного путешествия примерно в два часа ночи. У нас был замечательно гладкий переход и ясная лунная ночь, для того чтобы им наслаждаться: луна сияла во всем своем великолепии, словно навестывая упущенное во время своего затмения, которое ей пришлось перенести четырьмя часами ранее; я оставался на носу судна большую часть перехода, иногда болтая с вахтенным матросом, а иногда наблюдая, в течение последнего часа моего первого заграничного путешествия, огни Дувра, когда они начали медленно расти на горизонте, словно милая отчизна раскрывала объятия, принимая своих спешащих домой детей, пока огни эти наконец не застыли, превратившись в два маяка на утесе, пока то, что долго было лишь мерцающей линией на темной воде, словно

*«Да. Конечно»
(фр.).

Задворон

Дневник путешествия
в Россию в 1867 году

отражение Млечного Пути, не обрело форму и плоть, превратившись в огни стоящих на берегу домов, пока неясная белая линия за ними, которая сначала выглядела дымкой, ползущей по горизонту, не превратилась наконец в сером сумеречном свете в белые утесы старой Англии.

... that you
... are
... send you
... will
... about
... the
... had
... for

Пицца для ума:
все и послания

Пицца для ума

Завтрак, обед, чай; в крайних случаях, завтрак, второй завтрак, обед, чай, ужин и стакан чего-нибудь горячего перед сном. Как же мы заботимся о том, чтобы накормить наше везучее тело! А кто из нас делает столько же для ума? И что является причиной такого различного отношения? Неужели тело настолько важнее?

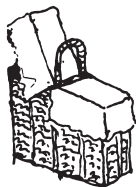
Никоим образом: но от питания тела зависит жизнь, в то время как мы можем продолжать существовать как животные (едва ли как люди), ум будет находиться в чрезвычайно голодном и пренебрегаемом состоянии. Поэтому Природа предусмотрела, чтобы в случае серьезного пренебрежения

Здравствуй

*Пицца для ума:
эссе и послания*

телом возникали ужасные последствия в виде физического недомогания и боли, которые быстро заставляют нас осознать свою обязанность. При этом некоторые из функций, необходимых для жизни, она выполняет за нас сама, не оставляя нам выбора в этом вопросе. Она бы не добилась ничего хорошего со многими из нас, если бы предоставила нам самим следить за своим пищеварением и кровообращением. «Бог ты мой! — кричал бы кто-нибудь. — Сегодня утром я забыл завести сердце! Подумать только — оно стоит в течение последних трех часов!» «Я не смогу погулять с тобой сегодня после обеда, — говорил бы вам приятель, — поскольку мне нужно переварить не меньше одиннадцати обедов. Они накопились еще с прошлой недели, потому что мне даже некогда было поесть, а мой врач заявляет, что не отвечает за последствия, если я срочно не наверстаю упущенное!»

Повторяю, нам повезло, что последствия пренебрежения телом можно ясно увидеть и ощутить; и, возможно, для кого-то было бы хорошо, если бы ум был в равной степени видим и осязаем — если бы мы, скажем, могли отнести его к врачу и проверить пульс.

Пицца для ума

— Слушайте, что это вы делали с этим умом в последнее время? Как вы его питали? Он выглядит бледным, и пульс очень медленный.

— Понимаете, доктор, в последнее время он не очень регулярно питался. Вчера я дал ему много леденцов.

— Леденцов! Каких именно?

— Ну, это была целая куча головоломок, сэр.

— Ага, я так и думал. Теперь хорошенько запомните: если будете продолжать играть в подобные игрушки, испортите ему все зубы, и дело закончится умственным несварением. Я прописываю вам в течение следующих нескольких дней только самое простое чтение. Но смотрите мне! Никаких романов — ни в коем случае!

* * *

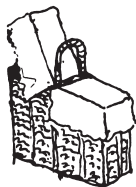
Учитывая массу болезненных ощущений, которые многие из нас испытывают при питании тела и его лечении с помощью всевозможных лекарств, я думаю, стоило бы попытаться переложить некоторые из правил в отношении тела в соответствующие правила для ума. Итак, во-первых, нам следует позаботиться о том, чтобы обеспечить нашему

Здравств

Пицца для ума: эссе и послания

уму *подходящую* пищу. Мы очень быстро узнаем, что подходит нашему телу, а что нет, и без особого труда отказываемся от куска соблазнительного пудинга или пирога, который ассоциируется у нас в памяти с ужасным приступом несварения и чье самое название неодолимо вызывает мысль о ревене и магнезии; но требуется чрезвычайно много уроков, чтобы убедить нас в том, насколько неперевариваемы некоторые из любимых нами жанров, и мы снова и снова употребляем в пищу нездоровый роман, за которым наверняка последует свойственный ему шлейф плохого настроения, нежелание работать, усталость существования, — по сути дела, умственный кошмар.

Затем нам следует позаботиться о том, чтобы обеспечить эту полезную пищу *в соответствующих количествах*. Умственное обжорство, или перечтение, — это опасное пристрастие, ведущее к ослаблению пищеварительной способности, а в некоторых случаях — к потере аппетита; мы знаем, что хлеб — это хорошая и полезная пища, но кому бы захотелось провести эксперимент и съесть две или три буханки в один присест?

Пицца для ума

Я слышал, как один врач говорил своему пациенту, который жаловался всего лишь на ожорство и недостаток движения, что «наиболее ранним симптомом избыточного питания является отложение адипозной* ткани», и, несомненно, эти замечательные, но не очень понятные слова невероятно утешили беднягу, изнемогающего под все увеличивающейся массой жира.

Я задаюсь вопросом, а существует ли такая вещь, как ОЖИРЕВШИЙ УМ? Мне, в самом деле, кажется, что я встречался с одним или двумя образчиками: с умами, которые не могли поспеть за самой медленной рысцой в разговоре; не могли перепрыгнуть через логический барьер, чтобы спасти свою жизнь; всегда прочно застревали в тупике спора; и, короче говоря, не годились ни что другое, кроме как беспомощно ковылять по миру.

* * *

Кроме того, опять-таки, даже если пицца полезна и присутствует в соответствующем количестве, мы знаем, что не должны поглощать *слишком много* *ее разновидностей одновременно*. Дайте

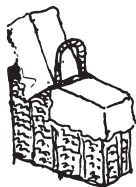
* Жировой.

Здравств Пицца для ума: эссе и послания

жаждущему кварту пива или кварту сидра, или даже кварту холодного чая, и он, вероятно, поблагодарит вас (хотя не так искренне в последнем случае!). Но, как, по-вашему, каковы будут его чувства, если вы предложите ему поднос, на котором стоит маленькая кружечка пива, маленькая кружечка сидра, кружечка холодного чая, горячего чая, кофе, какао и соответствующие сосуды с молоком, водой, бренди с содовой и пахтой?

После того как мы выяснили нужную разновидность, количество и ассортимент нашей умственной пищи, остается, чтобы мы проследили за тем, чтобы между ее приемами имелись *соответствующие интервалы*, и не проглатывали еду поспешно, не пережевывая, а старались, чтобы она была полностью переварена; и оба эти правила в отношении тела также применимы к уму.

Во-первых, в том, что касается интервалов: они точно так же необходимы для ума, как и для тела, с той лишь разницей, что, если телу требуется трех- или четырехчасовой отдых, прежде чем оно подготовится к еще одному приему пищи, ум во многих случаях

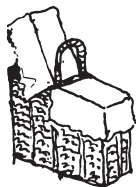
Пища для ума

обойдется всего тремя-четырьмя минутами. Я полагаю, что требуемый интервал гораздо короче, чем обычно принято считать, и по личному опыту рекомендовал бы любому, кому приходится посвящать несколько часов кряду одному предмету мысли, испытать на себе эффект от такого перерыва, скажем, один раз в час, каждый раз отвлекаясь всего на пять минут, но следя за тем, чтобы совершенно «выключить» ум на эти пять минут и всецело обратить его на другие предметы. Поразительно, какой заряд и гибкость приобретает ум во время этих коротких периодов отдыха.

Что касается пережевывания пищи, то соответствующий умственный процесс — это просто *размышление* над тем, что мы читаем. Здесь требуется гораздо большее усилие ума, чем просто пассивное пропускание через себя содержания книги. Это настолько большее усилие, что, как говорит Кольридж, ум часто «сердито отказывается» утруждать себя подобными хлопотами, — настолько большее, что мы слишком склонны вовсе им пренебречь и продолжаем наваливать непережеванную

Задание ПИЩА для ума:
эссе и послания

пищу на непереваренные массы, которые уже лежат там, пока несчастный ум практически не тонет в потоке информации, превращаясь в болото. Но чем больше усилие, тем более ценен эффект, в этом можно не сомневаться. Один час вдумчивого размышления над предметом (прогулка в одиночестве — такая же хорошая возможность для этого процесса, как и любая другая) стоит целых двух или трех прочтений. И подумайте только о еще одном эффекте тщательного переваривания книг: я имею в виду организацию и, так сказать, «раскладывание по полочкам» предметов в наших умах, так, что мы можем сразу же обратиться к ним, когда они нам нужны. Сэм Слик говорит нам, что он за свою жизнь выучил несколько языков, но у него как-то «не получилось их рассортировать» в своем уме. И многие умы, которые спешат от книги к книге, не останавливаясь, чтобы что-нибудь переварить или рассортировать, попадают в ту же самую ситуацию, и несчастный владелец обнаруживает, что на самом деле далеко не готов подтвердить ту репутацию, которая сложилась о нем у его знакомых.

Пицца для уха

«Основательно начитанный человек. Вот попробуйте испытать его в любой области. Вам не удастся поставить его в тупик».

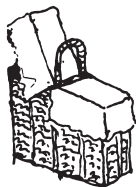
Вы обращаетесь к основательно начитанному человеку. Вы задаете ему вопрос, скажем, по истории Англии (предполагается, что он только что закончил читать Маколея). Он добродушно улыбается, пытается напустить на себя такой вид, словно он все об этом знает, и начинает рыться в глубинах памяти, стараясь выудить ответ. В качестве улова предлагается горстка весьма обещающих фактов, но на поверку оказывается, что они относятся не к тому столетию, и их отправляют обратно. Следующая закидка приносит один факт, гораздо более похожий на то, что нужно, но, к несчастью, вместе с ним на поверхность всплывает спутанный клубок других сведений — один факт из области политической экономии, арифметическое правило, возраст детей его брата и стихотворение Грея «Элегия», и среди всего этого нужный ему факт оказывается безнадежно перекрученным и запутанным. Тем временем все присутствующие ждут от него ответа, и, по мере того как молчание

Задворок

Пицца для уха:
эссе и послания

становится все более и более неловким, наш начитанный друг вынужден заикающимся голосом пролепетать наконец какой-то полуответ, далеко не такой ясный и удовлетворительный, какой мог бы дать обычный школьник. И все это из-за того, что он не собрал свои знания в соответствующие пакеты и не разложил их по полочкам.

Вы можете распознать несчастную жертву неразумного умственного питания, когда видите ее перед собой? Вы можете заподозрить такого человека? Посмотрите, как он тоскливо бродит по читальному залу, пробуя блюдо за блюдом, — просим у него прощения, книгу за книгой, — и ни на одной не задерживаясь. Сначала кусочек романа; но нет, тьфу! он не ел ничего, кроме романов, в течение всей прошлой недели, и их вкус ему прилично надоел. Затем ломтик чего-нибудь научного; но вы сразу знаете, каков будет результат, — естественно, слишком крепкая штука для его зубов. И так далее — повторяется все тот же утомительный круг, который он тщетно пытался проделать вчера (и который, вероятно, попытается тщетно повторить завтра).

Пицца для ума

Мистер Оливер Уэнделл Холмс в своей очень забавной книге «Профессор за завтраком» дает следующее правило, позволяющее определить, молод человек или стар: «Главный критерий таков: предложите испытуемому за десять минут до обеда пухлую булочку. Если она с легкостью принята и поглощена, факт молодости можно считать установленным». Он говорит нам, что человек, «если он молод, съест все что угодно в любое время дня и ночи».

Чтобы выяснить, здоров ли *умственный* аппетит человеческого животного, дайте ему в руки короткий, хорошо написанный, но не захватывающий трактат о каком-нибудь популярном предмете — умственную *булочку*, собственно говоря. Если он будет прочитан с живым интересом и полным вниманием и *если читатель сможет ответить потом на вопросы по этой теме*, его ум находится в отличном рабочем состоянии. Если он вежливо отложит его в сторону или, возможно, лениво полистает в течение нескольких минут, а потом скажет: «Я не могу читать эту глупую книжонку! Не могли бы вы дать мне второй том

Задарт Пицца для ума:
эссе и послания

«Загадочного убийства»?», вы можете быть в равной степени уверены, что у него что-то не в порядке с умственным пищеварением.

Если эта статья дала вам какие-нибудь полезные советы на важнейшую тему чтения и помогла увидеть, что «читать, брать на заметку, узнавать и переваривать внутри себя» хорошие книги, которые вам попадают, это не только интересно, но и необходимо, — тогда ее цель достигнута.

Несколько
мудрых слов
по поводу
того, как
писать
письма

1. О коробочках для марок

Какой-то американский писатель сказал, что «змей в этом районе можно разделить на один вид: ядовитые». Тот же принцип применим и здесь. Коробочки для марок можно разделить на один вид — «Страна Чудес»*. Имитации вскоре появятся, это не вызывает сомнений: но они не могут включать в себя два Живописных сюрприза, которые охраняются авторским правом.

Не понимаете, почему я называю их сюрпризами? Хорошо, возьмите коробочку в левую руку и внимательно на нее

* Здесь речь идет о коробочке для марок, которую придумал Кэрролл, чтобы оказать «Алисе» коммерческую поддержку (прим. ред.).

Эдвард

*Пицца для уха:
эссе и послания*

посмотрите. Видите Алису, которая нянчит младенца Герцогини? (Кстати, совершенно новое сочетание: в книге оно не встречается.) Теперь с помощью большого и указательного пальцев правой руки возьмитесь за маленькую книжицу и неожиданно вытащите ее. Младенец превратился в Поросенка! Если это не стало для вас сюрпризом, то, полагаю, вас не удивит, даже если ваша собственная Теца неожиданно превратится в Гироскоп!

Эта коробочка не предназначена для того, чтобы носить ее в кармане. Ни в коем случае. Если нужно срочно послать письмо, то редко требуются какие-либо другие марки, кроме почтовых марок ценой в один пенс для писем, шестипенсовых для телеграмм и кусочка клейкой бумаги, если вдруг порежешь палец (из него получается первоклассный пластырь, который выдерживает три-четыре мытья рук, если их мыть осторожно): и все это можно легко носить в кошельке или бумажнике. Нет, эту коробочку нужно хранить в ящике для конвертов, или где вы там храните свои письменные принадлежности. Изобрести ее меня заставила постоянная нужда в марках других достоинств, которые используются

*Несколько мудрых слов
на поводу того,
как писать письма*

для писем за границу, бандеролей и т. д., и необходимость иметь определенный их запас. С тех пор как я обзавелся «Ящиком для марок Страны чудес», жизнь стала радостной и спокойной и я ничем другим не пользуюсь. Я полагаю, что и прачка Королевы ничем другим не пользуется.

В каждом из отделений прекрасно вмещается по 6 марок. Я бы рекомендовал вам, прежде чем поместить эти марки в отделение, разложить их особым образом, наподобие веера: таким образом, всегда будет свободный уголок, за который можно взяться и быстро и легко вынуть любую марку; в противном случае они будут постоянно вылезать по две-три сразу.

По своему опыту могу сказать, что марки по 5 и 9 пенсов и по 1 шиллингу практически никогда не используются, хотя мне постоянно приходится пополнять другие отделения. Если ваш опыт согласуется с моим, возможно, вам будет удобнее хранить только по паре каждой из этих трех разновидностей в отделении для одношиллинговых марок и заполнить оставшиеся два отделения дополнительными однопенсовыми марками.

Эдвард Пицца для ума:
эссе и послания

2. Как начинать письмо

Если письмо должно быть ответом на другое письмо, начните с того, что достаньте это письмо и перечитайте его, чтобы освежить свою память и вспомнить, на что именно вы должны отвечать, и уточнить нынешний адрес вашего корреспондента (в противном случае вы пошлете письмо на его обычный адрес в Лондоне, в то время как в своем письме он указывает адрес в Торквее и особо просит вас обратить на это внимание).

Затем напишите адрес и приклейте на конверт марку. «Что! Еще до того, как написать письмо?» Совершенно верно. И я скажу вам, что случится, если вы этого не сделаете. Вы будете писать до последнего момента, как вдруг в середине последней фразы поймете, что «времени уже нет!» После этого вы поспешно «закругляетесь» — ставите неразборчивую закорючку вместо подписи, — впопыхах заклеиваете конверт, который раскроется во время пересылки, пишете адрес буквами, которые больше смахивают на иероглифы, после чего с ужасом обнаруживаете, что забыли пополнить запасы

*Несколько мудрых слов
на поводу того,
как писать письма*

в вашей коробочке для марок. Вы отчаянно зовёте ко всем домочадцам с мольбами одолжить вам марку, опростеть несётесь на почту, прибегаете, взмыленный и бездыханный, через минуту после ее закрытия — и, наконец, неделю спустя ваше письмо возвращается из отдела невостребованных писем со штемпелем «адрес неразборчив»!

Далее, напишите свой полный адрес в верхней части письма. Совершенно невыносимо, — я говорю это, исходя из собственного горького опыта, — когда ваш знакомый, находясь по какому-нибудь новому адресу, ограничивается тем, что ставит в начале письма единственное слово «Дувр», предполагая, что вы возьмете его адрес из предыдущего письма, которое вы, возможно, уже уничтожили.

Далее, полностью напишите дату. Если вам приходит в голову разложить по порядку письма, полученные несколько лет назад, и вы обнаруживаете, что на них стоит «17 февр.», «2 авг.» без указания года, который помог бы вам определить, какое из них было раньше, а какое позже, такая ситуация может довести до белого каления.

Эдвард

Пицца для ума:
эссе и послания

И никогда, никогда, уважаемая мадам (NB.: это замечание адресовано исключительно дамам: ни один мужчина никогда такого не сделает), не пишите вместо даты просто «среда»!

«Так люди сходят с ума».

3. Как писать

~~основную~~ основную часть

Запомните для начала золотое правило: пишите разборчиво. Нрав среднестатистического представителя человеческого племени стал бы значительно мягче, если бы все подчинялись этому правилу! По большей части плохой почерк является лишь результатом того, что люди чересчур спешат. Конечно, вы ответите на это: «Я так поступаю, чтобы сэкономить время». Несомненно, весьма достойная цель: но какое вы имеете право экономить время за счет своего знакомого? Разве его время не столь же ценно, сколь и ваше? Много лет назад я получал письма от знакомого — причем письма весьма интересные, — написанные одним из самых убийственных

*Несколько мудрых слов
на поводу того,
как писать письма*

почерков, которые только можно придумать. Для того чтобы прочитать одно из его писем, мне обычно требовалось около недели. Я носил его с собой в кармане и, когда выдавалась свободная минута, доставал, чтобы поразмыслить над загадками, из которых оно состояло, — поворачивал его под разными углами, смотрел на него с разных расстояний, пока наконец до меня вдруг не доходил смысл некоторых из этих безнадежных каракулей. Тогда я сразу подписывал их по-английски; и, когда таким образом догадывался о значении нескольких из них, контекст помогал разобраться с другими, пока наконец не была расшифрована вся серия иероглифов. Если бы все знакомые писали таким образом, жизнь бы полностью уходила на прочтение их писем!

Это правило особенно относится к именам людей и географическим названиям — и особенное всего к иностранным. Однажды я получил письмо, в котором встречались русские имена, написанные теми самыми торопливыми закорючками, которыми люди часто пишут «искренне Ваш». Разумеется, контекст ни в малейшей мере мне не помог:

Эдвард

Пицца для уха:
эссе и послания

все слова, с моей точки зрения, выглядели на одно лицо: пришлось написать моему другу и сообщить ему, что я не могу прочитать ни единого слова!

Мое второе правило: не заполняйте *больше* полутора страниц извинениями за то, что вы не ответили раньше!

Лучшая тема, с которой следует *начинать*, это последнее письмо вашего друга. Пишите, положив перед собой раскрытое письмо. Ответьте на его вопросы и сделайте любые ремарки, которые вытекают из его письма. *Затем* переходите к тому, что вы хотите сказать сами. Такая компоновка будет любезнее и приятнее для читателя, чем если вы заполните письмо своими собственными бесценными замечаниями и после этого, спохватившись, вкратце ответите на его вопросы в постскриптуме. Ваш друг гораздо быстрее оценит ваше остроумие *после* того, как будет удовлетворена его собственная обеспокоенность в отношении необходимой ему информации.

Делая ссылки на то, что говорил в своем письме друг, лучше всего привести его точные

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

слова, а не давать их краткое изложение своими собственными словами. Впечатления А о том, что сказал Б, выраженные словами А, никогда не донесут до Б смысла его собственных слов.

Это особенно важно, когда возникает какой-то вопрос, в отношении которого корреспонденты не вполне соглашаются друг с другом. В таких случаях не следует в качестве вводных фраз использовать обороты, подобные «Ты совершенно ошибаешься, считая, что я сказал то-то и то-то. Я ни в коем случае не имел этого в виду и т. д. и т. п.», — это грозит тем, что переписка затянется на всю жизнь.

Здесь вполне уместно привести еще несколько правил для переписки, которая, к сожалению, уже превратилась в полемическую.

Одно из них: не повторяйтесь. Если вы высказали свое мнение по определенному вопросу, ясно и полностью, и вам не удалось убедить своего друга, оставьте этот вопрос: повторение собственных доводов просто приведет к тому, что он сделает то же самое; и так ваш спор будет продолжаться

Задание

*Пицца для уха:
эссе и послания*

до бесконечности, как периодическая дробь. Вы когда-нибудь слышали, чтобы периодическая дробь заканчивалась?

Еще одно правило состоит в том, что если вы написали письмо, которое, по вашему мнению, могло бы вызвать неудовольствие у вашего друга, то, как бы вы ни считали, что по-другому выразиться невозможно, отложите письмо до следующего дня. Затем перечитайте его заново и представьте, что оно адресовано вам. Очень вероятно, что вы перечитаете его несколько раз подряд, убирая излишний уксус и перец и заменяя их медом и таким образом превращая свое произведение в гораздо более удобоваримое блюдо! Если, после того как вы сделали все возможное, чтобы не допустить оскорбительных слов, вы все еще чувствуете, что, скорее всего, ваш ответ лишь подольет масла в огонь, сохраните у себя копию такого письма. Весьма мало толку спустя несколько месяцев заявлять в свое оправдание: «Я почти уверен, что никогда не выражался так, как ты говоришь: насколько я помню, я сказал то-то и то-то». Гораздо лучше, если у вас будет возможность написать: «Я так

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

не выражался: вот слова, которые я использовал».

Мое пятое правило заключается в том, что если ваш друг делает резкое замечание, то или оставьте его незамеченным, или сделайте свой ответ явно менее резким: а если он делает дружеское замечание, предназначенное для того, чтобы «уладить» небольшое разногласие, возникшее между вами, то пусть ваш ответ будет явно более дружеским. Если бы, затеивая ссору, каждая сторона отказывалась пройти более чем три восьмых пути и если бы, стремясь помириться, каждый был бы готов пройти пять восьмых пути, — ну, тогда было бы больше примирений, чем ссор! Что похоже на то, как один ирландец упрекал свою гулящую дочь: «Что значит «я ухожу»? Ты постоянно уходишь! На каждый твой приход приходится по три ухода!»

Мое шестое правило (и мое последнее замечание по поводу полемической переписки): не пытайтесь оставить за собой последнее слово! Сколько ссор было бы уничтожено в зародыше, если бы каждый беспокоился о том, чтобы дать другому возможность оставить за собой последнее

Задорин

*Пицца для ума:
эссе и послания*

слово! Неважно, насколько эффектен тот аргумент, который вы оставите неозвученным, важно, что ваш друг подумает, что вы промолчали из-за того, что вам нечего сказать: пусть этот вопрос отпадет как можно скорее сам собой; помните, что «слово — серебро, но молчание — золото»! (NB.! Если вы джентльмен, а ваш корреспондент — дама, это правило не пригодится: последнее слово все равно никогда не будет за вами!)

Мое седьмое правило: если вам когда-нибудь придет в голову сделать шутовское замечание своему другу, позаботьтесь, чтобы не оставалось сомнений, что это именно шутка: слово, сказанное в шутку, может привести к весьма серьезным последствиям. Мне известны случаи, когда это приводило к разрыву дружеских отношений. Представьте, к примеру, что вы хотите напомнить своему другу о соверене, который вы ему одолжили и который он забыл вам отдать, — вы можете совершенно без задней мысли сказать в шутку: «Я упоминаю об этом, поскольку, похоже, очень удобно страдать такой забывчивостью в отношении долгов»; тем не

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

менее, не стоит удивляться, если он обидится на то, в какой форме вы это высказали. Но представьте, если вы написали: «Долгое наблюдение за твоей карьерой в качестве карманника и взломщика убедило меня, что единственная надежда вернуть одолженный тебе содерен — это сказать: «Деньги на бочку, или я подам на тебя в суд!». Он был бы действительно лишенным фантазии человеком, если бы решил, что это написано совершенно серьезно!

Мое восьмое правило. Когда вы говорите в своем письме «Я вкладываю чек на 5 фунтов» или «Я вкладываю письмо Джона, чтобы ты сам его почитал», отложите письмо на минуту — пойдите и возьмите документ, на который вы ссылаетесь, и вложите его в конверт. В противном случае вы почти наверняка обнаружите, что он валяется где-нибудь у вас под носом, уже после того, как письмо отправлено!

Мое девятое правило. Когда дойдете до конца страницы и обнаружите, что еще не все написали, возьмите еще один лист бумаги или клочок, если это необходимо: но, что бы вы ни делали, не вписывайте между

Задание Письма для ума:
эссе и послания

строк! Помните старую поговорку: «Как напишешь, так и прочитают». «Старую поговорку?» — удивленно переспросите вы. «Насколько старую?» Ну, не очень древнюю, должен признаться. На самом деле, боюсь, что я сам придумал ее, пока писал этот абзац! Тем не менее, знаете ли, «старая» — это понятие относительное. Думаю, вы будете вполне правы, обратившись к цыпленку, только что вылупившемуся из яйца, «Старик!», если сравнить его с другим цыпленком, который вылез всего лишь наполовину!

4. Как заканчивать письма

Если вы сомневаетесь, закончить ли ваше письмо фразой «искренне Ваш», или «преданный Вам», или «исключительно преданный Вам» и т. п. (существует по меньшей мере дюжина разновидностей, пока вы не дойдете до «с любовью, Ваш»), загляните в последнее письмо вашего знакомого и закончите свое *по крайней мере таким же* выражением дружеских чувств,

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

как и он: собственно говоря, если даже вы сделаете окончание чуть-чуть *более* теплым, вреда от этого не будет!

Постскрипту — это очень полезное изобретение: но он *не* предназначен (как предполагают многие дамы) для того, чтобы излагать в нем то, для чего собственно и писалось письмо: он служит скорее для того, чтобы увести в тень любые мелкие вопросы, из-за которых мы *не* хотим поднимать шум. Например, ваш друг обещал выполнить ваше поручение, но забыл об этом, тем самым доставив вам огромное неудобство, и теперь он пишет, извиняясь за свою забывчивость. Было бы жестоко и излишне делать это основной темой вашего ответа. Насколько более элегантно выглядит такой вариант: «P.S. Не расстраивайся больше по поводу того, что ты упустил из виду это небольшое дельце. Не стану отрицать, что в тот момент это *действительно* несколько нарушило мои планы, но теперь все в порядке. Я и сам частенько забываю о разных вещах, и те, кто живет в стеклянных домах, не должны бросать камни, сам знаешь!»

Задание Письма для ума: эссе и послания

Когда понесете свои письма на почту, *несите их в руке*. Если вы положите их в карман, то после продолжительной прогулки (говорю это по собственному опыту), *дважды* пройдя мимо почты, вы вернетесь домой и обнаружите, что они *все еще* лежат у вас в кармане.

5. Об учете корреспонденции

Я бы посоветовал вам вести записи о всех полученных и отправленных письмах. Я веду такой журнал в течение многих лет и обнаружил, что он сослужил мне самую огромную службу, какая только возможна: он является гарантией того, что я всегда *отвечу* на письмо, как бы долго ни пришлось этого ждать; это позволяет мне уточнять детали предыдущей корреспонденции, хотя сами письма, возможно, уже давно уничтожены; и самое ценное качество из всех состоит в том, что, если через многие годы возникнут какие-либо затруднения, журнал позволит мне с уверенностью сказать: «Я не говорил вам, что он *незаменимый* помощник во всех

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

отношениях! и что ему можно доверить все что угодно». У меня есть конспект моего письма. На самом деле я сказал, что «он ценный помощник во многих отношениях, но не слишком ему доверяйте». Так что, если он вас обманул, вы не должны считать, что виноват в этом я!»

Теперь я изложу вам несколько простых правил касательно того, как сделать журнал писем и как его вести.

Возьмите чистую тетрадь, скажем, листов на 200, примерно 4 дюйма в ширину и 7 в длину. Она должна быть *хорошо* прикреплена к обложке, поскольку вам придется открывать ее и закрывать сотни раз. Возьмите линейку и на каждой странице, примерно в дюйме от края, проведите красными чернилами поля (поле должно быть достаточно широким, чтобы в него легко вместились пятизначное число: мне достаточно $3/4$ дюйма; но дюймовые поля будут для вас удобнее, если только у вас не совсем уж мелкий почерк).

Напишите *конспект* каждого письма, полученного или отправленного, в хронологическом порядке. Пусть запись

Задание

Пицца для уха: эссе и послания

о «полученном» письме размещается между левым краем страницы и правой линией поля; а о «посланном» письме — между левым полем и правым краем. Таким образом эти два вида записей будут отличаться по расположению и вы легко сможете найти нужное письмо среди «полученных» писем, не обращая внимания на «посланные», *и наоборот.*

Используйте только *правые* страницы и, когда дойдете до конца тетради, переверните ее и начните с другого конца, продолжая использовать правые страницы. Вы увидите, что это гораздо более удобно, чем использовать левые страницы.

Вы увидите, что удобно писать в верхней части каждой страницы «полученных» писем его полный регистрационный номер письма.

Теперь я приведу для примера несколько (идеальных) страниц из моего журнала регистрации писем и сопровожу их несколькими замечаниями, после чего, я думаю, вы с достаточной легкостью сможете справиться и со своим журналом.

Несколько писем сров
на поводу море,
как писанье писанья

29217	/90.	
(217) sendg, J., a	Ap. 1. (Tu) <i>Jones, Mrs.</i> am as present from self and Mr. white elephant.	27518 225
(218) grand	do. <i>Wilkins & Co.</i> bill, for piano, £ 175 10s. 6d. [pd	28743 221, 2
(219) 'Grand to borr	do. <i>Scareham, H.</i> [writes from Hotel, Monte Carlo] asking ow £50 for a few weeks (!)	
	(220) do. <i>Scareham, H.</i> would know <i>object</i> , for wh loan is and <i>security</i> offered.	like to asked,
218	(221) Ap. 3. <i>Wilkins & Co.</i> vious letter, now before me, undertook to supply one for decling to pay more.	in pre- you £120:
246		
23514 218 228	(222) do. <i>Cheetham & Sharp.</i> written 221—enclosing previo ter—is law on my side?	have us let- [
(223) G. N. dressed 'very	Ap. 4. <i>Manager, Goods Statn,</i> R. White Elephant arrived, ad- to you—send for it at once— 'savage.'	226
29225	/90.	
217	(225) Ap. 4 (F) <i>Jones, Mrs.</i> th but no room for it at present, am ing it to Zoological Gardens.	anks, send-
230		
223	(226) do. <i>Manager, Goods Sta</i> <i>N. R.</i> please deliver, to bearer note, case containing White Ele- addressed to me.	<i>tn, G.</i> of this phant
223	(227) do. <i>Director Zool. Garde</i> closing above note to R. W. Ma call for valuable animal, prese Gardens.	<i>ns. (en- nager)</i> nted to
229		

L. Doughton Письма г-же уму:
все и поспрашивая

(228) misquot is £18	Ap. 8. <i>Cheetham & Sharp</i> , you e enclosed letter, limit named 0.	222 237
(229) case de Port— quet—	Ap. 9. <i>Director, Zoo. Gardens.</i> livered to us contained 1 doz. consumed at Director's Ban- many thanks.	227 230
225 ⊙	(230) do. <i>T Jones, Mrs.</i> why doz. of Port a 'White Elephant'?	call a
(231) joke.'	do. <i>T Jones, Mrs.</i> 'it was a	⊙
29233	/90.	
242	(233) Ap. 10 (<i>Th Page & Co.</i> <i>Macaulay's Essays</i> and ' <i>Jane</i> (cheap edtn.)	orderg Eyre'
(234) 2 or 3	do. <i>Aunt Jemina</i> —invitg for days after the 15th. [236
(235) recevd & Co.	do. <i>Lon. and West. Bk.</i> have £250, pd to yr Acct fm <i>Parkins</i> <i>Calcutta.</i> [en	
234	(236) do. <i>Aunt Jemina</i> —can possibly come this month, will when able.	not write [
239		
228 240	(237) Ap. 11. <i>Cheetham and</i> turn letter enclosed to you.	Co. re- [×
245	(238) do. <i>Morton, Philip.</i> Co lend me <i>Browning's</i> ' <i>Dramati</i> <i>sonæ</i> for a day or 2?	uld you s Per-
(239) ing hou '136,	Ap. 14. <i>Aunt Jemina</i> , leav- se at end of month: address <i>Royal Avenue, Bath.</i> [236
(240) returng	Ap. 15. <i>Cheetham and Co.,</i> letter as reqd, bill 6/6/8. [237 244

Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма

	29242	/90.	
(242)	for boo	Ap. 15. (Tu) <i>Page & Co.</i> bill ks, as ordered, 15/6	233
(243)		do. ¶ <i>do.</i> books	247
240		(244) do. <i>Cheetham and Co.</i> c	an un-
248		derstand the 6/8—what is £6	for?
(245)	matis	Ap. 17. ¶ <i>Morton, P.</i> 'Dra- Personæ,' as asked for. [retd	238 249
221		(246) do. <i>Wilkins and Co.</i> w	ith
250		bill, 175/10/6, and ch. for do.	[en
243		(247) do. <i>Page and Co.</i> bill, postal J 107258 for 15/- and	15/6, 6 stps.
(248)	was a	Ap. 18. <i>Cheetham and Co.</i> , it 'clerical error' (!)	244
245		(249) Ap. 19. <i>Morton, P.</i> retu Browning with many thanks.	rng
(250)	bill.	do. <i>Wilkins and Co.</i> receiptd	246

Я начинаю каждую страницу, проставляя в верхнем левом углу номер следующей записи, которую я собираюсь сделать, полностью (потом будет достаточно поставить последние 3 цифры каждого номера), и сверху в центре ставлю дату.

Я начинаю каждую запись с последних 3 цифр номера записи, обведенного кружочком (это трудно воспроизвести в печатном издании, поэтому я вместо этого поставил здесь круглые скобки). Затем для первой

Л. Давыдов

Пицца для уха: эссе и послания

записи на каждой странице я ставлю число и день недели, потом достаточно поставить рядом с другим письмом, полученным в тот же день, пометку *т. ж.* (тогда же); название дня недели я не повторяю.

Далее, если запись касается не письма, я ставлю символ, означающий бандероль (см. №№ 243, 245) или телеграмму, в зависимости от того, что это.

Далее, фамилия и имя человека.

Если запись требует особого внимания, я ставлю в конце знак «[»: и, когда я выполняю то, что должен выполнить в связи с этим, то вписываю соответствующий символ, например, в № 218 видно, что следовало оплатить счет; в № 222 — что необходимо дать ответ («X» означает «выполнено»); в № 234 — что я должен был нанести визит пожилой даме; в № 235 — что этот пункт следовало внести в мою бухгалтерскую книгу; в № 236 — что я не должен забыть написать; в № 239 — что адрес нужно записать в мою адресную книжку; в № 245 — что книгу следует вернуть.

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

Я выделяю на каждую запись 2 строки, независимо от того, заполняются они полностью или нет, для того чтобы было место для ссылок. И в нижней части каждой страницы я оставляю 2-3 пустые строчки (которые потом часто оказываются очень полезными, когда нужно внести записи о пропущенных письмах) и пропускаю один или два номера, прежде чем начинаю новую страницу.

В любой выпавший свободный момент я «прихорашиваю» книгу записей различными способами, такими, как следующие:

(1) Я черчу вторую линию, справа от записей о «полученных» письмах, и слева — от записей об «отправленных» письмах. В моем журнале первая линия красная, а вторая — синяя: здесь разница состоит в том, что первая линия тонкая, а вторая жирная.

(2) Начиная с последней записи и двигаясь в обратном порядке, я прочитываю имена, пока не вижу то, которое уже встречалось; тогда я соединяю две эти записи вместе, давая для той, что идет первой

Задан

*Пицца для уха:
эссе и послания*

в хронологическом порядке, ссылку в конце (см. №№ 217, 225). Я двигаюсь в обратном порядке, пока не дохожу до записей, которые уже снабжены ссылками, и тогда еще раз просматриваю последние несколько страниц, проверяя, нет ли еще записей, которые не снабжены ссылками в начале: возможно, предшествующие им записи потребуются искать специально. Если запись соединена по теме с другой, идущей под другим именем, я соединяю их перекрестными ссылками, отличающимися от ссылок вверху и внизу тем, что они стоят дальше от линии полей (см. № 229). Если 2 последовательных записи имеют одно имя и принадлежат к одному виду (т. е. оба «получены» или оба «отправлены»), я ставлю их в скобки (см. №№ 242, 243); если к разным — я соединяю их символом, использованным в №№ 219, 220.

(3) Начиная с самой ранней записи, которая еще не закончена, и двигаясь вперед, я вычеркиваю все записи, в которых есть верхняя и нижняя ссылки, и заканчиваю, продолжая лишнюю линию через нее (см. №№ 221, 223, 225). Таким образом, когда в этой лишней линии встречается

*Несколько мудрых слов
по поводу того,
как писать письма*

пробел, это показывает: остался какой-то вопрос, требующий внимания. Я жду, пока не накапливается 30-40 страниц, чтобы можно было сразу просмотреть их за один раз. Когда первая страница в тетради полностью вычеркнута, я отмечаю это внизу страницы, ставя пометку; и так же поступаю с 2, 3 страницами и т. д. Поэтому, когда я работаю с этой частью, мне не нужно начинать с самого начала тетради, а только лишь на самой первой странице, на которой не стоит эта пометка.

Все это выглядит очень сложно и запутанно, когда это подробно изложено на бумаге, но вы увидите, что это совершенно просто, когда немного попрактикуетесь и станете рассматривать работу с журналом в качестве приятного занятия на черной день или для любого другого времени, когда вы ощутите тягу к более тяжелому умственному труду. Хойл дает нам одно золотое правило в отношении игры в вист: «Если сомневаешься — бери»; я нахожу, что это правило замечательно подходит для реальной жизни. Когда я сомневаюсь, что мне делать, я беру свой Журнал писем и привожу его в порядок!

Несколько
советов
по этикету,
или как вести
себя
на званых
обедах

A simple line drawing of a hand with the index finger pointing towards the right. The hand is wearing a dark cuff or sleeve at the wrist.

Как люди, обслуживающие общественные вкусы, мы можем искренне рекомендовать эту книгу всем, кто часто обедает вне дома и совершенно незнаком с правилами поведения в обществе. Какое бы сожаление мы ни испытывали в связи с тем, что автор ограничился скорее предупреждениями, нежели советами, мы обязаны по всей справедливости отметить, что ничто из того, что здесь изложено, не будет противоречить манерам, принятым в лучших домах. Нижеследующий пример демонстрирует глубину проникновения в тему и полноту опыта, которые встречаются весьма редко:

Несколько советов по этикету

1.

Направляясь в столовую, джентльмен предлагает одну руку даме, которую он сопровождает, — предлагать обе руки не принято.

2.

Практика поедания супа из одной тарелки с сидящим напротив джентльменом в настоящее время устарела: но обычай спрашивать у хозяина его мнение о погоде сразу после того, как унесли первую перемену блюд, все еще сохраняется.

3.

Практика поедания супа вилкой, с одновременным нашептыванием хозяйке на ухо, что ложку вы припасли для бифштекса, полностью вышла из употребления.

4.

Когда перед вами стоит блюдо с мясом, ничто не может помешать вам его съесть,

Задание ПИЩА для уха:
эссе и послания

если вы чувствуете к этому склонность; тем не менее во всех таких деликатных случаях руководствуйтесь исключительно поведением окружающих.

5.

Всегда допустимо попросить, чтобы вам подали к вареной оленине артишоковое желе; однако существуют дома, где этого не подают.

6.

Метод накладывания жареной индейки с помощью двух вилок для раздачи мяса практичен, но лишен изящества.

7.

Мы не рекомендуем практику поедания сыра с ножом и вилкой в одной руке и ложкой и бокалом вина в другой; это действие сопряжено с определенной долей неудобства, до конца избавиться от которого не поможет никакое количество тренировок.

Несколько советов по этикету

8.

В качестве общего правила: не пинайте под столом джентльмена, сидящего напротив, если вы лично с ним не знакомы; ваша комическая выходка может быть неправильно понята — обстоятельство, во все времена неприятное.

9.

Поднятие тоста за здоровье мальчика-посыльного сразу после того, как убрали скатерть, — это обычай, скорее рожденный уважением к его нежному возрасту, чем строгим соблюдением правил этикета.

Визит к Теннисону

Ч.Ч., 11 мая 1891 г.

Мой дорогой Уильям, я уже некоторое время раздумываю о том, чтобы написать тебе отчет о моем посещении острова Уайт, однако сомневался, достаточно ли у меня новостей, чтобы стоило тратить на это время; но теперь, когда ты сам этого попросил, ты должен сказать спасибо за то, что узнаешь, интересно это или нет — поистине «bis dat qui cito dat»*. (Мне кажется, эта цитата некоторым образом уместна в данном случае.) У., должно быть, подло исказил мои слова, если сказал, что я последовал за Лауреатом** в его убежище, поскольку я поехал, не зная, что он там, собираясь

* Вдвойне дает тот, кто дает быстро (*лат.*).

** В 1851 г. Теннисон получил должность и звание «поэта-лауреата», то есть придворного поэта.

Визит к Теннисону

погостить у старого приятеля по колледжу в Фрешуотере. Находясь там, я, как любой свободнорожденный британец, имел неотъемлемое право нанести утренний визит, что и сделал, несмотря на то что мой друг Коллинз заверил меня, что Теннисоны еще не приехали. Когда я подошел к дому, там был какой-то человек, красивший садовую ограду, которого я спросил, дома ли мистер Теннисон, ожидая, что он мне ответит «нет», поэтому для меня было приятным сюрпризом, когда он сказал: «Он здесь, сэр» и показал на него, и вот! он был неподалеку, подстригал свою лужайку, в широкополой шляпе и очках. Мне пришлось представиться, поскольку он слишком близорук, чтобы самостоятельно узнавать людей, и когда он закончил свои дела, то отвел меня в дом поздороваться с миссис Теннисон, которая, как я с большим сожалением узнал, была очень больна и в этот момент страдала от почти полной бессонницы. Она лежала на диване и выглядела довольно усталой и изможденной, поэтому я побыл с ней буквально несколько минут. Она пригласила меня прийти вечером на ужин, где должен был присутствовать

Э. Дойл

Пицца для уха:
эссе и послания

мистер Уорбертон (брат из «Полумесяца и Креста»), но ее муж отменил это приглашение перед моим уходом, сказав, что хочет, чтобы вечером она поменьше волновалась, и спрашивал, чтобы я зашел к ним вечером на чай, а на следующий день и пообедал с ними. Он провел меня по дому, показывая картины и проч. (среди которых «на струне» висели и мои фотографии этой семьи, в рамках из этих эмалированных, как ты их называешь, картонках?). Вид из окон мансарды он считает одним из самых прекрасных на острове; еще он показал мне картину, которую написал для него его друг Ричард Дойл; также маленькую курительную комнату в верхней части дома, где он, естественно, предложил мне выкурить трубку; еще показал детскую, где мы обнаружили красивого маленького Халлама (его сына), который вспомнил меня быстрее, чем его отец.

Я пришел вечером; мистер Уорбертон показался мне очень приятным человеком с довольно робкими, нервными манерами; он священник и школьный инспектор в этом округе. Вечером мы затронули тему

По

Визит к Теннисону

обязанностей священнослужителя, и Теннисон сказал, что, по его мнению, священники как сообщество не приносят и половины той пользы, которую могли бы приносить, будь они менее высокомерны и проявляй больше сочувствия своей пастве. «Чего им не хватает, — сказал он, — так это силы и доброты, — доброта без силы, разумеется, ни к чему хорошему не приведет, но сила без доброты мало что даст». Весьма здравая теологическая мысль, по моему мнению. Это все происходило в маленькой курительной, куда мы перешли после чая и где провели около двух часов в очень интересной беседе. Везде лежали корректурные оттиски «Королевской идиллии», но он не позволил мне посмотреть. Я с некоторым любопытством отметил, какого рода книги занимают нижнюю из поворачивающихся книжных полок, чрезвычайно удобных для работы за письменным столом; все они, без исключения, были на греческом или на латыни — Гомер, Эсхил, Гораций, Лукреций, Вергилий и проч. Стоял прекрасный лунный вечер, и, когда я уходил, Теннисон прошелся со мной по саду и обратил

Л. Доджсон

Пицца для уха:
эссе и послания

мое внимание на то, как луна светит сквозь тонкое белое облако,— эффект, который я раньше никогда не замечал: нечто вроде золотого кольца, но не близко к краю, как ореол, а на некотором расстоянии. Если не ошибаюсь, моряки считают это приметой, сулящей плохую погоду. Он сказал, что часто замечал его, и упомянул это явление в одном из своих ранних стихотворений. Ты можешь найти его в «Маргарет»*.

На следующий день я пришел к ним на ужин и встретил сэра Джона Симеона, поместье которого находится в нескольких милях от дома Теннисонов; это пожилой местный обитатель, который позднее перешел в римско-католическую церковь. Это один из самых приятных людей, которых мне доводилось встречать, и ты можешь представить себе, что вечер был просто замечательный: я получил от него исключительное удовольствие; особенно приятны были заключительные два часа в курительной комнате.

Я достал свой альбом с фотографиями, но мистер Теннисон слишком устал и не стал их смотреть этим же вечером, поэтому

* Это явление упоминается в следующих строках:

The very smile
before you speak,
That dimples your
transparent cheek,
Encircles all the
heart, and feedeth
The senses with
a still delight
Of dainty sorrow
without sound,
Like the tender
amber round,
Which the moon
about her spreadeth,
Moving through
a fleecy night.

Визит к Теннисону

я договорился, что оставляю их и приду за ними на следующее утро, когда можно будет увидеть и остальных его детей, которых я только мельком видел во время ужина.

Теннисон рассказал нам, что часто, ложась спать после работы над тем или иным своим сочинением, он видел во сне длинные поэтические отрывки («А вам, я полагаю, — поворачиваясь ко мне, — снятся фотографии?»), которые ему очень нравились, но которые он полностью забывал, когда просыпался. Одним из них было невероятно длинное стихотворение о феях, в котором строки, вначале очень длинные, постепенно становились все короче и короче, пока, в конце концов, стихотворение не закончилось пятьюдесятью или шестьюдесятью строками, каждая длиной в два слога! Единственный кусочек, который ему удалось вспомнить в достаточной мере, чтобы записать на бумаге, приснился ему в возрасте десяти лет, и, возможно, ты хотел бы его иметь в качестве настоящего неопубликованного фрагмента одного из произведений лауреата, хотя, думаю, ты со мной согласишься, что в нем мало что

Эдвард Пшца для ума:
эссе и послания

указывает на его будущую поэтическую
мощь:

Может ли мышка в норе
Написать письмо горе?
Надеюсь, вам не в обузу
Моя детская муза.

* * *

Когда мы сидели в курительной, разговор перешел на убийства, и Теннисон рассказал нам несколько ужасных историй из реальной жизни: похоже, он склонен получать большое удовольствие от такого рода описаний; чего не скажешь, если судить по его поэзии. Сэр Джон любезно предложил подвезти меня до гостиницы в своем экипаже, и, когда мы уже стояли у двери, собираясь сесть, он сказал: «Вы ведь не возражаете против сигары в экипаже, не правда ли?». На что Теннисон ворчливо заметил: «Он не возражал против *двух трубок* в моем маленьком кабинете наверху и *априори* не имеет никакого права возражать против одной сигары в экипаже». И вот так закончился один из самых восхитительных вечеров за последнее — довольно долгое — время. На следующий день я пообедал у них, но самого Теннисона

Визит к Теннисону

видел очень мало, а потом показывал фотографии миссис Теннисон и детям, не преминув получить автограф Халлама большими жирными печатными буквами под его портретом. Дети настояли на том, чтобы читать вслух поэтические подписи под картинами и фотографиями, и, когда они дошли до портрета своего отца (на котором в качестве девиза было написано: «Поэт, в златом краю рожденный» и т. д.), Лайонел какое-то мгновение молчал, озадаченно глядя на него, а потом отважно начал: «Папа Римский!..», после чего миссис Теннисон начала смеяться, а Теннисон прорычал с противоположной стороны стола: «Эй! что там такое насчет Папы?», но никто не отважился объяснить аллюзию.

Я попросил миссис Теннисон объяснить мне «Даму из Шалота», которую толкуют совершенно по-разному. Она сказала, что оригинальная легенда написана на итальянском и что Теннисон передал ее в том виде, в каком она к нему попала, поэтому вряд ли справедливо ожидать от него, чтобы он еще и предоставил интерпретацию.

Доджсон

*Пицца для уха:
эссе и послания*

Кстати, как ты считаешь, эти строки в «Таймс», озаглавленные «Война» и подписанные «Т.», принадлежат Теннисону? Я здесь поспорил с одним знакомым, что нет, и собираюсь попытаться это выяснить. Похоже, что многие считают, что все-таки они написаны им...

Это все на настоящий момент
от преданного тебе кузена

Чарльза Л. Доджсона.

P.S. Без пяти три ночи! Вот что бывает,
когда начинаешь писать письма за полночь.

(1859)

Вивисекция
как символ
новых
времен

Редактору
«Пэлл-Мэл газетт»

Сэр, письмо, которое появилось в последнем номере «Спектейтора» и которое, должно быть, удручило сердце каждого, кто его читал, судя по всему, заставляет поставить вопрос, которого еще не задавали и на который еще никто не ответил с достаточной ясностью, а именно: насколько можно рассматривать вивисекцию в качестве символа новых времен и достойного образчика той высшей цивилизованности, которую должно дать нам чисто светское государственное образование? В лице этой многовосхваляемой панацеи от всех человеческих зол нам обещаю́т не только обогащение наших знаний, но также более

Задорин

Пицца для ума:
эссе и послания

высокие моральные качества; любые сиюминутные сомнения по этому вопросу, которые могут у нас возникнуть, сразу успокаивают, приводя в пример Германию. Силлогизм, если он заслуживает такого названия, обычно формулируется таким образом: Германия имеет более высокое образование, чем Англия; в Германии более низкий средний уровень преступности, чем в Англии; ergo*, научное образование имеет тенденцию улучшать нравственное поведение. Какой-нибудь старомодный логик, возможно, прошептал бы про себя: «Praemissis particularibus nihil probatur», но такое замечание, теперь, когда Олдрич вышел из моды, вызвало бы только снисходительную улыбку. Можем ли мы, в таком случае, рассматривать практику вивисекции в качестве законного плода или аномального результата развития этого более высокого нравственного поведения? Является ли анатом, который может равнодушно созерцать агонию, которую он причиняет для не более высокой цели, нежели удовлетворение научного любопытства, или для иллюстрации какой-либо устоявшейся истины, существом более

*Следовательно
(лат.).

Вивисекция как символ новых времен

высшим или более низшим на шкале человечества, чем невежественный мужлан, самая душа которого содрогнулась бы при виде этого ужасного зрелища? Ибо если когда-либо существовал более убедительный аргумент в пользу чисто научного образования, чем какой-либо другой, то это наверняка следующий (несколько лет назад его можно было вложить в уста любого поборника науки; сейчас он выглядит просто насмешкой): «Что может так же действенно научить благородному качеству милосердия, восприимчивости ко всем формам страдания, как знание того, что такое есть настоящее страдание? Может ли человек, который однажды осознал путем подробного изучения, что такое нервы, что такое мозг и какие волны агонии первые могут передать второму, взять и умышленно причинить боль какому-либо чувствующему существу?» Некоторое время назад мы могли бы с уверенностью ответить: «Он не может этого сделать»; в свете современных открытий мы должны с грустью признаться: «Он может». И пусть никто не говорит, что это делается после серьезного учета соотношения боли и пользы;

Глобтон

Пицца для уха:
эссе и послания

что оператор говорит себе в оправдание: «Боль — это действительно зло, но такое большое страдание можно вполне выдержать ради такого большого знания». Когда я услышу, как один из этих рьяных искателей истины подвергает не беззащитное глупое животное, которому он говорит фактически: «Ты будешь страдать ради того, чтобы я смог узнать», но себя самого воздействию зонда и скальпеля, тогда я поверю, что он признает принцип справедливости, и буду уважать его как человека, действующего согласно своим принципам. «Но ведь это невозможно!» — воскликнет какой-нибудь благожелательный читатель, только что побывавший на приеме у самого очаровательного из людей, лондонского врача. «Что! Неужели возможно, чтобы человек, такой мягкий и обходительный, настолько исполненный благородных чувств, мог быть жестокосердным? Сама мысль эта возмутительна для здравого смысла!» И так нас обманывают каждый день на протяжении всей жизни. Неужели возможно, чтобы этот директор банка с его открытым честным лицом мог задумывать мошенничество? Что председатель этого собрания акционеров,

Вивисекция как символ новых времен

в каждой нотке голоса которого звучит правда, мог бы держать в своей руке «сфабрикованный» реестр задолженности? Что мой торговец вином, такой искренний, такой открытый человек, мог бы продавать мне фальсифицированный товар? Что школьный учитель, которому я доверил своего маленького сына, может уморить его голодом или не обращать на него внимания? Как хорошо я помню его слова, обращенные к милому ребенку, когда мы расставались в последний раз. «Ты покидаешь своих друзей, — сказал он, — но ты найдешь себе отца в моем лице, мой милый, и мать в лице миссис Сквьерс!» Для всех подобных розовых мечтаний об очевидном иммунитете образованных людей к человеческим порокам, факты, изложенные на прошлой неделе в «Спектейторе», имеют ужасное значение: «Доверяй человеку настолько, насколько хорошо его знаешь», как будто говорят они. «Qui vult decipi, decipiatur»*.

* Тот, кто желает быть обманутым, пусть будет обманут (лат.).

Позвольте мне процитировать несколько фраз, сказанных одним современным писателем на эту тему:

Задорин

Пицца для ума:
эссе и послания

«В настоящий момент мы, законодательные органы и народ, активно способствуем осуществлению планов, исходящих из постулата, что поведение предопределяется не чувствами, но знаниями. Ибо на чем еще основаны настоячивые призывы различных организаций, поддерживающих развитие образования? Какова первоидея, общая для антиклерикалистов и представителей различных конфессий, если не идея о том, что распространение знаний — это единственная вещь, необходимая для улучшения поведения? После того как они усвоили определенные заблуждения, основанные на статистических данных, у них выросла вера в то, что государственное образование будет сдерживать дурные поступки... Эта вера в исправляющее воздействие интеллектуальной культуры, совершенно противоречащая фактам, абсурдна априори... Эта вера в учебники и лекции — одно из суеверий нашего века... Не с помощью наставлений, пусть даже выслушиваемых ежедневно; не с помощью примера, если только ему не будут следовать; но только с помощью действия, часто

Вивисекция как символ новых времен

вызываемого связанным с ним чувством, можно сформировать нравственную привычку. И тем не менее, эта истина, которой явственно учит психиатрическая наука и которая согласуется с хорошо знакомыми изречениями, полностью игнорируется нынешними течениями образовательного фанатизма».

Моего одобрения не нужно, чтобы рекомендовать вниманию всех мыслящих читателей эти слова Герберта Спенсера. Их можно найти в его «Науке социологии» (с. 361—367).

Однако давайте отдадим справедливость науке. Ей не так уж недостает, как хотел бы внушить нам мистер Герберт Спенсер, принципов действия — принципов, с помощью которых мы можем регулировать наше поведение в жизни. Я лично однажды слышал, как один человек, достигший высот в науке, заявлял, что из своих трудов извлек один особенный личный урок, который более чем все остальные он принял близко к сердцу. Детальное изучение нервной системы и различных форм боли, вызываемой ранами, заставило его принять одно глубокое решение;

Златов

Пицца для ума:
эссе и послания

и решением этим было — что вы думаете? — никогда, ни при каких обстоятельствах, не рисковать своей собственной персоной, отправляясь на поле боя! Я прочитал в какой-то книге — боюсь, довольно устарелой, которая сильно дискредитирована с точки зрения современных взглядов, — слова: «Все живое стонет и страдает и поныне». Воистину сегодня мы читаем в этих словах новый смысл! «Стонет и страдает» оно, вне сомнения, и до сих пор (больше, чем когда-либо, в том, что касается животных), но для чего? Для достижения какого-то более высокого и более выдающегося состояния? Так можно было бы сказать несколько лет назад. Но не в наши дни. Τέλος τέλειου светского обучения, оторванное от религиозного или нравственного воспитания, — это — я говорю это намеренно — чистейший и самый вопиющий эгоизм. Мир видел поклонение Природе, Разуму, Гуманности и устал от них; нашему девятнадцатому столетию суждено испытать расцвет самой изощренной религии из всех — поклонение себе самому. Ибо это действительно венец всего, что было доселе.

Вивисекция как символ новых времен

Порабощение братьев слабейших — «труд тех, кто не получает удовольствия, для удовольствия тех, кто не трудится», — деградация женщины — пытки животного мира — это ступени лестницы, по которой человек поднимается к своей более высокой цивилизованности. Эгоизм — это основной принцип всего чисто светского образования; и я рассматриваю вивисекцию как вопиющий, очевидный этому пример. И не нужно думать, что это зло сможет породить добро, ради которого нас просят примириться с ним и затем оставить в прошлом. Это зло, которое имеет тенденцию к постоянному распространению. И если сейчас с ним примириться или даже сделать вид, что мы его не замечаем, век всеобщего образования, когда науки, и среди них анатомия, станут достоянием всех, будет возведен криком боли, издаваемым животным творением, который разнесется по всей земле! Таково славное будущее, к которому может стремиться поборник светского образования, рассвет, который озаряет золотой каймой горизонт его надежд! Век, когда все формы религиозной мысли станут достоянием

Эдвард

*Пицца для ума:
эссе и послания*

прошлого; когда химия и биология станут азбукой государственного образования, навязанного всем; когда вивисекция будет практиковаться в каждом колледже и в каждой школе; и когда человек науки, окидывая взглядом мир, над которым не будет иной власти, кроме его собственной, будет восторгаться мыслью о том, что он сделал из этой прекрасной зеленой земли, если не рай для людей, то, по крайней мере, ад для животных.

Остаюсь
Вашим покорным слугой,
Льюис Кэрролл

10 февр.

Некоторые
распространенные
заблуждения
в отношении
вивисекции

В такое время, когда эта болезненная тема привлекает столь значительное общественное внимание, я полагаю, не нужно извиняться за следующую попытку сформулировать и классифицировать некоторые из множества заблуждений, каковыми они мне представляются, с которыми я встретился в сочинениях тех, кто выступают за эту практику. Нельзя оказать бóльшую услугу делу истины в этой исключительно спорной области, чем привести эти туманные, неосязаемые фантомы в определенные формы, которые можно увидеть, которые можно осязать и к которым, когда они будут

Л. Дарстон

*Пицца для ума:
эссе и послания*

справедливо изложены, нам не нужно будет возвращаться во второй раз.

Я начну с двух противоречащих друг другу суждений, составляющих, судя по всему, две противоположности, между которыми содержится золотая середина истины.

1. *Что причинение боли животным — это право человека, не нуждающееся в оправданиях.*

2. *Что оно не оправдано в каком бы то ни было случае.*

Первое из них допускается на практике многими, кто едва ли рискнул бы возмутить общие чувства человечества, заявив об этом прямо. Все, кто понимает разницу между правильным и неправильным, если вопрос поставить ребром, должны признать, что причинение боли в некоторых случаях неправильно. Тех, кто это отрицает, вряд ли переубедят аргументы. Ибо из чего мы исходим? Из того, что они, как дикие животные, должны быть обузданы физической силой.

Второе суждение допускается одной из ассоциаций, недавно образованной для полного запрещения вивисекции, в чьем

Заблуждения в отношении вивисекции

манифесте она поставлена в одну категорию с рабством как воплощение абсолютного зла, с которым нельзя прийти ни к какому соглашению. Думаю, я могу предположить, что наиболее общее допускаемое суждение — это промежуточное, а именно, что причинение боли в некоторых случаях оправдано, но не во всех.

3. Что наше право причинять боль животным равнообъемно с нашим правом убивать или даже истреблять определенный вид (который мешает существованию других животных), поскольку все это нарушение их прав.

Это одно из самых распространенных и самых обманчивых заблуждений. Мистер Фримен в своей статье об охоте, рыбной ловле и вивисекции, которая появилась 8 мая 1874 г. в «Фортнайтли Ревью», судя по всему, поддерживает эту теорию, когда ставит смерть и боль в одну категорию, словно они признаются равнозначными. Например:

«В таком случае под жестокостью я понимаю, так же как и ранее, не всякое причинение смерти или страданий человеку или животному, но их неправомерное или

Задорин

Пицца для ума: эссе и послания

ненужное причинение... Таким образом, я имею две позиции. Первая — что определенные случаи причинения смерти или страданий животным могут заслуживать порицания. Вторая — что всякое причинение смерти или страданий только лишь со спортивными целями является одним из таких случаев».

Но чтобы отдать должное мистеру Фримену, мне следует также привести следующее высказывание, в котором он занимает противоположную точку зрения: «Я должен во всех случаях провести широкое различие между простым умерщвлением и пытками».

При обсуждении «прав животных», я думаю, что могу пропустить, как ненуждающееся в комментариях, так называемое право вида животных на существование и еще более туманное право несуществующего животного на появление. Единственный вопрос, заслуживающий обсуждения, состоит в том, является ли убийство животного действительным нарушением права. Если допустить это,

* Сведение
к абсурду (лат.).

то неизбежно возникает *reductio ad absurdum**

Заблуждения в отношении выписки

(если только мы не будем достаточно нелогичны, чтобы наделить животных правами пропорционально их размерам). Нам никогда не будет позволено уничтожить, для нашего удобства, некоторых щенков из помета; или открыть два десятка устриц, если достаточно и девятнадцать; или зажечь свечу летним вечером ради простого удовольствия, паче чаяния какой-нибудь несчастный мотылек найдет в ней безвременный конец! Нет, нам даже нельзя будет отправиться на прогулку, грозящую неминуемой гибелью под нашими ногами множеству насекомых, если только нас не вынуждает к этому срочное дело! Конечно же, все это детские рассуждения. Совершенно отчаиваясь провести где-либо линию раздела, я делаю вывод (и полагаю, что многие, подумав над этим вопросом, согласятся со мной), что человек обладает абсолютным правом причинять смерть животным, без объяснения каких-либо причин, при условии, что смерть эта будет безболезненной, однако любое причинение боли требует особых оправдывающих обстоятельств.

Задорин

Пицца для ума:
эссе и послания

4. Что человек бесконечно более важен, чем низшие животные, и поэтому причинение животным страданий, как бы велики они ни были, оправдано, если таким образом можно предотвратить страдания человека, какими бы незначительными они ни были.

Это заблуждение можно поддерживать только, пока оно остается неозвученным. Выразить его словами — это почти что опровергнуть его. Мало кто, даже в век, когда эгоизм практически превратился в религию, осмелится открыто признать в настолько отвратительном эгоизме! В то же время, я думаю, существуют тысячи людей, которые были бы готовы заверить вивисекторов, что в том, что касается их личных интересов, они готовы отказаться от любых перспектив на уменьшение боли, если этого можно достичь только за счет причинения такой же боли невинным существам.

Но у меня имеются и более серьезные обвинения против людей науки, которые делают такое допущение, чем обвинение в эгоизме. Они используют его бесчестно, признавая его только тогда, когда оно говорит

Заблуждения в отношении выживших

в их пользу, и игнорируют, когда оно свидетельствует против них. Ибо разве эта посылка не включает в себя аксиому о том, что страдания человека и страдания животных различаются по своим характеристикам? Странно слышать такое предположение из уст людей, которые говорят нам, что человек — брат-близнец обезьяны! Пусть, по крайней мере, будут последовательны, и, если уж они доказали, что уменьшение человеческих страданий это настолько великая и выдающаяся цель, что оправдывает любые меры, которые позволят ее достичь, пусть они дадут человекообразной обезьяне право предоставить свои аргументы.

Если бы только у них хватило объективности и смелости это сделать, я полагаю, они бы выбрали другую часть дилеммы и ответили: «Да, человек принадлежит к той же категории, что и животное; и точно так же, как нам безразлично (вы это видите, поэтому мы не можем этого отрицать), сколько боли мы причиняем одному, нам точно так же безразлично, за исключением случаев, когда нас удерживает от этого страх перед

Задорин

Пицца для ума: эссе и послания

наказанием закона, сколько боли мы причиняем другому. Стремление к научному знанию — наш единственный руководящий принцип. Уменьшение человеческих страданий — просто пустышка, придуманная для того, чтобы обмануть сентиментальных мечтателей».

Теперь я подхожу к еще одной разновидности заблуждений — тех, что связаны со сравнением, которое так часто проводят между вивисекцией и охотой. Если бы теория о том, что эти две сферы в значительной степени схожи, была связана всего лишь с выводом о том, что все, кто осуждает вивисекцию, должен осудить спортивную охоту и рыбную ловлю, я бы никоим образом не стремился бы ее опровергнуть.

К сожалению, так же логичен и так же вероятен и другой вывод, — что вивисекцию следует одобрять всем, кто одобряет спорт.

Это сравнение основывается на посылке, что главное зло, в котором обвиняют вивисекцию, состоит в боли, причиняемой животным. Эту посылку я намереваюсь далее рассматривать как заблуждение: пока же я признаю его в интересах дискуссии, надеясь

Заблуждения в отношении вивисекции

показать, что, даже исходя из этой гипотезы, у вивисекции весьма слабые шансы. При использовании этого сравнения их первое утверждение таково:

5. *Что справедливо сравнивать совокупное количество боли.*

«Совокупное количество несправедливости, — я привожу цитату из статьи в «Пэлл-Мэлл газетт» от 13 февраля, — которое совершается против животных спортсменами за один год, вероятно, превосходит то, которое животные вынесли от вивисекторов за полстолетия». Лучшим опровержением этого заблуждения, судя по всему, было бы, если бы мы проследили его до логического вывода: очень большое количество мелких несправедливостей равно одной большой. Например, что человек, который, продавая фальсифицированный хлеб, причиняет незначительный вред здоровью нескольких тысяч людей и тем самым совершает преступление, равное одному убийству. Стоит только принять это *reductio ad absurdum*, и вы будете готовы допустить, что единственное справедливое сравнение

Задорин

Пицца для уха:
эссе и послания

может быть только между индивидуумом
и индивидуумом.

Предположив, что вивисекторов
заставили оставить эту позицию, они могут
тогда отступить на следующую параллель:

6. Что боль, причиненная отдельно
взятому животному вивисекцией,
не больше, чем в спортивной охоте.

Я не спортсмен и поэтому не имею права
утверждать категорически, но я почти уверен,
что все спортсмены согласятся со мной в том,
что это неверно в отношении огнестрельного
оружия, в случае с которым, когда животное
убито сразу, смерть, вероятно, настолько
безболезненна, насколько это вообще
возможно; в то время как страдания того
животного, которое уходит от охотников
раненым, следует вменить в вину неумелым
спортсменам, а не спорту абстрактно.
Вероятно, многое из этого можно было бы
сказать и о рыбной ловле; в отношении
других видов спорта, особенно охоты, я не
могу ничего предложить в защиту, полагая,
что они связаны с очень большой
жестокостью.

Заблуждения в отношении вивисекции

Даже если бы последние два заблуждения были истолкованы в пользу поборников вивисекции, их использование в споре должно зависеть от истинности следующей посылки:

7. Что зло, в котором обвиняют вивисекцию, заключается главным образом в боли, причиняемой животным.

Я же, наоборот, утверждаю, что оно заключается в основном в том воздействии, которое оказывается на того, кто причиняет боль. Говоря словами мистера Фримена в уже цитировавшейся статье, «вопрос состоит не в совокупном количестве причиненных страданий, но в нравственном характере действий, с помощью которых причиняются страдания». Мы видим это совершенно ясно, когда переносим свое внимание от самого действия на его более отдаленные последствия. Несчастное животное страдает, умирает, «и наступает конец», но человек, чье чувство сострадания притупилось и чей эгоизм поощряется созерцанием намеренно причиняемой боли, может стать родителем других, в равной степени озверевших, и таким образом передать по наследству проклятие будущим векам. И даже если мы ограничим

Здравствуй

Пицца для ума:
эссе и послания

свой взгляд настоящим, кто может усомниться в том, что деградация души является еще большим злом, чем страдания телесной оболочки? Даже если их вынудить это признать, поборники этой практики, возможно, все еще будут утверждать —

8. *Что вивисекция не оказывает воздействия на нравственные качества вивисектора.*

«Посмотрите на наших хирургов! — возможно, воскликнут они. — Разве это безнравственные или озверевшие люди? Тем не менее вы должны признать, что во время операций, которые им приходится проводить, они постоянно созерцают боль — да, и боль, намеренно причиняемую их собственными руками». Такая аналогия несправедлива; поскольку непосредственный мотив — спасение жизни или уменьшение страданий человека, на котором производится операция, — это противодействующее влияние в хирургии, которой вивисекция, с ее туманной надеждой на то, чтобы в один прекрасный день избавить от страданий какое-то еще не рожденное человеческое существо, не может предложить ничего

Заблуждения в отношении вивисекции

аналогичного. Однако этот вопрос следует решать с помощью вещественных доказательств, а не аргументов. История дает нам слишком много примеров деградации личности, явившейся результатом безжалостного созерцания страданий. Воздействие боя быков на характер испанцев тому доказательство. Однако нам нет нужды ехать в Испанию, чтобы получить доказательства: следующего отрывка из «Эхо», приведенного в «Спектейторе» за 20 марта, будет достаточно, чтобы дать читателю возможность судить самому, какого рода воздействие эта практика скорее всего может оказывать на умы студентов...

«Но если понадобилось бы еще большее, чтобы удовлетворить общественное мнение в отношении последнего вопроса (воздействие на вивисектора), в заключение полезно было бы привести свидетельство знакомого автору английского физиолога. Некоторое время назад он присутствовал на одной лекции, в ходе которой демонстрация производилась на живых собаках. Когда несчастные создания кричали и стонали во время операции, многие из студентов, как это ни удивительно,

Задан

Пицца для уха:
эссе и послания

насмехаясь, передразнивали их крики! Дженгельмен, рассказавший об этом случае, добавляет, что вид корчащихся животных и жестокое поведение аудитории вызвали у него такую реакцию, что он не смог дожидаться окончания лекции и покинул помещение, испытывая отвращение».

Унизительная, но неопровержимая истина состоит в том, что в человеке есть что-то от дикого зверя, что жажда крови может быть возбуждена в нем, если он становится свидетелем сцены резни, и что причинение пыток, когда инстинктивное ощущение ужаса притупляется из-за привыкания, — могут сначала стать безразличными, затем превратиться в объект нездорового интереса, затем стать источником положительного удовольствия, а затем отвратительной и жестокой радости.

Однако здесь снова аналогия со спортом оказывает вивисектору некоторую услугу, и он может заявить, что то влияние, которого мы так боимся, уже испытывают на себе наши спортсмены. Этот вопрос я сейчас и рассмотрю.

200

Заблуждения в отношении вивисекции

9. Что вивисекция оказывает на личность не более отрицательное воздействие, нежели спорт.

Положение оппонента, я думаю, не сильно пострадало бы, даже если бы это было признано; но я намерен возразить против этого как универсальной истины. Мы должны помнить, что значительная часть возбуждения и интереса, которые дает спорт, зависит от причин, совершенно не связанных с причинением боли, которая скорее игнорируется, чем служит объектом намеренного созерцания, в то время как в вивисекции болезненное воздействие во многих случаях становится частью интереса, а в некоторых — и всем, что интересует зрителя. И все они говорят нам о высокообразованном интеллекте ученого-анатома, в противовес которому они с таким презрением ставят низменные животные инстинкты охотника на лис, — это всего лишь еще один аргумент против них самих; ибо, несомненно, чем более благородное существо мы подвергаем деградации, тем более велик вред, который мы причиняем обществу. *Conruptio optimi pessima**.

* Самое худшее падение — падение честнейшего (лат.).

З. Вартен

Пицца для ума:
эссе и послания

«Но все это совершенно не учитывает мотива поступка! — кричат вивисекторы. — Каков он в спорте? Простое удовольствие. В этом отношении мы занимаем неуязвимую позицию». Давайте посмотрим,

10. *Что, в то время как в спорте мотив в основном эгоистичен, в вивисекции он в основном неэгоистичен.*

Я убежден, что ненаучный мир слишком уж готов приписать поборникам науки все те добродетели, на которые они готовы претендовать; и, когда они выдвигают свой любимый аргумент *ad captandum**, что их труды проводятся во имя одного чистого мотива — блага человечества, — общество слишком готово воскликнуть, вместе с миссис Варден: «Вот кроткий, праведный бескомпромиссный христианин, который, уронив щепотку соли на хвост всех основных добродетелей и поймав их все, относится несерьезно к тому, что обладает ими, и тоскует о еще большей нравственности!» Другими словами, общество слишком готово принять образ бледного, измученного приверженца науки, посвящающего все свои дни и ночи утомительному и неблагодарному

* Из желания угодить (лат.).

Заблуждения в отношении выживаемости

тяжелому труду и движимого никаким иным мотивом, кроме как безграничной филантропией. Как человек, который и сам посвятил много времени и труда научным исследованиям, я желаю высказать самый решительный протест против этой фальшиво разукрашенной картины. Я считаю, что любая сфера науки, когда ею занимается тот, кто имеет к ней природную склонность, вскоре становится такой же увлекательной, как спорт для самого страстного спортсмена или любая форма наслаждения для самого тонченного сластолюбца. Утверждение о том, что усердная работа или стойкость к лишениям доказывают наличие бескорыстного мотива, просто чудовищно. Согласитесь со мной в том, что скряга доказывает свое бескорыстие, когда он ограничивает себя в еде и сне, чтобы добавить еще один кусок золота в свой тайник, что карьерист доказывает свое бескорыстие, когда усердно трудится в течение долгих лет, чтобы добиться своей заветной цели, и я соглашусь с вами, что напряженные научные поиски являются положительным доказательством наличия

Задан

*Пицца для ума:
эссе и послания*

бескорыстного мотива. Разумеется, я не утверждаю, что даже у отдельно взятого исследователя настоящий мотив заключается лишь в том страстном стремлении к большим знаниям, пусть они будут полезны или бесполезны, которое представляет такой же естественный аппетит, как стремление к новизне или любой другой форме возбуждения. Я лишь говорю, что более низменный мотив объясняет указанное поведение так же хорошо, как и более высокий.

Тем не менее, в конце концов, весь аргумент, извлеченный из сравнения вивисекции со спортом, основывается на следующей посылке, которую я классифицирую как заблуждение:

11. Что терпимое отношение к одной форме зла неизбежно влечет за собой терпимость по отношению ко всем другим.

Согласитесь с этим, и вы просто парализуете все возможные попытки исправить нравы. Как мы можем говорить о том, чтобы положить конец жестокости по отношению к животным, когда пьянство безудержно распространилось в стране? Тогда вы бы предложили издавать законы

Заблуждения в отношении вивисекции

в интересах трезвости? Позор вам! Посмотрите на непригодные для плавания суда, на которых наши отважные моряки рискуют своей жизнью! Что! Организовать крестовый поход против бесчестных судовладельцев, когда наши улицы кишат населением, растущим в языческом невежестве! Мы можем лишь ответить: *pop omnia possumus omnes**. И наверное, человек, который видит свое предназначение в том, чтобы уменьшить в какой-либо степени единственное зло из мириад, окружающих его, может вполне принять близко к сердцу высказывание мудреца древности: «За что бы ни взялась твоя рука, делай это изо всех своих сил».

Последняя параллель, к которой, как можно ожидать, прибегнут поборники вивисекции, если все эти положения будут признаны несостоятельными, это допущение...

12. *Что законодательные меры только увеличат зло.*

Доводы, если я правильно их понимаю, сводятся к следующему: что законодательство, вероятно, побудит многих

* Не всё мы все можем (лат.).

Задуман

Пицца для ума:
эссе и послания

к тому, чтобы перейти за грань, которая их в настоящее время удовлетворяет, как только они обнаружат, что правовое ограничение выходит за пределы их собственного. Если принять, что это тенденция, свойственная человеческой природе, то каковы средства, обычно применяемые в других случаях? Более строгое ограничение или отказ от всех ограничений? Представьте случай, что в некоем городе предложили закрывать все таверны в полночь и что противники этой меры настаивают: «В настоящий момент некоторые закрываются в одиннадцать — это вполне подходящее время: если вы примете этот закон, все будут работать до полуночи». Какой был бы ответ? «Тогда давайте ничего не делать» или «Тогда давайте установим в качестве ограничения одиннадцать». Наверняка здесь не нужно много слов: принцип совершения зла во имя добра вряд ли найдет многих защитников, даже в его современном обличье воздержания от совершения добра ради того, чтобы не произошло зло. Мы можем с уверенностью основываться на принципе исполнения того долга, который мы видим перед собой:

Заблуждения в отношении вивисекции

второстепенные последствия вместе с тем находятся вне нашего контроля и за пределами наших расчетов.

Теперь давайте соберем в один абзац противоречия, содержащиеся в некоторых из этих заблуждений (которые я здесь скорее попытался сформулировать и классифицировать, чем опровергнуть или даже обсудить в полном объеме), и таким образом представим в одном обзоре доводы противников вивисекции. Вкратце они сводятся к тому...

Что, в то время как мы не отрицаем абсолютного права человека обрывать жизнь низших животных безболезненной смертью, мы требуем основательной и достаточной причины для причинения боли.

Что предотвращение страданий человеческого существа не оправдывает причинение большего количества страданий животным.

Что главное зло практики вивисекции состоит в ее воздействии на нравственный характер вивисектора; и что это воздействие является бесспорно деморализующим и ожесточающим.

Задан

*Пицца для ума:
эссе и послания*

Что усердный труд и способность переносить лишения не являются доказательством бескорыстного мотива.

Что терпимое отношение к одной форме зла не является оправданием для терпимого отношения к другой.

И наконец, что риск того, что законодательные меры усугубят зло, недостаточен для того, чтобы сделать нежелательным все законодательные меры.

Теперь, я думаю, мы увидели веские причины подозревать, что в основе этой отвратительной практики лежит принцип эгоизма. То, что тот же принцип, вероятно, является причиной безразличия, с которым среди нас воспринимается ее распространение, возможно, не настолько очевидно. Тем не менее я полагаю, что это безразличие основывается на молчаливой посылке, которой я предполагаю уделить внимание в качестве последнего из этого длинного списка заблуждений...

13. *Что практика вивисекции никогда не распространится настолько, что будет включать человека в качестве своего объекта.*

Заблуждения в отношении вивисекции

То есть, другими словами, что, в то время как вся наука присваивает себе право истязать по собственному желанию все чувствующие создания вплоть до самого человека, здесь проводится некая необъяснимая граница, через которую она никогда не осмелится переступить. «Пусть кляча с растертой холкой вздрагивает от боли, нам хомут шею не трет».

Не так уж невероятно, что когда библейский левит аккуратно шагал по дороге, ведущей из Иерусалима в Иерихон, «смущенный размышлениями о ничтожных заботах», и изо всех сил старался делать вид, что не замечает тело, распростертое на противоположной стороне дороги, то, если бы невидимый глас прошептал ему на ухо: «Твоя очередь оказаться среди воров — следующая!», возможно, в нем бы возникло внезапное чувство жалости: он мог бы даже, рискуя испачкать свои богатые одежды, присоединиться к самаритянину и помочь ему оказать помощь раненому человеку. И конечно, беззаботные левиты нашего времени проявили бы совершенно новый интерес к этому вопросу, если бы они только

Здравствуй

Пицца для ума:
эссе и послания

могли осознать возможное пришествие того дня, когда анатомия провозгласит законным объектом для экспериментов сначала наших осужденных преступников, а затем, возможно, пациентов наших приютов для неизлечимо больных, затем безнадежных сумасшедших, неимущих пациентов больниц, и вообще «тех, кому некому помочь». И это будет день, когда последовательные поколения студентов, наученных с молодых лет подавлять все человеческие чувства, дадут нового и еще более ужасного Франкенштейна — бездушное существо, для которого наука будет всем.

Homo sum! Quidvis humanum non a me alienum puto*.

И когда этот день настанет? О, мой брат-человек, ты, который заявляешь для себя и для меня права на такое гордое происхождение, прослеживая нашу родословную через человекообразную обезьяну к первобытному зоофиту, какое могучее заклинание ты припас, чтобы добиться освобождения от общей участи? Укажешь ли ты этому мрачному призраку, когда он будет жадно пожирать тебя глазами со скальпелем в руке, на неотъемлемые права

* Я человек!
Ничто
человеческое мне
не чуждо (лат.).

Заблуждения в отношении выписки

человека? Он скажет тебе, что это всего лишь вопрос относительной целесообразности, что с таким слабым физическим развитием ты должен лишь быть благодарным, что естественный отбор так долго тебя щадил. Станешь ли ты упрекать его в бессмысленных попытках, которым он вознамерится тебя подвергнуть? Он с улыбкой заверит тебя, что гиперанестезия, которую он надеется вызвать, сама по себе чрезвычайно интересный феномен, заслуживающий большого тщательного изучения. Станешь ты тогда, собрав все свои силы для одного последнего отчаянного призыва, умолять его как своего собрата и с полной агонии мольбой «о пощади!» попытаешься разбудить в этой ледяной груди некую дремлющую искру сострадания? Лучше уж попроси об этом у кремня.

Дети и театр

Я провел вчерашний день в Брайтоне, где в течение пяти часов наслаждался обществом трех исключительно счастливых и здоровых маленьких девочек возраста двенадцати, десяти и семи лет. Мы нанесли три визита в дома знакомых; мы провели длительное время на пирсе, где энергично рукоплескали чудесному подводному представлению мисс Луи Уэбб, и бросали пенни в каждое механическое устройство, которое привлекало такие вложения и обещало взамен что-либо стоящее для тела или ума; мы даже совершили волнующий набег на штаб-квартиру компании, словно Шейлок с тремя сопровождающими его Порциями, чтобы

Дети и театр

потребовать «фунт плоти» в виде коробки шоколадных драже, которую страдающая диспепсией машина отказывалась нам выдать. Я думаю, что любой, кто мог бы увидеть энергию жизни в этих трех детях — глубину ощущений, с которой они наслаждались всем, большим или маленьким, что попадалось им на пути; кто мог бы наблюдать, как две младшие бегали наперегонки по пирсу, или мог бы услышать пыльные восклицания старшей в конце дня: «Нам так понравилось!» — согласился бы со мной, что здесь по крайней мере не могло быть речи ни о чрезмерном «физическом напряжении», ни о какой-либо непосредственной опасности наступления «роковых последствий»!

Но ведь, разумеется, это не были театральные дети? Они никогда не участвовали ни в чем опаснее школьных состязаний? Далеко не так: все три работают в театре — старшая играет уже не менее пяти лет, и даже крошечное семилетнее создание уже появлялось в четырех драмах!

Но в таком случае, очевидно, сейчас у них каникулы, и в настоящее время они не страдают от «чрезмерно тяжелой

Э. Доджсон

*Пицца для уха:
эссе и послания*

нагрузки», работая в театре? Напротив, сейчас в Брайтоне играют одну драму, написанную мистером Сэвилем Кларком, и в этой пьесе (она называется «Алиса в Стране Чудес») заняты все три ребенка, с самого Рождества с одним только месячным перерывом: самая младшая играет Соню, а также три других персонажа; вторая также играет, хотя это роль «без слов», в то время как самая старшая играет героиню, Алису, — пожалуй, самую трудную роль во всей пьесе и, я думаю, самую трудную из всех, что когда-либо исполнял ребенок: у нее не менее 215 реплик! На этой неделе они играли каждый вечер и два раза за день, до того как я с ними познакомился, второй спектакль длился при этом до десяти часов вечера, после чего они встали на следующее утро в семь часов, чтобы искупаться!..

«Сент Джеймс газетт»,
19 июля 1887 г.

Закон, который, как мне кажется, желательно было бы принять, должен иметь примерно такой вид.

Что каждый ребенок младше шестнадцати лет (десять — слишком низкий предел), работающий в театре, должен иметь лицензию, ежегодно возобновляемую.

Что такая лицензия должна выдаваться только при условии, что ребенок прошел экзамен на определенный стандарт, адаптированный для возраста ребенка.

Что должен быть установлен лимит на количество недель в году, в течение которых ребенок может быть занят, и на количество часов в день, которое он или она могут

Э. Даддон

*Пицца для уха:
эссе и послания*

проводить в театре. (Это требование ослабляется во время репетиций.)

Что, работая в театре, ребенок должен посещать какую-либо школу в течение определенного количества часов в дневное время, а в другое время — в обычные часы, если он посещает пансион. (Средние школы, вероятно, примут тот же принцип и разрешат половинное посещение в то время, когда ребенок занят в театре.)

Что требуется какая-то гарантия того, что девочки до шестнадцати лет будут иметь сопровождающих по дороге в театр и из театра.

Но я не верю, что закон может совершенно запретить детям до десяти лет играть в театре, не совершая тем самым жестокую несправедливость в отношении многих бедных семей, пыгающихся свести концы с концами, для которых деньги, заработанные ребенком на сцене, — это дар Божий, и не делая многих бедных детей несчастными, запрещая им здоровое и невинное занятие, которое они обожают.

«Санди Таймс»

4 августа 1889 г.

Подмисстки
сцены и дух
пиемета

(«Театр», июнь 1888 г.)

Эта статья не будет замаскированной проповедью. Против этого я с самого начала заявляю протест, зная, насколько полностью практика — ошибочная практика, как я считаю, — ограничила это слово только лишь рамками религиозных тем, и что читатель, скорее всего, только поспешно перевернет эту страницу, бормоча себе под нос: «*Chacun a son gout**. Это предназначено для каких-то сектантов. У меня нет таких пристрастий: поговори со мной как человек, и я послушаю!»

Но это именно то, что я и собираюсь сделать. Я хочу поговорить с читателем, который посещает театр или сам пишет для театра, который, возможно, удостоит меня

* У каждого свой вкус (фр.).

Л. Доджсон

Пицца для ума:
эссе и послания

своим вниманием как человека: не как церковнослужителя, не как христианина, не как даже того, кто верит в Бога, — но просто как человека, который признает (это действительно очень важно), что существует различие между добром и злом; который понимает, что от злых людей и злых поступков происходит бóльшая часть бед в жизни, если не все беды.

И разве не может также слово «добро» иметь более широкое значение, нежели то, которое обычно используется? Разве не может оно, по всей справедливости, включать в себя все, что есть смелого, мужественного и истинного в человеческой природе? Несомненно, человек может почитать эти качества, даже если он не принадлежит вообще ни к какому из религиозных вероисповеданий! Поразительный пример такого рода «почитания» отмечен у разбойничьих племен Верхнего Скинда во время кампании сэра Чарльза Напьера (я цитирую по лекции Робертсона из Брайтона «О влиянии поэзии на трудящиеся классы»):

Подмости сцены и дух пистолета

«Отряд солдат шел через долину; по бокам нависали скалы, на которых находился враг. Один из сержантов с одиннадцатью солдатами оказался отделен от остальных, выбрав другую сторону ущелья, из которой они рассчитывали скоро выйти, но которая неожиданно закончилась непроходимой пропастью. Командир подал сигнал, приказывая группе возвращаться. Они ошибочно приняли этот сигнал за приказ к атаке; храбрые парни ответили криками «ура!» и бросились в атаку. На вершине крутого склона находилась площадка треугольной формы, защищенная бруствером, за которой находились семьдесят вражеских бойцов. Солдаты двинулись вверх по одной из жутких троп, одиннадцать против семидесяти. Бой с таким соотношением сил не мог длиться долго. Один за другим пали солдаты: шестеро у самой площадки, остальные были отброшены назад; но только тогда, когда убили почти вдвое больше врагов.

Говорят, что у горцев существует такой обычай, что, когда один из их больших вождей погибает в битве, ему на запястье повязывают красную или зеленую нить;

Э. Даддон

Пицца для ума:
эссе и послания

красная соответствует самому высокому рангу. Согласно обычаю, они раздели мертвых и сбросили их тела в пропасть. Когда пришли их товарищи, они обнаружили обнаженные трупы, покрытые ранами; но оба запястья каждого британского героя обвивала красная нить!»

В «почитании» таком, как это, я счастлив верить, что стандарт, достигнутый на театральной сцене, во всех отношениях столь же высок, как и в художественной литературе, и явно выше, чем то, что происходит, не вызывая протеста, в науке.

Возьмем, к примеру, отношение к пороку. В художественной литературе и во многих общественных кругах пороку потворствуют и свободно выражают в высшей степени низкие и эгоистичные чувства языком, который освистали бы в респектабельном театре, если он не вложен в уста сценического «злодея». В «Серебряном короле», которого я смотрел несколько лет назад, когда негодяй с манерами джентльмена, великолепно сыгранный мистером Уиллардом, поручил более грубому негодяю, своему подручному, отвратительную миссию выгнать из дома

Подмостки сцены и дух пьесы

несчастную мать, у которой умирал ребенок, было приятно услышать такой приглушенный гневный свист, который пронесся по залу вслед этому подлецу, покидавшему сцену. И любой, кто видел эту прекрасную драму, я думаю, поверил бы вместе со мной, что те, кто так свистит, — какой бы злой ни была их собственная жизнь в некоторых случаях, — тем не менее, переживают наилучшие моменты, когда занавес поднимается, когда они видят Грех во всей свойственной ему омерзительности и содрогаются при виде этого зрелища!

И, в качестве примера понимания, проявляемого зрителями в отношении того, что является чистым и хорошим, я могу вспомнить свои впечатления о посещении театра несколько недель назад, когда я ходил смотреть «Золотую лестницу» (поставленную тем же самым добросовестным актером и импресарио — мистером Уилсоном Барреттом, — который подарил нам «Серебряного короля») и с радостью услышал аплодисменты, всколыхнувшие зрительный зал, аплодисменты, которые встретили монолог комичного старого

Эдвард

*Пицца для уха:
эссе и послания*

зеленщика, мистера Джорджа Барретта, о его дочке, которой он дал претенциозное имя «Виктория Александра».

«И я дал ей эти два имени, потому что они самые лучшие имена из всех что есть!» — Эти аплодисменты, казалось, говорили мне: «Да, само звучание этих имен — имен, которые вызывают в памяти королеву, чья безупречная жизнь уже на протяжении долгих лет является благословением народу, и принцессы, которая достойно последует ее стопами, — сладкая музыка для английских ушей!»

Несомненно, читатель вспомнит множество случаев, когда и партер и галерка проявляли в равной степени тонкое сочувствие вкупе с самоотверженностью, щедростью или любыми из тех качеств, которые облагораживают человеческую натуру. Я довольствуюсь еще двумя примерами.

Много лет назад я видел, как мистер Эмери играл героя «Не все золото, что блестит» — фабриканта с грубыми манерами, но с нежным сердцем; и я хорошо помню, как он заставил зал взорваться аплодисментами, когда, говоря о «работниках», которые трудились у него на фабрике, произнес такие слова: «И я бы

Подмостки сцены и дух пьесы

не смог лечь в кровать и безмятежно заснуть, если бы думал, что среди них есть мужчина, женщина или ребенок, которые лягут спать голодными и холодными!» Какое имело для нас значение, что все это было выдуманной историей? Что «работники», о которых так нежно заботятся, были созданы воображением автора? Мы «отдавали дань уважения» не только этому актеру, но каждому человеку любого возраста, который когда-либо думал с любовью о тех, кто его окружает, который когда-либо «отдавал свой хлеб голодным и укрывал нагого одеждой».

Мой второй пример будет воспоминанием о величайшем актере, которого видело наше поколение, — о том, чье каждое слово и каждый жест казались вдохновенными и который заставлял тебя думать: «Я в его власти; он может заставить меня смеяться и плакать по своему желанию!» — я имею в виду Фредерика Робсона. Тот, кто когда-либо видел его в «Узле носильщика», вряд ли сможет забыть восхитительный пафос той сцены, когда старик-отец, пожертвовавший сбережениями всей своей жизни, чтобы спасти репутацию сына и послать его

Задорин

Пицца для ума:
эссе и послания

за границу, сговорился с девушкой, с которой помолвлен его сын, обмануть старуху-мать, чтобы ее не печалить, и читает ей письмо, которое якобы пришло от ее мальчика. В тайне от него любящая девушка решила отдать свой последний заработок старикам и сделала в письме приписку: «Дорогая мама, дела у меня идут так хорошо, что я посылаю тебе эту пятифунтовую банкноту», на которую старик, читая письмо жене, натывается так неожиданно, что чуть не выдает весь план. Затем следует «реплика в сторону» — с таким забавным взглядом на зрителей, который еще никому не удавался так, как ему: «Ну и ну! С утра письмецо-то выросло!». И затем, неожиданно распознав стратегию девушки, грозит ей кулаком: «Ах ты, маленькая негодница!» Как сказал бы Бораччио, «я рассказываю эту историю отвратительно». Возможно ли, что любые мои слова могли передать читателю ту бесконечную нежность, которой были проникнуты эти произнесенные шепотом «слова невольной горечи!»

И теперь, прежде чем сузить сферу дискуссии и обсудить, как «почитание» обусловлено предметами, связанными

Подмостки сцены и дух пьесы

с религией, я хотел бы также придать этому слову более широкий смысл, чем принято. Я подразумеваю под ним просто веру в некое доброе и невидимое создание, находящееся вне пределов человеческой жизни, как мы ее понимаем, и над ним, перед которым мы чувствуем себя ответственными. И я считаю, что «почитания» заслуживают самые деградированные виды «религии» как воплощение в конкретной форме принципа, который самый ярый атеист не боится почитать теоретически.

Эти предметы можно классифицировать под двумя заголовками, в соответствии с тем, как они связаны с принципом добра и с принципом зла. Под первым заголовком мы можем назвать Божество и добрых духов, акт молитвы, места поклонения и священнослужителей; под вторым — злых духов и грядущее наказание.

«Непочтительность», с которой иногда обращаются с такими темами как в театре, так и вне его стен, может быть отчасти объяснена тем фактом (который вряд ли можно упустить из виду), что ни одно слово не имеет *неразделимо* закрепленного за ним значения; слово означает то, что подразумевает

Задорин

*Пицца для уха:
эссе и послания*

под ним говорящий, и то, что понимает под ним слушающий, и это все.

Я встречаю знакомого и говорю ему: «Доброе утро!» Можно подумать, что это вполне безобидные слова. Однако возможно, что в каком-нибудь языке, который ни он, ни я никогда не слышали, эти слова могут нести в себе какие-то ужасные и отвратительные идеи. Но несем ли мы за это ответственность? Эта мысль может послужить для того, чтобы уменьшить ужасное впечатление от некоторых слов языка, используемого низшими классами, которые, и эта мысль утешает, представляют собой просто набор бессмысленных звуков, в том, что касается говорящего и слушающего.

И даже там, где грубая речь кажется действительно достойной осуждения, как используемая осознанно и намеренно, я не думаю, что самые худшие примеры происходят на сцене; за ними вам придется обратиться к модному обществу и к популярной литературе.

Похоже, что ни одна из разновидностей анекдотов не способна с такой уверенностью позабавить общественный круг, как та, в которой знакомые библейские фразы

Подмостки сцены и дух пистолета

превращаются в гротескную пародию. Иногда пересказываются гадкие остроты, которые передают, как бы извиняясь и утверждая, что это сказал ребенок. «И конечно, — добавляется при этом, — *ребенок* не имел в виду ничего дурного!» Возможно: но взрослый человек, который таким образом унижает то, к чему должен относиться с почтением, всего лишь, чтобы вызвать смех, тоже не имеет в виду ничего дурного?

И опять-таки, может ли терпеть такое остроумие любой, кто понимает, что означает «зло», например, остроумие, которое нам предлагается в «Легендах Инголдсби», из уст бестелесных духов (в чьем существовании он вполне может сомневаться) или из уст живых мужчин и женщин? Должно ли проклятие всего рода человеческого, несчастье всех веков, служить нам темой для мимолетной *шутки*?

Но самые большие глубины осознанной и намеренной непочтительности, которые сохранились у меня в памяти, содержались, как это ни прискорбно говорить, в фразах *преподобных* шутников. Я слышал из уст священников анекдоты, чье ужасающее богохульство превосходило все, что было бы

Задворок

Пицца для ума:
эссе и послания

даже *возможно* на сцене. Дело ли тут в том, что длительное знакомство со священными фразами притупляет ощущение их смысла, я сказать не могу: это единственное оправдание, которое приходит на ум; и такая теория отчасти подкрепляется любопытным феноменом (который читатель может легко проверить на себе), что, если вы повторяете слово очень много раз подряд, каким бы осмысленным оно ни казалось вначале, в конце концов вы лишите его всякой крупинцы смысла и будете почти что удивляться, как вы вообще могли что-нибудь под ним подразумевать!

Как определить, каковы пределы, до которых использование на театральных подмостках клятв или фраз, в которых упоминается имя Бога, может быть оправдано? С моей точки зрения, они кажутся непристойными, когда произносятся пренебрежительно и в шутку. Если они произносятся со всей серьезностью и с достойной целью, во всяком случае не должны осуждать их, кивая на Библию: один из самых прекрасных фрагментов ее поэтической прозы, известное «Не принуждай

Подмостки сцены и дух пистолета

меня оставить тебя» и т. д., заканчивается явной клятвой: «Пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою». И именно скорее на общество, чем на театр, мы должны возложить вину за небрежное использование такого языка, распространенного среди последнего поколения, когда такие фразы, как «Бог мой!», «Господи Боже!», постоянно используются для простого *подшучивания* и когда такая утонченная писательница, как мисс Остин, может заставить молодую леди сказать (в «Гордости и предубеждении»): «Господи, как мне должно быть стыдно, что в тридцать два года я еще не замужем!» Когда такие слова довольно часто встречались в обычной речи, они, возможно, не несли никакого смысла ни для говорящего, ни для слушающего; в наши дни они режут слух, ибо их неуместность заставляет нас осознать их значение. Когда Шекспир писал «Много шума», слова Беатриче: «О Боже, была бы я мужчиной! Я съела бы его сердце при всех на рыночной площади» и Бенедикта: «О Боже, сэр, вот кушанье, которое мне по вкусу; терпеть не могу трещоток», несомненно, воспринимались

Задан

Пицца для уха:
эссе и послания

на слух одинаково невинно; но в наши дни, хотя первое вполне можно было бы оставить как сказанное серьезно и в подходящей ситуации, то второе звучит фальшивой нотой, и я думаю, что мистер Ирвинг, вместо того чтобы смягчать его, превращая в «О Господи!», поступил бы лучше, если бы вообще пропустил это восклицание.

К акту молитвы в театре почти неизменно относятся с почтением. Мой опыт показывает только один пример обратного, когда героиня балетной постановки, по сюжету находясь вечером в своих покоях, чтобы позднее подойти к окну и послушать серенаду своего возлюбленного, изобразила отталкивающую пародию на молитву. Но я не вижу возражений для ее изображения на сцене, если она представлена благочестиво, как в сцене из «Гамлета», когда мы видим Клавдия молящимся; и я хорошо помню грандиозное впечатление, которое произвел Чарльз Кин (в «Генрихе V» перед битвой при Азенкуре), преклонив колена для короткой страстной молитвы на поле боя.

Места поклонения также, когда их делают предметом театральных представлений,

Подмостки сцены и дух пьесы

обычно показываются совершенно пристойно: нужно вспомнить оргии Армии Спасения или непристойности уличного проповедника, чтобы понять, насколько можно опошлить религию и какой отвратительной фамильярностью можно оскорбить самые святые темы. Недавно мы имели честь наблюдать пример изысканного вкуса и благочестивого подхода в сцене в церкви в «Много шума» в «Лицее». Тогда некоторые возражали против постановки любых подобных сцен, тем не менее, вероятно, никто из цензоров спектакля не станет осуждать «священные» картины. И несомненно, различие между картиной, нарисованной на холсте, и картиной, образованной живыми фигурами на сцене, более воображаемо, нежели реально. Для меня торжественная красота этой сцены внушала надежду, что кто-то может увидеть ее, кто-то, для кого понятия Бога или молитвы, или рая были чужими, и подумать: «Значит, церковь такая?» Тогда я и сам должен посмотреть!» Впрочем, там, конечно, присутствовала одна фальшивая нота, которая испортила красоту этой сцены. Диалог между Беатриче и Бенедиктом,

Эдвард

Пицца для ума:
эссе и послания

со всем его тонким добродушным подшучиванием и изысканной комичностью, произносимый среди таких декораций, должно быть, причинил боль многим, для которых эта необыкновенная сцена была чистым наслаждением. Я искренне жалею, что мистер Ирвинг не смог найти способа перенести ее за стены церкви. Несомненно, у импресарио, который смог выдержать такую полностью чуждую духу этой сцены вставку, как «Поцелуйте мою руку еще раз!», не может быть слишком сильных доводов по поводу того, чтобы сохранить шекспировский текст в неприкосновенности!

Что же касается служителей культа, я не стал бы стараться защитить их от насмешек, когда они этого заслуживают; но разве иногда такие насмешки не бывают слишком уж неразборчивы? У мистера Гилберта, — ему мы глубоко обязаны и благодарны за чистый и здоровый смех, который он подарил нам в таких комедиях, как «Терпение», — похоже, имеется нездоровое пристрастие выставлять епископов и священников в неблагоприятном свете. Все же, неужели они отстали от других профессий

Подмостки сцены и дух пьесы

в таких вещах, как искренность, усердный труд и жизненное призвание к чувству долга? Эта остроумная песенка, «Бледный молодой викарий», с ее очаровательной мелодией, просто вызывает у меня боль. Кажется, что я вижу, как он вечером идет домой, бледный и утомленный после рабочего дня, возможно, удрученный тлетворной атмосферой шумной мансарды, где, рискуя жизнью, он утешал умирающего человека, — и неужели твое чувство юмора, мой читатель, настолько едкое, что ты можешь смеяться над этим человеком? Тогда, по крайней мере, будь последователен. Посмейся также над тем бледным молодым врачом, которого ты в такой горячей спешке позвал к своему собственному умирающему ребенку; да, и посмейся также над бледным молодым солдатом, когда он падает на истоптанном поле и окрашивает пыль своей кровью, отдавая жизнь за честь Старой Англии!

И все же обратная сторона этой картины время от времени предстает перед нами на сцене, и нельзя желать более доброго и милого представителя старого века, чем «Уэйкфилдский викарий», в исполнении

Доджсон

Пицца для ума:
эссе и послания

мистера Ирвинга, или более мужественного и рыцарственного героя, чем молодой священник в «Золотой лестнице», которого играет мистер Уилсон Барретт.

Распространенное отношение к таким персонажам, как злые духи, следует рассмотреть со свежей точки зрения. «Какого почитания, — можно было бы вполне уместно спросить, — заслуживает дьявол, независимо от того, верим мы в его существование или нет?» Мой ответ состоит в том, что, когда мы имеем дело с такими предметами, они, по крайней мере, заслуживают серьезного отношения. Самые мрачные деяния похоти или жестокости, которые разрушают человеческое счастье, часто кажутся несчастному результатом чьего-то влияния, а не его собственных мыслей: но, даже если отбросить такие факты, весь этот предмет слишком тесно связан с глубочайшими горестями жизни, чтобы быть подходящим предметом для шуток. Тем не менее, как часто мы слышим в обществе смех, с которым встречается любой лукавый намек на дьявола, — да, смеются даже сами священнослужители, которые, если вся их жизнь не одна

Подмостки сцены и дух пьесы

постоянная ложь, действительно верят, что такое создание существует и что его существование — это один из наиболее печальных фактов жизни.

В этом отношении, я думаю, тон театра не ниже, — сомневаюсь, что он может вообще быть столь же низким, — как в обществе. Такое представление, как то, что Ирвинг дает нам о «Мефистофеле», наверняка должно оказывать здоровое влияние. Кто может увидеть эту пьесу и не осознать, с яркостью, с которой мало кто из проповедников может соперничать, абсолютную отвратительность греха?

То же самое утверждение касательно серьезности отношения можно сделать о таких предметах, как ад и грядущее наказание. В последнем поколении театр, в своем постоянном несерьезном использовании слов, связанных с «проклятием», просто следовал примеру общества; и приятно замечать, что пустые ругательства, которых уже не услышишь в приличном обществе, быстро исчезают и с подмостков сцены. Позвольте упомянуть один пример неправильного отношения к этому предмету

Задорин

*Пицца для уха:
эссе и послания*

в театре и завершить двумя примерами лучшего сорта.

Я никогда не видел талантливую пьесу мистера Гилберта «Передник» в исполнении взрослых актеров; я смотрел ее, когда ее играли дети, и один из фрагментов вызвал у меня невыразимую грусть. Это происходит, когда капитан произносит проклятие «черт меня подери!» и затем группа милых, невинного вида девочек поет с радостными, счастливыми лицами припев: «Он сказал: “Черт меня подери!” Он сказал: “Черт меня подери!”» У меня нет слов, чтобы передать читателю ту боль, которую я испытал, увидев, как этих милых детей учат произносить такие слова, дабы усладить уши, бесчувственные к их ужасному смыслу. Поставьте эти два понятия рядом — ад (независимо от того, верите вы в него или нет: миллионы верят) и эти чистые юные уста, которые легкомысленно подшучивают над его ужасами, и затем попытайтесь увидеть в этом что-нибудь смешное! Как мистер Гилберт мог опуститься до того, чтобы это написать, или сэр Артур Салливан мог проституировать свое благородное искусство, чтобы переложить

Подмостки сцены и дух пьесы

на музыку такую отвратительную дрянь, —
выше моего понимания.

Но я не такой уж пурист, чтобы
возражать против всех таких аллюзий: когда
они используются серьезно и с подобающей
целью, я думаю, они вполне здоровы в своем
воздействии. Когда героя «Золотой
лестницы», которого французский офицер
объявляет своим пленником, берет под свою
защиту британский капитан (прекрасно
сыгранный мистером Берниджем) и в ответ
на восклицание француза: «Он есть мой
пленный!» следует громогласный вызов
холеричного капитана: «Тогда, черт подери,
поднимитесь на мой корабль и возьмите его!»,
это проклятие ни в коей степени не звучит
«непочтительно». Здесь не было пустого
подшучивания: все было совершенно
серьезно!

Еще один пример, и я закончу. Ни одна
драматическая версия «Дэвида
Копперфильда» не дотягивала бы до книги,
если бы в ней была пропущена сцена, которая
происходит после того, как Стирфорт сбегает
с «малюткой Эмли», оставив обрученного
с ней Хэма Пегготи с разбитым сердцем.

Дэвид Письма для ума:
эссе и послания

Хэм приносит это известие своему отцу, и при этом присутствует Дэвид.

«— Мистер Дэви! — взмолился Хэм. — Выйдите на минутку, а я скажу ему то, что должен сказать. Не годится вам это слушать, сэр.

— Я хочу знать его имя! — снова услышал я.

— Последнее время... — заикаясь, начал Хэм, — сюда наезжал... один человек, слуга. И еще бывал здесь один джентльмен... Сегодня утром за городом видели чью-то карету и лошадей... Когда слуга подошел к ней, с ним была Эмли. Тот, другой, сидел в карете. Это тот самый человек.

— Ради бога! — пробормотал мистер Пегготи, отшатнувшись и вытянув руку, словно хотел отстранить от себя что-то, чего он страшился. — Не говорите мне, что его имя — Стирфорт!

— Мистер Дэви! — дрожащим голосом воскликнул Хэм. — Вашей вины тут нет... у меня и в мыслях не было вас винить... но его имя — Стирфорт, и он — последний негодяй!»

Критик, который бы воскликнул, став свидетелем такой сцены: «Ужасающая

Подмостки сцены и дух пьесы

непочтительность! Это проклятие следует убрать!» — наделил бы слово «непочтительность» таким смыслом, которого я не вижу.

Могу ли я завершить аллюзией на отчетливо драматический тон значительной части языка Библии? Делая это, я не стремлюсь выступить с обращением специально к христианам: любой, кто обладает хоть каким-то литературным вкусом, признает, что по своей поэзии и чистоте пафоса она занимает высокое место в мировой литературе. Значительная часть яркой силы притч зависит от их драматического характера: можно представить себе, читая притчу о «сеятеле», что повествование иллюстрировалось реальными событиями того времени: можно представить соседний склон с отчетливой линией горизонта, вдоль которой медленно движется фигура, четкая и черная на фоне яркого неба, и сообщающая мерными взмахами руки что-то вроде ритмической каденции словам рассказчика.

Послужила ли когда-либо притча о «Блудном сыне» основой для драматического произведения, я не знаю:

Задан

Пицца для ума:
эссе и послания

общая идея, несомненно, использовалась неоднократно; но из самой истории, просто переложенной на современную жизнь, получилась бы чрезвычайно впечатляющая пьеса.

Первый акт, с его великолепием богатого дома, создавал бы живописный контраст со вторым, где мы увидели бы расточительного сына в обстановке кричащей и нарочитой пошлости, окруженного изнеженными, женственными мужчинами и неженственными женщинами, проматывающего свое состояние в «дальней стороне». В третьем акте можно было бы показать его падение, заканчивающееся глубоким отчаянием, затем перелом в чувствах, затем трогательные слова: «Встану, пойду к отцу моему!», и, когда четвертый акт вернет нас в его отчий дом и покажет нам несчастного отверженного, который нерешительно замер у дверей, осыпaeмый насмешками толпы безразличных слуг, которые с радостью бы прогнали нищего назад к голодной смерти, и старика-отца, который устремляется из дома, чтобы прижать странника к своей груди, — не может ли так случиться, что некоторые глаза,

*Подмигивки сцены
и дух пистолета*

даже у самых грубых завсегдаево галерки,
«увлажняются самыми радостными слезами»,
и некоторые сердца наполняются новыми
и благородными мыслями, и пробудится дух
«почитания» к тому, что справедливо, к тому,
что чисто, к тому, что прекрасно», —
дух, который не исчезнет бесследно?

Наиболее распространенную разновидность затруднения, возникающую при рассмотрении этой доктрины, можно выразить следующим образом:

«Я верю, что Бог идеально добр. Тем не менее похоже, что я вынужден верить, что Он найдет вечное наказание на некоторые человеческие создания при обстоятельствах, которые сделают его, как говорит мое сознание, несправедливым и, следовательно, неправильным».

Выясняется, что, если выразить эту проблему в логической форме, она возникает из существования *трех* несовместимых

«Вечное наказание»

посылок, каждая из которых очевидно претендует на наше согласие с ней. Это следующие положения:

I. Бог идеально добр.

II. Обрекать некоторые человеческие создания и при некоторых обстоятельствах на вечное наказание было бы неправильно.

III. Бог способен так поступить.

Простейший способ избежать этой проблемы состоит, несомненно, в том, чтобы оставить всю эту тему в покое. Но у многих такое отношение вызывает неприятные чувства; они чувствуют, что одна из трех посылок должна быть ложной; и, тем не менее, от мысли о том, что одна из них ложна, у них возникает ощущение противоречия и растерянности.

Первое, что необходимо сделать, это установить, если таковое возможно, какие две из указанных трех посылок имеют, по нашему мнению, наиболее глубокие и веские основания, и таким образом выявить, какая из трех должна быть поневоле отвергнута.

Итак, сначала давайте установим, со всей возможной ясностью, что мы подразумеваем под каждой из этих трех посылок.

Задан

Пицца для ума:
эссе и послания

I. Бог идеально добр.

В том, что касается слова «добр», я полагаю, что читатель примет в качестве аксиомы, предшествующей любой из этих трех посылок, посылку, что понятия Правильного и Неправильного основываются на вечных и самосуществующих принципах, а не на случайном желании какого бы то ни было существа.

Я допускаю, что он соглашается с посылкой, что Бог желает что-либо, потому что это правильно, а не то, что что-либо правильно, потому что Бог это желает. Любой читатель, для которого эти допущения не верны, сможет без каких-либо затруднений отвергнуть посылку II и сказать: «Если Бог обречет на наказание, это будет правильно». Следовательно, он не относится к тем читателям, для которых я сейчас пишу.

Далее я допускаю, что данная посылка означает, что Бог всегда поступает в соответствии с вечным принципом правильности, и что Он, следовательно, идеально добр.

II. Обречь на вечное наказание некоторых из человеческих созданий и при

«Вечное наказание»

некоторых обстоятельствах было бы неправильно.

Под словом «наказание» я здесь подразумеваю «страдания, навлеченные на человеческое существо, которое согрешило, *потому что оно согрешило*». Я использую слово «страдания», а не «боль», потому что последнее слово часто понимается как подразумевающее только физическую боль, в то время как душевная боль также может служить наказанием.

Отсюда мы можем сразу упростить нашу задачу, исключив из анализа случай обречения на страдания, когда грех существа не является необходимым условием. Подразумевая под «грехом» (как уже определено) «*сознательный и намеренный*» акт, в результате чего, если акт является *ненамеренным*, он прекращает быть грехом, мы можем не принимать во внимание кальвинистскую теорию, которая рассматривает обречение на страдания существ, неспособных воздержаться от греха, чьи грехи, таким образом, *ненамеренны*. Эта теория будет рассмотрена в другом месте.

Задан

*Пицца для ума:
эссе и послания*

Под словом «вечное» я подразумеваю «бесконечное».

Что касается человеческих существ, которые рассматриваются здесь как объекты вечного наказания, существуют три возможных случая, а именно:

(А) Случай с тем, кто перестал обладать свободой воли и кто, таким образом, далее не властен грешить или каяться. В таком случае вечное наказание было бы страданием, причиняемым в течение бесконечного времени и, следовательно, являющимся бесконечным по своему объему, в качестве кары за грехи, совершенные в течение ограниченного периода времени.

(В) Случай с тем, кто сохраняет свободу воли и кто прекращает грешить, раскаялся во всех прошлых грехах и выбирает добро *как добро*. В данном случае также вечное наказание было бы бесконечным страданием, назначенным в качестве кары за грехи, совершенные в ограниченный период времени.

(С) Случай с тем, кто не подпадает ни под одно из этих описаний, то есть кто сохраняет свободу воли и продолжает бесконечно выбирать *зло*. В таком случае

«Вечное наказание»

вечное наказание было бы бесконечным страданием, назначенным в качестве кары за бесконечный грех.

Я допускаю, что для читателя не составит никакого труда признать справедливость причинения постоянного страдания в качестве наказания за постоянный грех.

Следовательно, мы можем вообще исключить случай (С).

Мы можем также соединить случаи (А) и (В) в один и интерпретировать посылку II как допускающую, что было бы неправильным причинять бесконечные страдания человеческим существам, которые прекратили грешить, в качестве кары за грехи, совершенные в течение ограниченного периода времени.

Посылка III, судя по всему, не нуждается в каких-либо объяснениях.

Прежде чем продолжить, стоит заново сформулировать эти три несовместимые посылки, для того чтобы придать посылке II следующую форму.

I. Бог идеально добр.

II. Причинять бесконечные страдания человеческим созданиям, которые перестали грешить, в качестве наказания за грехи,

Задорин

*Пицца для ума:
эссе и послания*

совершенные в течение ограниченного периода времени, было бы неправильно.

III. Бог способен так поступить.

Нам известно совершенно точно, что по крайней мере одна из данных трех посылок ложна. Отсюда, каким бы непомерным ни был груз доказательств, с которым, судя по всему, каждая из них вынуждает нас согласиться, мы знаем, что по крайней мере одна из них может быть вполне обоснованно отвергнута.

Теперь давайте разберем их по одной и рассмотрим, для каждой по очереди, каковы основания, на которых она вынуждает нас согласиться, и каковы были бы логические последствия, если бы мы ее отвергли. Вполне возможно, что тогда читатель сможет увидеть сам, какие две из трех посылок обладают наиболее сильными претензиями на его согласие и какую из них он, следовательно, должен отвергнуть.

Итак, во-первых, давайте рассмотрим посылку

I. Бог идеально добр.

Основания, на которых эта посылка претендует на наше согласие, судя по всему,

«Вечное наказание»

это, во-первых, некоторые *интуитивные ощущения* (в подтверждение которых, разумеется, нельзя предъявить никаких доказательств), такие, как: «Я верю, что у меня есть свобода воли и что я способен выбирать правильное или неправильное; что я несу ответственность за свое поведение; что я не являюсь продуктом слепых материальных сил, но творением существа, которое наделило меня свободой воли и чувством правильного и неправильного и перед которым я несу ответственность и который, следовательно, идеально добр. И это существо я называю «Бог».

И эти *интуитивные ощущения* находят для нас подтверждение тысячами способами: всеми фактами откровения, фактами нашей собственной духовной истории, ответами, которые мы получаем на наши молитвы, неодолимой убежденностью в том, что это существо, которое мы называем «Бог», *любит* нас, любовью настолько замечательной, настолько прекрасной, настолько неизмеримой, настолько полностью незаслуженной, настолько необъяснимой ничем, кроме Его собственной идеальной доброты, что мы можем лишь

З. Дадстон

Пицца для ума: эссе и послания

пасть ниц перед Ним и смутно надеяться, что, возможно, когда-нибудь сможем любить Его любовью, более похожей на Его великую любовь к нам.

Исключение этой посылки практически означало бы для большинства из нас исключение веры в Бога и признание атеизма.

Во-вторых, давайте рассмотрим следующую посылку.

II. Причинять бесконечные страдания человеческим созданиям, которые перестали грешить, в качестве наказания за грехи, совершенные в течение ограниченного периода времени, было бы неправильно.

Здесь наше исследование значительно упростится, если мы начнем с рассмотрения того, каковы могут быть различные цели, во имя которых наказание, во-первых, может быть установлено, и, во-вторых, приведено в исполнение; и каковы принципы, которые с точки зрения этих целей заставят нас рассматривать это установление и приведение в исполнение как правильные или неправильные.

Наказание, налагаемое человеческими существами друг на друга, неизбежно

«Вечное наказание»

ограничено по своим целям. Мы не можем читать мысли других людей и, следовательно, никогда не можем знать, является ли на самом деле любое человеческое существо виновным или невиновным в том, что оно совершает. Соответственно, человеческое наказание никогда не может выходить за рамки очевидного действия: мы не осмеливаемся пытаться покарать мысли, какими бы греховными они ни были, если они не вылились в действие. И даже в этом случае наша основная цель должна обязательно состоять в том, чтобы спасти общество от вреда, который такие действия могли бы ему причинить. Отсюда в принципах, влияющих на наказание, когда оно налагается человеком, присутствует мало того, что мы могли бы с уверенностью использовать при рассмотрении наказания, налагаемого Богом. Однако есть один принцип, который явно в равной степени применим к обоим случаям: мы признаем, что необходимо соблюдать определенную пропорцию между величиной преступления и величиной налагаемого наказания: например, мы без колебаний осудим как несправедливое поведение судьи, который, вынося приговор

Л. Даддон

*Пицца для ума:
эссе и послания*

двум преступникам, устанавливает большее наказание тому, чье преступление явно меньше, чем у другого.

Но, с точки зрения Бога, наша вина состоит в греховном выборе, и мы справедливо считаем, что два человека, которые решили, в сходных обстоятельствах, совершить одно и то же преступление, будут одинаково виновны в Его глазах, даже если только один из них действительно совершил это преступление, в то время как второму случайно помешали выполнить свое намерение.

Отсюда мы можем допустить, что цель Бога в установлении наказания состоит в предотвращении греховного выбора со всем вытекающим из него злом. Как только наказание установлено, оно обязательно должно быть приведено в исполнение, если только не произошло изменение в обстоятельствах, принятых во внимание при его установлении. Мы можем легко представить себе человека, который установил некое наказание, но нашел веские основания для того, чтобы не приводить его в исполнение; например, он мог обнаружить, что совершил ошибку, устанавливая его, или что он упустил

«Вечное наказание»

из виду какое-то непредвиденное обстоятельство. Мы можем даже представить, что человек пригрозил наказанием, не имея никакого намерения приводить его в исполнение. Но ни одно из этих предположений невозможно в отношении наказания, установленного Богом. Мы не вправе считать, что Он может не знать о каком-либо из обстоятельств или способен заявить, что Он сделает то, что на самом деле делать не намерен.

Мы должны доверять Его совершенному знанию людских мыслей, для того чтобы судить, кто виновен, а кто нет, и единственный принцип правильного и неправильного, который, судя по всему, логично применим в данном случае, это ощущение, что должно быть соблюдено определенное соотношение между величиной греха и величиной наказания за него.

И здесь возникает еще одно соображение, которое, как я считаю, вызывает все затруднения и страдания, ощущаемые в связи с этим вопросом. Мы интуитивно чувствуем, что грехи, совершенные человеком в течение ограниченного периода времени, должны

Задан

Пицца для ума:
эссе и послания

быть обязательно конечными по своей величине; в то же время наказание, продолжающееся в течение бесконечного периода, должно обязательно быть бесконечным по своей величине.

И мы чувствуем, что такое соотношение несправедливо.

Предположим, что наказание ограничено для ограниченного греха, так что, если в любой период времени греховный выбор перестает существовать, наказание не будет бесконечным, и тогда, я думаю, такое затруднение больше не будет ощущаться, и мы будем готовы признать наказание заслуженным и, таким образом, наложенным справедливо; и также признать наличие множества хороших целей, таких, как исправление грешника или предупреждение другим, которым может служить наказание.

Существует еще одно ощущение, которое, я думаю, характерно для большинства из нас и которое мы еще не принимали во внимание. Оно состоит в том, что существует некая вечная необходимость, находящаяся полностью вне нашего понимания, необходимость того, чтобы грех заканчивался

«Вечное наказание»

страданием. Этот принцип, как я считаю, окутан непостижимой загадкой искупления и, возможно, в какой-то степени делает ее для нас более достоверной. И, я думаю, этот принцип следует учитывать при рассмотрении данного вопроса.

Также существует проблема, о которой, вероятно, подумают некоторые читатели и которую следует здесь отметить. Это сомнение в том, может ли человек, который обуздывает и выбрасывает из головы греховное желание просто из-за страха наказания, действительно быть менее виновным с точки зрения Бога. Можно рассуждать так: «Если допустить, что божественную кару навлекает порочное желание независимо от того, заканчивается ли оно порочным *действием*, для того чтобы ее установление могло служить предотвращению появления такого желания, следует понять и то, что Бог требует, чтобы мы любили добро как добро и ненавидели зло как зло. Если человек обуздывает порочное желание просто из страха наказания, а не потому, что это желание порочно, прекращает ли он в результате грешить?» Думаю, что

Златов

Пицца для ума: эссе и послания

здесь необходимо признать, что установление наказания за порочные желания само по себе не порождает любовь к добру как к добру и ненависть к злу как к злу. Тем не менее оно, очевидно, может помочь в этом смысле.

Я полагаю, Бог использует такие мотивы, которые наилучшим образом соответствуют насущной необходимости; в какой-то момент, возможно, страх может быть единственным мотивом, который оказывает влияние на грешника; позднее, когда из-за страха формируется привычка к самоконтролю, порочное желание может быть обуздано мыслью о том, что поощрение его способно привести к действиям, которые человек начал смутно распознавать как порочные; еще позднее, когда это узнавание становится все более ясным, можно обратиться к более высокому мотиву (такому, как человеческая любовь); а еще позднее к любви и к добру как к добру и любви к Богу как Существо, чья суть — доброта.

Теперь, когда все это учтено, мне кажется, что в результате возникает непреодолимое ощущение того, что бесконечное наказание за ограниченный грех было бы несправедливым

«Вечное наказание»

и, следовательно, неправильным. Мы чувствуем, что даже слабый и заблудший человек избегал бы таких действий. И мы не можем представить, чтобы Бог действовал согласно более низким стандартам правильного и неправильного. Если говорить словами Дина Черча, «можем ли мы быть настолько сострадательными и настолько справедливыми и не можем ли мы верить, что и Он такой же?»

Отбросить это ощущение и принять как справедливое и правильное действие наложение на человеческие существа бесконечного наказания за ограниченный грех — значит отказаться от Сознания как руководящей силы в вопросах правильного и неправильного и пуститься в плавание без руля или компаса в безбрежный океан неизвестности.

Если мы займем такую позицию, нам придется столкнуться со следующими вопросами: «Почему я принимаю все, что делает Бог, как правильное, хотя мое сознание заявляет, что это неправильно? Не потому ли, что Он мой Творец?» Какие у меня основания считать, что власть творения

Задорин

Пицца для ума:
эссе и послания

является гарантией доброты? Или же это происходит потому, что Он любит меня? Но я уже знаю, что любить могут и злые существа. Нет. Единственное разумное основание для того, чтобы признать то, что Он делает, как правильное, это, судя по всему, уверенность в том, что он идеально добр. Но как я могу быть в этом уверен, если я отверг как бесполезное единственный ориентир, который у меня есть для различения между правильным и неправильным, — голос Сознания?

Именно с такими проблемами мы сталкиваемся, если предполагаем следовать по второму возможному пути и отвергнуть посылку II.

Третий возможный путь состоит в том, чтобы принять посылки I и II и отвергнуть посылку III. Таким образом, мы должны будем занять следующую позицию:

«Я считаю, что Бог *так* не поступит. Вместе с тем я также считаю, что если Он объявил, что поступит определенным образом, то Он это сделает. Отсюда я считаю, что Он не заявлял, что Он это сделает».

«Вечное наказание»

Проблемы, связанные с выбором этого третьего пути, можно хорошо продемонстрировать на еще одной группе несовместимых посылок:

1. Бог не заявлял, что Он так поступит.
2. Все, что говорит нам Библия об отношениях между Богом и человеком, истинно.
3. Библия говорит нам, что Бог заявил, что Он так поступит.

Поскольку вместе все три послышки не могут быть верными, принятие (1) автоматически вызывает исключение или (2) или (3).

Если мы исключим (2), то сразу будем вовлечены в решение всех проблем, связанных с вопросом о библейском вдохновении. Теория о Полном вдохновении, согласно которой каждое утверждение в Библии — абсолютная и неопровержимая истина, в наше время значительно видоизменена, и сейчас большинство христиан, я думаю, соглашаются с наличием в Библии человеческого элемента и с возможностью человеческой ошибки в таких ее утверждениях, которые не связаны

Задание Пшца для ума:
эссе и послания

с отношениями между Богом и человеком. Но что касается таких утверждений, то, судя по всему, существует общее мнение, что Библия защищена от ошибок изначально Божественным Промыслом: по сути дела, если воспользоваться какой-либо другой теорией, было бы трудно сказать, какова тогда ценность Библии или с какой целью она могла быть написана.

Судя по всему, наиболее вероятный путь состоит в том, чтобы отвергнуть посылку (3). Давайте рассмотрим, какие проблемы могут быть с этим сопряжены.

Теперь мы, предположительно, заняли следующую позицию: «Я не верю, что Библия говорит нам, что Бог заявил о том, что Он наложит вечное наказание на человеческие существа, которые или неспособны согрешить, или, будучи способными согрешить, прекратили грешить».

Стоит напомнить читателю, что, занимая эту позицию, он полностью избавляется от первоначальной проблемы, ради которой мы начали это обсуждение. И насколько значительно она отличается от того, что мы рассматривали в качестве первого возможного

«Вечное наказание»

для нас пути! Это заставило бы нас отрицать самое христианство; это, без сомнения, влечет за собой множество проблем: но все они принадлежат к бесконечно менее важной области библейской критики.

Читатель, который не может, то ли из-за нехватки времени, то ли ввиду недостатка необходимых знаний, исследовать этот вопрос самостоятельно, должен поневоле принять мнение других: и все, что ему нужно здесь сказать, это то, что толкование фрагментов, которые, как считается, учат доктрине «вечного наказания», в основном, если не полностью, зависит от смысла, которым наделяется одно-единственное слово (αἰών). Оно переведено в наших английских Библиях словом «вечный» или «длящийся вечно»: но есть много критиков, которые считают, что оно не обязательно означает «бесконечный». Если это так, тогда кара, которую мы обсуждаем, является ограниченным наказанием за ограниченный грех, и первоначальная проблема, таким образом, исчезает.

В заключение я сведу вместе различные способы избежать первоначальной проблемы,

Л. Додд

*Пицца для ума:
эссе и послания*

которые можно применить, не нарушая строгие законы логического рассуждения.

Они таковы:

(1) «Я считаю, что наложение бесконечного наказания на человеческие существа за грехи, совершенные в течение ограниченного периода времени, было бы несправедливо и, следовательно, неправильно. Вместе с тем я не могу отрицать тот факт, что Бог заявил о своем намерении так поступить. Соответственно, я считаю Его способным на совершение греха».

Это бы практически означало отказ от христианства.

(2) «Я считаю, что Бог идеально добр и, следовательно, наложение такого наказания было бы правильным, несмотря на то что мое сознание заявляет, что это неправильно».

Это практически означало бы отказ от сознания как направляющей силы для различения правильного от неправильного и лишило бы фразу: «Я считаю, что Бог идеально добр» какого-либо разумного смысла.

(3) «Я считаю, что Бог идеально добр. Я также считаю, что наложение такого

«Вечное наказание»

наказания было бы неправильным. Соответственно, я считаю, что Бог не способен так поступить. Я нахожу, что Библия говорит нам, что Он способен так поступить. Соответственно, я считаю, что на то, что Библия говорит нам об отношениях между Богом и человеком, нельзя полагаться как на истину».

Это практически означало бы отказ от Библии как книги, заслуживающей доверия.

(4) «Я считаю, что Бог идеально добр. Я также считаю, что наложение такого наказания было бы неправильным. Соответственно, я считаю, что Бог не способен так поступить. Я нахожу, что Библия в своей английской версии, судя по всему, говорит нам, что Он способен так поступить. Вместе с тем я верю, что это книга, вдохновленная Богом и защищенная Им от ошибок в том, что она рассказывает нам об отношениях между Богом и человеком, и, следовательно, на то, что она говорит, в соответствии с действительным смыслом слов, можно полагаться как на истину. Соответственно, я считаю, что слово, переведенное на английский как «вечное» или «длящееся

З. Дадстон

*Пицца для ума:
эссе и послания*

вечно», было переведено неверно и что Библия на самом деле не утверждает большее, нежели то, что Бог назначает страдания неизвестной длительности, но не обязательно вечные, в качестве кары за грехи».

Можно занять любую из приведенных четырех точек зрения, не нарушая при этом законы логического рассуждения.

На этом завершается моя настоящая задача; поскольку моей целью было на протяжении данного анализа не указать одно направление в противовес другому, но помочь читателю ясно увидеть, каковы возможные пути и что он практически признает или отрицает, выбирая какой-либо из них.

Слова к детям

Однажды в воскресный день маленькая девочка по имени Маргарет отправилась на службу, посвященную празднику урожая. Церковь была красивой, украшенной цветами и фруктами, ее наполняли звуки прелестной музыки благодарственного молебна. И проповедник говорил о великой любви и доброте Бога, дающего нам все, чем мы обладаем, и о том, что мы должны стараться показать Ему нашу благодарность, предлагая, в свою очередь, все самое лучшее, что у нас есть. Некоторые из нас — и особенно дети, — возможно, думали, что им нечего дать или у них нет ничего стоящего, чтобы предложить Богу, но проповедник сказал, что Бог примет

Л. Доджсон

*Пицца для ума:
эссе и послания*

даже маленькое проявление любви или простые добрые поступки по отношению к одному из его творений, и что дети, особенно, могут их сделать, если постараются.

Когда служба закончилась и люди разошлись, маленькая Маргарет задержалась в церковном дворе, думая о том, что сказал проповедник, и жаворонок выпорхнул из-под ее ног и запел, взмывая в голубое небо так радостно, что Маргарет сказала себе: «Ах, он старается поблагодарить Бога, как может; как бы я хотела, чтобы было что-нибудь, что могла бы сделать и такая маленькая девочка, как я!»

Она села на траву под ярким солнышком, чтобы подумать, и заметила растущий неподалеку розовый куст и еще увидела, что розы свесили свои головки, довольно сильно подсохшие на солнце из-за недостатка воды. Поэтому она побежала к ручью, набрала в пригоршню воды, побежала обратно и выплеснула воду на розы. Она сделала это еще раз и еще, и розы ожили.

Тогда маленькая Маргарет встала и пошла дальше, пока не увидела домик, на пороге которого сидел ребенок и горько плакал,

Слова к детям

потому что у него сломалась игрушка. Это была бумажная ветряная мельница, и ее крылья смялись и больше не крутились. Маргарет взяла у ребенка игрушку и расправила крылья, и тут подул ветер и весело завертел ими, так что ребенок протянул ручки и засмеялся от радости.

Потом маленькая Маргарет подумала, что ей пора домой, но когда она снова проходила мимо ручья, то увидела маленькую коричневую птичку, барахтавшуюся в воде. Птенец упал с ветки и уже тонул, слабея с каждым отчаянным движением. Тогда Маргарет ухватилась за сук и, потянувшись, насколько могла, второй рукой выхватила птичку из воды и благополучно положила ее на берег.

Теперь она почувствовала, что очень устала, и, наконец, отправилась домой. Она поднялась в свою комнату, легла на свою маленькую кроватку, очень бледная и неподвижная, и закрыла глаза. И тогда сказала себе: «Должно быть, это смерть — да, я умираю и скоро совсем умру». И ее друзья пришли к ней и сказали: «Ах, она умирает, бедная маленькая Маргарет».

Э. Даддон

Пицца для уха:
эссе и послания

Но роза, которая росла в саду у дорожки, услышала это и начала расти, и карабкалась вверх и росла, пока не достигла окна, а потом заползла через окно в детскую и заплела все стены и кровать, пока всю комнату не наполнили своей свежестью гирлянды прелестных роз. И розы склонялись над бледным личиком Маргарет, пока на ее щеках не начал появляться слабый розовый румянец. И как раз тогда в окно подул мягкий ветерок и начал обдувать её лицо, а в саду так красиво запела маленькая коричневая птичка, что Маргарет улыбнулась, открыла глаза и... ну что ж, она все еще сидела на траве возле церкви, на нежном солнце — потому что это был сон!

Я прочитал эту историю сегодня в одной книжке и отложил ее, чтобы рассказать вам, дорогие ребята; но теперь я расскажу вам три истории о любви и доброте. Потому что —

Тот молится хорошо, кто хорошо любит —
И человека, и птицу, и зверя.

Примерно лет сорок назад была одна великая певица, которую звали Дженни Линд, и ее голос и пение были настолько прекрасны, что у людей, слушавших ее, возникало чувство,

Слова к детям

что они слышат ангела. И они приходили целыми толпами и платили любые деньги, чтобы послушать, как она поет.

Однажды, когда она пела в Манчестере, она попала под дождь во время утренней прогулки и укрылась в бедном маленьком домике, где жила одинокая бедная старая женщина. Дженни Линд заговорила с ней, и бедная женщина (конечно, не зная, кто ее гостья) рассказала ей о замечательной певице, которая, «как ей сказали, будет петь сегодня днем», и о том, как все «сходили с ума», желая ее послушать, и как сильно-сильно она жалеет, что не может тоже ее послушать. Но, конечно же, что невозможно «для такой бедной старухи, как я!». Тогда Дженни Линд сказала старой женщине, что она и есть та певица, и добавила: «И я вам спою». И сразу же, прямо там, в этом бедном маленьком домике великая певица спела три или четыре из своих самых прекрасных песен и исполнила для бедной старой женщины желание ее сердца.

И еще — человек, шагавший по проселочной дороге, услышал такое сильное хлопанье крыльев и чириканье

Э. Доджсон

Пицца для уха:
эссе и послания

в живой изгороди, что остановился посмотреть, что бы это могло быть: и он увидел, что маленький птенец выпал из гнезда и его крылья застряли в ветвях. Рядом суетилась его мать, которая хлопала крыльями и кричала изо всех сил, но была не в силах освободить своего малыша. Она не двигалась, пока человек аккуратно поднимал птенца и клал его в гнездо, но потом сразу же и сама запрыгнула в гнездо и распростерла крылья над малышами, не подавая никаких признаков страха, но в полной уверенности в человеке, который пришел ей на помощь.

А теперь еще одна правдивая история, и это история о доброте ребенка к одному из Божих творений. Я думаю, вы все услышите о Флоренс Найтингейл. Ее имя будет наполнять теплом сердца всех англичан, куда они существуют, — имя одной из самых благородных женщин Англии, ибо она была первой, кто решил ухаживать за нашими бедными ранеными солдатами на поле боя.

С самого детства Флоренс Найтингейл всегда хотела помогать и лечить тех, кто испытывает боль, и ее первым пациентом была собака! Она была всего лишь ребенком, когда однажды повстречала знакомого

Слова к детям

пастуха и тот был сильно расстроен, потому что его верный пес, служивший ему долгие годы, был близок к своему концу. Какие-то жестокие мальчишки — или, я скорее сказал бы, бездумные мальчишки — побили бедного старого пса камнями, и он пострадал так сильно, что только и смог приползти домой умирать! Он был почти при смерти. «Теперь ему конец, и я должен покончить с ним», — сказал пастух и грустно пошел прочь, чтобы хоть как-нибудь утешиться.

Флоренс Найтингейл села возле бедного страдающего существа, чувствуя, как сердце разрывается от жалости. И тут она увидела, как мимо проходит человек, который, как ей было известно, знал все о животных, и, позвав его в дом, она показала ему пса. Осмотрев его, ее знакомый сказал: «Что ж, он очень плох, но кости не сломаны; все, что ты можешь сделать, это намочить какие-нибудь тряпки в горячей воде, выжать их и положить на раны, и продолжать так делать в течение долгого времени». И девочка сразу же принялась за дело, разожгла огонь, вскипятила воду и упорно продолжала свою работу в течение многих часов, и, к ее радости, старый пес начал выздоравливать

Двадцать

Пицца для ума:
эссе и послания

и чувствовал себя все лучше и лучше. Когда пастух вернулся домой, Флоренс Найтингейл сказала ему: «Ну-ка, позовите его! Ну позовите!»; и он позвал старого пса, а тот поднялся и поприветствовал своего хозяина.

Тот молится лучше всех, кто любит лучше всех.
Все — и большое, и малое;
Ибо Господь, который любит нас,
Сотворил и любит всех.

А теперь, дорогие ребята, я хочу, чтобы вы мне обещали, что вы — каждый из вас — постараетесь каждый день совершать какой-нибудь любящий, добрый поступок для других. Возможно, вы на самом деле никогда раньше не старались; так начнете сегодня — в начале новой недели? Прощлая неделя ушла навсегда; эта неделя будет совсем другая. Так же, как вы стираете с доски ответ по арифметике, который не получился, и начинаете снова, так же точно оставьте в прошлом непослушание или себялюбие или дурной нрав прошлой недели и начните с самого начала стараться делать все, что в ваших силах, каждый день, чтобы исполнять Божий закон любви.

of the day,
me, took me
hunted me
till could ha
However somehow
into the ,
a met me,
for a .

«Место Бруно»
и другие
рассказы

Стоял очень жаркий день — слишком жаркий для прогулок или вообще каких-либо занятий, — иначе, я думаю, этого бы не случилось.

Во-первых, интересно, почему это эльфы постоянно должны *нас* поучать, указывать, как нам следует поступать, и читать нам нотации, когда мы поступаем неправильно, а мы *их* ничему не учим? Вы же не думаете, что эльфы никогда не бывают жадными, эгоистичными, злыми или коварными, потому что это было бы полной бессмыслицей, сами понимаете. В таком случае, не согласитесь ли вы со мной, что не мешало бы время

Л. Давыдов

«Месть Бруна»
и другие рассказы

от времени устраивать им нагоняй и ставить их на место?

Не вижу причин, почему бы не попытаться этого сделать, и почти уверен (только не говорите это вслух, когда будете в лесу), что, если бы удалось только поймать какого-нибудь эльфа и продержатъ его на хлебе и воде денек-другой, оказалось бы, что подобный урок значительно пошел бы ему на пользу, — во всяком случае, это бы немного сбило с него спесь.

Следующий вопрос заключается в том, какое самое лучшее время для того, чтобы увидеть эльфа? Это я вам могу рассказать во всех подробностях.

Первое правило состоит в том, что день должен быть очень жарким, — ну, это условие соблюдения, конечно, проще простого, — и еще вы должны чувствовать легкую сонливость — но только *легкую*, чтобы ничего не прозевать. Да, и еще нужно, чтобы у вас было, так сказать, «фееричное» ощущение, а если вы не знаете, что это означает, то, боюсь, я вряд ли смогу вам объяснить; вот когда встретитесь с эльфом, тогда и сами поймете.

Месть Бруна

И последнее правило состоит в том, что должны молчать сверчки. У меня сейчас нет времени это объяснять, поэтому пока вам придется поверить мне на слово.

Итак, когда все эти условия будут соблюдены, у вас появится хороший шанс увидеть эльфа — по крайней мере гораздо больший, чем если всего этого не будет.

Тот эльф, о котором я собираюсь вам рассказать, был настоящим озорным маленьким эльфом. Собственно говоря, эльфов было двое, и один был озорным, а другой — хорошим; но, возможно, вы и сами бы об этом догадались.

И вот теперь мы переходим к самой истории.

Это случилось... во вторник днем, примерно в половине четвертого, — во всем, что касается дат, всегда нужно соблюдать точность. Я бродил по лесу в окрестностях озера, отчасти потому, что мне нечего было делать, а это место казалось подходящим для того, чтобы ничего не делать, а отчасти (как я уже говорил вначале), потому что было слишком жарко и неприятно везде, кроме как в тени деревьев.

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Первое, что я заметил, медленно шагая вдоль опушки, был большой жук, который барахтался на спине, пытаюсь перевернуться. Я сразу опустился на одно колено, чтобы помочь бедняге снова подняться на ноги. Знаете, в некотором смысле никогда точно не знаешь, чего хочется насекомому: к примеру, если бы я был мотыльком, то, не знаю, было бы лучше, чтобы мне не давали угодить в пламя свечи или позволили влететь прямо в него и сгореть; или, опять-таки, если бы я был пауком, не уверен, что мне бы *очень* понравилось, если бы мою паутину порвали и дали мухе улететь. Но я не сомневаюсь, что если бы я был жуком и опрокинулся на спину, то был бы непременно рад, если бы мне помогли перевернуться на брюшко.

Итак, как я уже говорил, я опустился на колено и как раз протягивал руку к валявшейся на земле веточке, чтобы перевернуть жука, когда передо мной открылось зрелище, которое заставило меня быстро отдернуть руку и затаить дыхание из-за опасения выдать себя и спугнуть крошечное создание.

Месть Бруно

Впрочем, судя по ее виду, ее не так легко было напугать: она казалась такой доброй и милой, что я уверен — ей бы никогда и в голову не пришло, что у кого-нибудь может возникнуть желание причинить ей вред. Она была всего несколько дюймов роста и одета во все зеленое, так что ее едва можно было разглядеть среди высокой травы; и она была такой хрупкой и изящной, что казалась частью окружающей природы, почти как если бы она была одним из цветков. Вдобавок могу вам сказать, что у нее не было крыльев (я не верю в эльфов с крыльями) и что у нее была копна длинных каштановых волос и большие искренние карие глаза, и это все, что я могу сообщить о ее внешности.

Сильвия (как я позднее узнал, ее звали именно так) стояла на коленях, так же как и я, собираясь помочь жуку; но ей нужно было что-то посушественнее, чем маленькая веточка, чтобы снова помочь ему встать на ноги; она напрягалась изо всех сил, пытаясь перевернуть тяжелое насекомое; и все это время разговаривала с ним, то ли укоряя, то ли пытаясь успокоить, словно нянька, утешающая упавшего ребенка.

Л. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Ну будет тебе, перестань! Не нужно так сильно из-за этого плакать; ты ведь еще не умер, хотя, если бы умер, тогда, знаешь ли, ты бы не плакал, и это главное правило против плаканья, мой милый! И как тебя угрозило перевернуться? Впрочем, я и сама прекрасно вижу, как это случилось, — и спрашивать не нужно, — ползал по ямкам в песке, задрав нос, как обычно. Конечно, если так разгуливаешь по колдобинам, обязательно перевернешься; надо смотреть под ноги.

Жук пробормотал что-то вроде:

«Я и смотрел», и Сильвия продолжила:

— Но я же знаю, что не смотрел!

Ты никогда не смотришь! Всегда разгуливаешь, задрав нос, ты ведь такой ужасно самоуверенный. Ну что ж, давай поглядим, сколько ножек ты сломал на этот раз.

Ты смотри, ни одной! Хотя это, конечно, гораздо больше, чем ты заслуживаешь.

И какой прок в том, что у тебя шесть ног, мой милый, если ты только и можешь, что болтать ими в воздухе, когда падаешь на спину!

Знаешь ли, ноги предназначены для того, чтобы ими ходить. Ладно, не сердись и пока

Месть Бруно

еще не расправляй крылья; я еще не все сказала. Сейчас иди к лягушке, что живет вон там за лютиком и передай ей мои наилучшие пожелания — наилучшие пожелания от Сильвии, — ты можешь сказать «пожелания»?

Жук попытался и, я думаю, успешно.

— Да, правильно. И скажи ей, чтобы она дала тебе немного той мази, которую я вчера у нее оставила. И пусть она тебя ею намажет; у нее довольно холодные лапки, но ты не должен обращать на это внимания.

Я думаю, что жук, должно быть, передернулся от одной мысли о том, что лягушка будет мазать его холодными лапками, потому что Сильвия продолжила более строгим тоном:

— Только не надо привередничать и делать вид, что ты слишком важная персона, чтобы тебя мазала какая-то лягушка. На самом деле ты должен будешь ей спасибо сказать. Представь, что тебя некому было бы намазать, кроме какой-нибудь жабы, — как бы тебе это понравилось?

Наступила небольшая пауза, после чего Сильвия добавила:

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Теперь можешь идти. Будь хорошим жуком и не задирай нос. — А потом началось одно из тех представлений — жужжание, гудение и беспокойное хлопанье крыльями, — которые устраивают жуки, когда собираются взлететь, но еще не решили, какое им следует выбрать направление. Наконец, совершая один из своих неуклюжих зигзагов, он ухитрился стукнуться прямо о мое лицо, и, к тому моменту, когда я оправился от столкновения, маленькая эльфиня исчезла.

Я огляделся по сторонам, ища крошечное создание, но не было и намека на ее присутствие, — к тому же «феерическое» ощущение исчезло, и вокруг снова весело стрекотали сверчки, — и тут я понял, что она действительно скрылась.

А теперь у меня есть время, чтобы рассказать вам правило насчет сверчков. Они всегда замолкают, когда мимо проходит эльф, наверное, потому, что эльф для них что-то вроде короля, — во всяком случае, он гораздо более важная персона, чем сверчок. Поэтому, когда вы гуляете и неожиданно замолкают сверчки, можете быть уверены, что или они увидели эльфа, или же испугались, что вы подошли к ним так близко.

Месть Бруно

Я продолжил свою прогулку в довольно печальном настроении, можете не сомневаться. Однако я утешал себя мыслью: «День был чудесный — по крайней мере, до этого момента. Я просто пойду себе потихоньку, буду внимательно смотреть по сторонам и не удивлюсь, если где-нибудь наткнусь на еще какого-нибудь эльфа».

И вот, присматриваясь таким образом к кустам и траве, я случайно заметил какое-то растение с закругленными листьями и со странными дырочками, прорезанными в нескольких из них. «Ага! пчела-листорез», — небрежно заметил я. Как известно, я весьма сведущ в естествознании (например, я всегда могу с первого взгляда отличить цыплят от котят) и уже почти прошел мимо, когда внезапная мысль заставила меня наклониться и более внимательно рассмотреть листья.

И тут я испытал радостное волнение, ибо заметил, что дырочки размещались таким образом, что из них складывались буквы: на трех листиках были буквы «Б», «Р» и «У», а, немного поискав, я нашел еще два, с «Н» и «О».

К этому моменту «феерическое» ощущение снова вернулось, и я вдруг заметил,

Э. Дадлет

«Месть Бруно»
и другие рассказы

что сверчки перестали трещать; поэтому у меня появилась уверенность, что «Бруно» — это эльф и что он находится где-то совсем близко.

Так оно и оказалось — причем так близко, что я чуть не наступил на него, сам того не заметив, что было бы ужасно, если представить, что на эльфов вообще *можно* наступить, — я лично думаю, что они что-то вроде блуждающих огоньков и наступить на *них* просто невозможно.

Представьте себе любого знакомого вам хорошенького мальчугана, довольно упитанного, с розовыми щеками, большими темными глазами и копной каштановых волос, а потом представьте, что он настолько мал, что без труда поместится в кофейную чашку, и у вас получится весьма недурное представление о том, как выглядело это создание.

— Как тебя зовут, малыш? — спросил я как можно тише и спокойнее. И, кстати, это еще одна любопытная вещь, которую я никак не могу до конца понять, — почему мы всегда начинаем разговор с маленькими детьми с вопроса о том, как их зовут; не потому ли,

Месть Бруно

что нам кажется, что они недостаточно большие, и имя поможет сделать их чуть постарше? Вот ведь вам же не придет в голову спрашивать у настоящего, взрослого, большого человека, как его зовут, верно? Впрочем, как бы там ни было, я посчитал необходимым узнать его имя; а так как он не ответил на мой вопрос, я задал его снова, чуть погромче: — Как тебя зовут, маленький человечек?

— А тебя? — спросил он, не поднимая головы.

— Меня — Льюис Кэрролл, — сказал я вполне вежливо, потому что он был слишком мал, чтобы сердиться на него за то, что он ответил мне так невоспитанно.

— Какой-нибудь герцог? — спросил он, бросив на меня мимолетный взгляд и снова вернувшись к своему занятию.

— Совсем не герцог, — сказал я, испытывая некоторую неловкость из-за того, что мне пришлось в этом признаться.

— Ты такой большой, что тебя хватило бы на целых двух герцогов, — заявило маленькое создание. — Я полагаю, в таком случае, ты какой-нибудь сэр?

Эдгар Аллан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Нет,— ответил я, чувствуя себя все более и более неловко.— У меня нет никакого титула.

Похоже, эльф решил, что в таком случае я не стою того, чтобы со мной разговаривать, поскольку молча продолжал копать и рвать цветы на части сразу же, как только ему удавалось выкопать их из земли.

Через несколько минут я сделал еще одну попытку.

— *Пожалуйста*, скажи мне, как тебя зовут.

— Бруно,— ответил мальш с большой готовностью.— А почему ты раньше не сказал «пожалуйста»?

«Это что-то вроде того, как нас учили в яслях»,— подумал я, мысленно возвращаясь на долгие годы назад (примерно лет на сто пятьдесят), в то время, когда я и сам был маленьким мальчиком. И тут мне в голову пришла одна мысль, и я спросил его:

— А ты случайно не один из тех эльфов, которые учат детей, как им следует себя вести?

— Ну, нам приходится иногда это делать,— подтвердил Бруно,— и все это ужасная морока.— Сказав это, он со злостью

Месть Бруно

разорвал пополам анютин глазок и растоптал обрывки лепестков.

— А что это ты там делаешь, Бруно? — спросил я.

— Порчу Сильвии сад, — это все, что сначала ответил Бруно. Но, продолжая рвать цветы на мелкие клочки, он бормотал себе под нос: — Противная злюка — не разрешила мне сегодня утром пойти гулять, хотя мне так этого хотелось. Сказала, что я сначала должен закончить уголки, надо же, уголки! Ничего, я ей еще устою!

— Ой, Бруно, не нужно тебе этого делать! — вскричал я. — Разве ты не знаешь, что это месть? А месть — это нехорошая, жестокая, опасная штука!

— Сметь? — переспросил Бруно. — Какое смешное слово! Наверное, можно назвать смель жестокой и опасной, потому что если перестараться и чего-нибудь такого намешать, то потом будет совсем плохо.

— Нет, не смель, — пояснил я, — мес-ть. — Я произнес это слово очень медленно и отчетливо, подумав, что Бруно очень хорошо объяснил предыдущее слово.

Ладно

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— А! — протянул Бруно, широко распахнув глаза, но не сделал попытки повторить слово.

— Ну, давай же! Попробуй, повтори, Бруно! — подбодрил его я. — Месть, месть.

Но Бруно только тряхнул маленькой головой и сказал, что не может; что его рот не приспособлен для подобных слов. И чем больше я смеялся, тем мрачнее он становился.

— Ладно, забудем, малыш! — сказал я. — Может, помочь тебе?

— Да, пожалуйста, — молвил Бруно, вполне успокоившись. — Вот только, если бы мне придумать что-нибудь такое, что досадило бы ей еще сильнее. Ты даже не знаешь, как трудно ее рассегдить!

— А вот ты послушай меня, Бруно, и я научу тебя замечательной мести!

— Чему-то, что здогово ей досадит? — спросил Бруно, сверкая глазами.

— Чему-то, что здорово ей досадит. Во-первых, мы вырвем все сорняки в ее саду. Видишь, их здесь очень много, — из-за них цветов почти и не видно.

— Но это ведь ей не досадит, — озадаченно заметил Бруно.

Месть Бруно

— После этого, — продолжил я, не обращая внимания на его замечание, — мы польем вон ту самую высокую клумбу — вон там. Видишь, она начинает засыхать и покрываться пылью.

Бруно посмотрел на меня с любопытством, но на этот раз ничего не сказал.

— Потом, после этого, — продолжал я, — нужно немного подмести дорожки; и, я думаю, ты можешь срезать ту высокую крапиву, — она растет так близко к саду, что просто мешает...

— *О чем ты говоришь?* — с нетерпением прервал меня Бруно. — Это ей нисколько не досадит!

— Разве? — невинно спросил я. — Тогда, предположим, что после этого мы разложим эти цветные камешки, — просто, чтобы отметить границу между различными видами цветов. Это будет создавать очень милое впечатление.

Бруно повернулся и снова на меня уставился. Наконец, в его глазах появилась странная искорка, и он произнес уже с совсем другой интонацией:

Л. Даддингтон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Хорошо, давай разложим их рядами — все красные вместе и все голубые вместе.

— Это будет просто замечательно, — одобрил я. — И еще: какие цветы Сильвия больше всего хотела бы иметь в своем саду?

На это Бруно не смог ответить сразу, ему пришлось сунуть большой палец в рот и немного подумать.

— Фиалки, — сказал он наконец.

— У озера растет целая россыпь фиалок...

— Ой, давай перенесем их сюда! — воскликнул Бруно, подпрыгнув в воздух. — Вот! Хватай меня за руку, я тебе помогу. Тут по догоге довольно густая трава.

Я не смог удержаться от смеха: он совершенно забыл, с каким большим существом разговаривает.

— Нет, Бруно, еще рано, — сказал я. — Сперва нам нужно подумать, с чего лучше начать. Ты же понимаешь, нам предстоит непростая задача.

— Да, давай подумаем, — согласился Бруно, снова засовывая в рот палец и усаживаясь на дохлую мышь.

— Для чего ты держишь эту мышь? — спросил я. — Тебе нужно или похоронить ее, или выбросить в озеро.

Месть Бруно

— Да ты что, я же ею меряю! — вскричал Бруно. — Как можно устраивать сад без мыши? Мы делаем каждую клумбу по тги с половиной мыши в длину и две в ширину.

Я остановил его, когда он ухватился за мышиный хвост и потащил ее, чтобы показать мне, как ею пользоваться, потому что у меня было опасение, что «феерическое» ощущение исчезнет раньше, чем мы закончим приводить в порядок сад, и тогда я больше не увижу ни его, ни Сильвию.

— Я думаю, лучше всего будет, если ты прополешь клумбы, а я в это время отберу камешки, которыми мы потом разметим дорожки.

— Точно! — воскликнул Бруно. — А пока мы будем работать, я расскажу тебе о гусеницах.

— Ну что ж, давай послушаем о гусеницах, — согласился я, собрал камешки в одну кучку и начал их раскладывать.

И Бруно продолжил тихой скороговоркой, так, словно говорил сам с собой.

— Вчера я видел двух гусениц, когда сидел возле ручья, как раз там, где ты входил в лес. Они были совсем зеленые и с желтыми

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

глазами, и они меня не видели. И одна из них собиралась тащить кгылышко мотылька — знаешь, такое огромное когичневое крыло, совсем сухое, с перышками. Так что, думаю, гляд ли она собиралась его съесть, — может, хотела сделать себе на зиму накидку?

— Возможно, — сказал я, потому что Бруно вывернул окончание фразы так, будто спрашивал, и теперь смотрел на меня в ожидании ответа.

Одного слова оказалось для малыша вполне достаточно, и он весело продолжал:

— Так вот, понимаешь, она не хотела, чтобы другая гусеница увидела мотыльковое кгыло, поэтому ничего лучше не придумала, как нести его своими левыми лапками и ползти на правых. Разумеется, она пегевегнулась. В гезультате.

— Что в результате? — переспросил я, схватившись за последнее слово, потому что, по правде сказать, слушал не слишком внимательно.

— Пегевегнулась в гезультате, — повторил Бруно весьма серьезным тоном. — А если бы ты когда-нибудь видел, как пегевогачивается гусеница, ты бы знал, что

Месть Бруно

это очень серьезная штука, и не сидел бы с такой ухмылкой, — и вообще я тебе больше ничего не скажу.

— Нет, в самом деле, Бруно, я вовсе не хотел ухмыляться. Видишь, я опять очень серьезен.

Но Бруно лишь сложил руки на груди и сказал:

— Только *мне* не надо этого говорить. Я вижу, как у тебя один глаз поблескивает — точно как луна.

— Бруно, разве я похож на луну? — удивился я.

— У тебя лицо большое и круглое, как луна, — ответил Бруно, задумчиво глядя на меня. — Оно не так ярко сияет, но зато почище.

Я не смог сдержать улыбку.

— Знаешь, Бруно, я ведь умываюсь. А луна никогда не умывается.

— Ну да, не умывается! — воскликнул Бруно. Он наклонился вперед и добавил торжественным шепотом: — Лицо у луны все грязнее и грязнее с каждой ночью, пока не становится полностью чегным. И тогда, когда оно все грязное, — вот, — он провел

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

рукой по собственным розовым щекам, — тогда она умывается.

— И тогда оно снова становится чистым, так, что ли?

— Ну, не в один момент, — сказал Бруно. — Скольким же вещам тебя еще нужно учить! Она его моет постепенно — только начинает с другого края.

К этому времени он уже тихо сидел на мертвой мышши, скрестив руки на груди, и прополка совершенно не продвигалась. Поэтому я был вынужден сказать ему:

— Делу время — потехе час: никаких разговоров, пока не закончишь эту клумбу.

После этого мы провели несколько минут в тишине, пока я отбирал камешки и искося поглядывал, как Бруно разбивает сад. Делал он это очень необычно: каждый раз, перед тем как прополоть клумбу, он ее измерял, словно боялся, что из-за прополки клумба станет меньше; и один раз, когда клумба оказалась длиннее, чем ему хотелось, он принялся пинать мышшь своим крошечным кулачком, восклицая:

— Ну вот! Опять слишком длинная! Почему ты не можешь держать хвост прямо, когда я тебе говорю!..

Местъ Бруно

— Я тебе скажу, что я сделаю, — сообщил мне Бруно полушепотом, пока мы трудились. — Я достану тебе приглашение на коголевский ужин. Я знаю одного из старших официантов.

Я представил себе это и рассмеялся.

— А разве официанты приглашают гостей? — поинтересовался я.

— Да нет, *не ужинать!* — поспешно ответил Бруно. — Чтобы помогать, понимаешь? Тебе бы этого хотелось, верно? Раздавать тарелки и все такое.

— Ну, это ведь не так приятно, как быть одним из гостей и сидеть за столом, верно?

— Конечно, нет, — ответил Бруно таким тоном, словно ему стало жалко, что я такой невежда, — но ведь если ты даже не сэр какой-нибудь, ты же не думаешь, что тебе позволят сидеть за столом, сам понимаешь.

Я ответил, со всей возможной кротостью, что я этого и не думал, но это единственный вариант участия в ужине, который мне по-настоящему нравится. Тут Бруно тряхнул головой и сказал, довольно обиженным тоном, что я могу поступать, как угодно,

Л. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

но он знает многих, кто отдал бы собственные уши, чтобы туда попасть.

— А сам-то ты там когда-нибудь был, Бруно?

— Меня один раз приглашали, в прошлом году, — очень серьезным голосом сообщил Бруно. — Мыть супные тагелки, — нет, я хотел сказать тагелки для сыра, — это было довольно здорово. Но здоровее всего — это то, что я подал герцогу Одуванскому бокал сидра!

— Да, это в самом деле здорово! — воскликнул я и прикусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Ведь правда же? — совершенно искренне спросил Бруно. — Ты знаешь, не каждому выпадает *такая* честь!

Это навело меня на мысль о тех различных странных вещах, которые мы называем «честью» в нашем мире, в которых, если подумать, не намного больше чести, чем в той, которой удостоился милый малыш Бруно (кстати, я надеюсь, он уже стал немного симпатичен вам, при всей своей заносчивости), когда подал бокал сидра герцогу Одуванскому.

Местъ Бруно

Не знаю, сколько бы я еще мечтал таким образом, если бы Бруно не вывел меня из задумчивости внезапным криком.

— Ой, иди-ка скорей сюда! — воскликнул он в состоянии самого ужасного возбуждения. — Хватай ее за второй рог! Я ее больше минуты не удержу!

Он отчаянно боролся с огромной улиткой, вцепившись в один из ее рожек, и чуть не сломал ей спину, пытаясь перетащить через травинку.

Я понял, что, если я допущу, чтобы это продолжалось, садовые работы на том и закончатся, поэтому спокойно взял улитку рукой и положил на небольшой холмик, где Бруно не мог ее достать.

— Бруно, мы поохотимся потом, — сказал я, — если тебе так уж хочется ее поймать. Но если ты ее поймаешь, какой тебе от нее прок?

— А какой прок от лисицы, когда вы ее поймаете? — заметил Бруно. — Я знаю, что вы, великаны, охотитесь на лис.

Я попытался придумать какую-нибудь хорошую причину, по которой «великаны» могли бы охотиться на лис, а он не мог

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

охотиться на улиток, но в голову мне так ничего и не пришло, поэтому я наконец сказал:

— Я сам когда-нибудь займусь охотой на улиток.

— Я надеюсь, что ты не настолько глуп, — заметил Бруно, — чтобы отправляться охотиться на улиток в одиночку. Понятно, что у тебя никогда не получится заставить улитку идти за тобой, если никто не тянет ее за второй рог!

— Разумеется, я не пойду один, — вполне серьезно отвечал я. — Кстати, лучше всего охотиться на этот вид, или ты рекомендуешь тех, что без домика?

— О нет, мы никогда не охотимся на тех, что без домиков! — Бруно даже слегка передернулся от одной этой мысли. — Они так из-за этого злятся, и потом, если на них свалишься, они всегда такие липкие!

К этому времени мы уже почти закончили сад. Я принес несколько фиалок, и Бруно как раз помогал мне посадить последнюю, когда вдруг замер и сказал:

— Я устал.

— Тогда отдохни, — посоветовал я. —

Я могу продолжать и без тебя.

Местъ Бруно

Бруно не нужно было приглашать два раза: он сразу же принялся устраивать из дохлой мыши что-то наподобие дивана.

— А я спою тебе песенку, — сказал он, перекатывая мышь.

— Спой, — согласился я. —

С удовольствием послушаю.

— Какую песню ты предпочитаешь? — спросил Бруно, перетаскивая мышь в такое место, откуда мог лучше всего меня видеть. — «Дзинь-дзинь» — самая лучшая.

Невозможно было воспротивиться после такого недвусмысленного намека, однако я немного помолчал, делая вид, что раздумываю, а потом сказал:

— Что ж, «Дзинь-дзинь» мне больше всего по вкусу.

— Это свидетельствует о том, что ты хорошо разбираешься в музыке, — с довольным видом произнес Бруно. — Сколько бы ты хотел колокольчиков? — и он засунул палец в рот, помогая мне принять решение.

Поскольку поблизости рос только один колокольчик, я самым серьезным голосом сказал, что, пожалуй, *на этот раз* сойдет и один, после чего сорвал цветок и вручил его

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Бруно. Он пару раз провел рукой вверх и вниз по цветкам, словно музыкант, пробуящий инструмент, и маленькие колокольчики отозвались чудесным нежным звоном. Мне раньше никогда не доводилось слышать цветочную музыку — не думаю, что ее вообще можно услышать, если не находишься в «феерическом» состоянии, и даже не знаю, как дать вам представление о том, на что это было похоже, разве что сказать, что она звучала, как перезвон колоколов, доносящийся за тысячу миль от тебя. Когда Бруно удовлетворился, что цветы звучат в лад, он уселся на дохлую мышь (похоже, во всех других местах он чувствовал себя не вполне удобно) и, взглянув на меня весело сверкающими глазами, начал. Кстати, мелодия оказалась довольно любопытной, и, возможно, вам захочется самим попробовать ее сыграть, поэтому вот ее ноты:

Местъ Бруно

Проснись! Проснись! Сова кричит —
Закат раскрасил неба синь:
То эльфов музыка звучит —
«Король идет! Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!»
Как сладок звук эльфийских флейт —
Они раскрасят неба синь:
«Проснись! Проснись!» — И сна уж нет:
«Король идет! Дзинь-дзинь! Дзинь-дзинь!»*

Он пропел первые четыре строки оживленно и весело, заставляя колокольчики звенеть в такт музыке; но последние две спел довольно медленно и спокойно и просто размахивал цветами над головой, а закончив первый куплет, принялся объяснять.

— Нашего эльфового коголя зовут Оббервон, — (наверное, он хотел сказать «Оберон»), — и он живет за озером — *вон там* — и время от времени приплывает на маленькой лодке, и тогда мы идем и встречаемся с ним, и, понятное дело, поем эту песню.

— И тогда ты идешь к нему ужинать? — зловредно предположил я.

— Тебе нельзя говорить, — поспешно сказал Бруно, — так ты мне мешаешь петь.

Я сказал, что больше этого делать не буду.

* Перевод
Т. Косолаповой.

Э. Даддон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Сам я никогда не говорю, когда пою, — продолжил Бруно чрезвычайно серьезным голосом, — поэтому и тебе не надо. — Затем он снова взмахнул колокольчиками и запел:

Ах, слушай, слушай — как прекрасен
Колоколов волшебных звон!
Они поют легко и ясно,
И лес их песней поражен!
Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь — почетная роль:
Да здравствует наш Волшебный Король!

Смотри, смотри — как освещен
Наш лес огнями светлячков!
Собрал всех праздничный трезвон —
Ведь ужин наш уже готов!
Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь — почетная роль:
Да здравствует наш Волшебный Король!

Смотри же и слушай! Спешి поскорей —
Пока не пробили полночь часы —
Попробовать яства лесных королей,
Что слаще рассветной медовой росы!
Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь — почетная роль:
Да здравствует наш Волшебный Король!*

— Тс-с, Бруно! — зашипел
я предупреждающим шепотом. — Она идет!
Бруно перестал играть, чтобы Сильвия его
не услышала, а затем, заметив, как она
медленно пробирается сквозь высокую траву,

* Перевод
Т. Косолаповой.

Местъ Бруно

вдруг неожиданно ринулся на нее головой вперед, как маленький бычок, крича:

— Смотри в другую сторону! Смотри в другую сторону!

— В какую сторону? — спросила Сильвия довольно испуганным тоном, одновременно озираясь по сторонам, чтобы разглядеть, где может скрываться опасность.

— В *ту* сторону! — сказал Бруно, осторожно разворачивая ее лицом к лесу. — А теперь иди спиной вперед, только не торопись, — не бойся, не споткнешься!

Но, тем не менее, Сильвия споткнулась; собственно говоря, он так торопился, что потащил ее через такие залежи маленьких веточек и камней, что вообще удивительно, как бедной девочке удалось удержаться на ногах. Но он был слишком возбужден, чтобы думать о том, что делает.

Я молча показал Бруно то место, куда ее лучше всего привести, чтобы перед нею сразу открылся весь сад. Это был маленький пологий холмик, размером примерно с картофелину; и, когда они взобрались на него, я отступил под сень деревьев, чтобы Сильвия меня не увидела.

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Я услышал, как Бруно торжественно воскликнул: «А теперь можешь смотреть!», после чего последовал взрыв аплодисментов, который, впрочем, произвел один Бруно. Сильвия молчала — только стояла и смотрела, крепко сжав ладони, и я даже испугался, что ей не понравилось.

Бруно тоже наблюдал за ней с беспокойством, и, когда она спрыгнула с кочки и начала расхаживать по маленьким дорожкам, он стал осторожно ходить за ней, явно беспокоясь о том, чтобы она составила собственное мнение обо всем этом, без каких-либо намеков с его стороны. И когда она, наконец, глубоко вдохнула и вынесла свой приговор — торопливым шепотом и пренебрегая правилами грамматики: «Это самая пререплестнейшая вещь, какую я раньше видела в своей жизни!», — малыш выглядел таким же довольным, словно сей вердикт вынесли все судьи и присяжные во всей Англии вместе взятые.

— И ты вправду сделал все это сам, Бруно? — спросила Сильвия. — И только для меня?

Месть Бруно

— Мне немножко помогли, — начал Бруно и весело рассмеялся, увидев, как она удивлена. — Мы занимались этим весь день, — я подумал, что тебе понравится... — И здесь у бедняги начала дрожать губа, и через мгновение он расплакался и, подбежав к Сильвии, пылко обхватил ее за шею и уткнулся лицом ей в плечо.

В голосе Сильвии также ощущалась легкая дрожь, когда она прошептала:

— Ну что, что случилось, милый? — и попыталась поднять его голову и поцеловать.

Но Бруно вцепился в нее, всхлипывая, и не мог успокоиться, пока не признался во всем.

— Но я хотел... испогнить твой сад... сначала... но... я никогда... никогда... — И тут последовал новый поток слез, в котором утонула оставшаяся часть фразы. Наконец, он выдавил из себя: — Мне понравилось... сажать цветы... для тебя, Сильвия... и я никогда еще не был так счастлив... — И наконец, розовощекое лицо оторвалось от ее плеча, все мокрое от слез, и потянулось к ней в ожидании поцелуя.

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

К этому моменту Сильвия тоже начала плакать и ничего не сказала, только «Бруно, милый!» и «Я никогда еще не была так счастлива...», хотя почему двое детей, которые никогда еще раньше не были так счастливы, должны оба плакать, осталось для меня великой загадкой.

Я тоже чувствовал себя очень счастливым, но я, разумеется, не плакал: вы же знаете, «великаны» никогда не плачут, — мы предоставляем это делать эльфам. Только, думаю, в тот момент немножко накрапывало, потому что я почувствовал одну-две капельки на своих щеках.

После того они еще раз обошли весь сад, цветков за цветком, словно это была длинная фраза, которую они произносили по буквам, с поцелуями вместо запятых и огромным объятием вместо точки, когда дошли до конца.

— А ты знаешь, Сильвия, что это было моей сместью? — начал Бруно, серьезно глядя на нее.

Сильвия весело рассмеялась.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, откинув обеими руками назад свои

Месть Бруно

длинные каштановые волосы, и посмотрела на него веселыми глазами, в которых еще поблескивали крупные слезинки.

Бруно набрал воздуха и подготовил рот к труднейшему испытанию.

— Я хотел сказать «мес-тью», — уточнил он. — Теперь понятно? — И он выглядел таким счастливым и гордым тем, что, наконец, правильно произнес это слово, что я даже ему позавидовал. Я склонен думать, что Сильвия совсем не «поняла»; но она чмокнула его в обе щеки, чего, похоже, также было достаточно.

И вот они побрели вместе прочь, среди лютиков, нежно обнимая друг друга за талии, шепча и смеясь, и ни разу даже не оглянулись на меня, несчастного. Да, один раз, уже совсем перед тем, как я потерял их из виду, Бруно повернул голову вполоборота и нахально кивнул мне на прощание. И это вся благодарность, которую я получил за все свои труды!

Я знаю, вам жалко, что история подошла к концу — верно? — поэтому я скажу вам еще только одну вещь. Самое последнее, что я видел, было вот что: Сильвия наклонилась

Л. Дядьков

«Месть Бруно»
и другие рассказы

поближе к Бруно, обнимая его за шею,
и шептала умоляющим голосом прямо ему в ухо:

— Знаешь, Бруно, я совсем забыла это
трудное слово, — пожалуйста, скажи его еще
раз. Ну пожалуйста! Ну только один разочек,
мильй!

Но Бруно не стал повторять попытку.

Замок Крандл

(Рассказ из «Ректори Мэгэзин»,
около 1850 г.)

Глава первая

«Любишь меня, люби и мою собаку»

— Моя дорогая мисс Примминс,— сказала миссис Когсби, приятная, излучающая уют дама. Сия дородная добродушная особа этим теплым летним вечерком была занята самым приятным для всякого садовода занятием, состоявшим в ампутировании нескольких засохших розовых бутонов посредством огромного тесака, явно сконструированного для умерщвления крокодилов, каковым инструментом она орудовала с изумительной ловкостью, выказывая не больше эмоций, чем

Л. Доджсон

«Местить Бруно»
и другие рассказы

если бы это был самый изящный дамский перочинный ножик. — Моя дорогая мисс Примминс, вы даже *шагу* не сделаете, пока не выпьете стаканчик бузинного вина. Кроме того, вы еще не видели моего милого Гагги в этом *возрасте*, а он стал выглядеть *настолько* лучше! — Упомянутый милый Гагги был довольно упитанным мальчиком примерно шести лет от роду, служивший постоянным источником радости для своей мамы и объектом ненависти для всех соседей, которых миссис Когсби до невозможности терроризировала вечерами напролет, заставляя восхищаться своим чадом и выслушивать рассказы о его подвигах. Его приносили в комнату исключительно по настоянию матери, причем именно приносили, хотя наиболее наблюдательные из ее гостей замечали, что нянька брала его на руки перед самой дверью, поскольку ни одна нянька в человеческом обличье не смогла бы пронести его десять ярдов, не уронив.

— Чес-слово, мэм, — начала нынешняя жертва, полуразложившегося вида молодая дама, явно не вчера разменявшая восьмой десяток, с трудом пропихивая слова через

Замек Крандл

удивительно крошечный ротик, — чес-слово, мэм, я даже помыслить не могу, чтобы нарушить ваше уединение.

Но поскольку миссис Когсби и слышать ничего не хотела, то вскоре гостя уже сидела в гостиной, куда в течение получаса были согнаны еще восемь или десять других жертвенных агнцев, после чего собранию представили милого Гагги.

— О, какой очаровательный мальчик! — воскликнули все хором, едва дитя появилось в дверях. Очаровательный мальчик, стоя на материнском колене, засунул большой палец в рот и не удостоил никого из присутствующих ни словом.

— Я просто обязана показать вам, — начала миссис Когсби, — замечательное произведение, созданное Гагсби. Это портрет его отца, удивительно на него похожий (все присутствующие как один подняли брови), только бедняжка даже не захотел на него взглянуть, когда я его ему сегодня показывала, а испарился в мгновение оха (вероятно, миссис Когсби имела в виду, что он исчез «в мгновение ока», так что она «и охнуть не успела»); она часто путала

Л. Доджсон «Местить Бруно»
и другие рассказы

разные слова и выражения). В этот момент раздался тихий стук в дверь.

Глава вторая

Когда дверь открылась, в комнату робко втиснулся мистер Когсби-старший: он обвел присутствующих тревожным взглядом, узрел, что миссис Примминс находится в процессе изучения его портрета, и, издав слабый, но полный ужаса крик, рухнул в кресло. Миссис Когсби подлетела к нему и посредством самых энергических ударов, метко нацеленных между лопаток, с успехом восстановила в нем искру жизни.

— Мой дорогой Альфред, — укоризненно пробормотала она ему на ухо, как только заметила признаки возвращающегося сознания, — подумать только, что *ты* мог поддаться этой слабости! *Ты*, для которого, уверена, я всегда была *больше* чем мать...

— Прошу прощения, мэм, — вмешался бледный высокий молодой человек, наклоняясь над стулом и не выпуская изо рта здоровенный набалдашник короткой тросточки, — но вы разве не его *бабушка*?

Замек Крангл

— Сэр! — сказала миссис Когсби, награждая молодого человека испепеляющим взглядом, который в одно мгновение заставил его замолчать. Даже в этот ужасный момент она сохранила достаточное присутствие духа, чтобы позвонить в колокольчик. — Выведите этого субъекта вон! — молвила она умирающим голосом, и молодой человек, несколько изумленный эффектом, который произвели его слова, последовал за негодующей служанкой, возмущенной тем, что ее хозяйку *каким-то* образом оскорбили, хотя каким именно, он точно не представлял. После того как опасность миновала, миссис Когсби пришло в голову, что теперь настал ее черед устроить сцену, и, не откладывая дело в долгий ящик, возопила: — Животное! зверь! назвать... молодую даму... которой нет... и тридцати... назвать ее... б-бабушкой... О! — и здесь, достигнув кульминационной точки, она, исполнив свой любимый маневр, рухнула на диван и замерла в самой живописной позе.

В следующее мгновение Гагги издал придушенный, но полный агонии крик —

Доджсон «Месть Бруно»
и другие рассказы

ножки этого прекрасного младенца едва различимо торчали из-под платья матери.

Глава третья

Любимый сын энергично колотил ножками миссис Когсби, в то время как ее обеспокоенные подруги, со своей стороны, применяли всевозможные неслыханные доселе средства, пытаясь привести ее в чувство. Больше всех среди них выделялась мисс Примминс с пучком горелых перьев в одной руке и пузырьком нюхательной соли в другой. Мистер Когсби исчез в первый же момент поднявшейся суматохи: теперь он снова появился с удовлетворенной улыбкой на лице и, прежде чем кто-либо успел ему помешать, обдал свою жену всем содержимым очень большого ведра с водой. Все признаки обморока мгновенно улетучились, и миссис Когсби, с яростью и мщением в пылающих глазах, вышла из состояния протрации, схватила перепуганного мужа за ухо и препроводила из комнаты. Несчастливого Гагги, которому никто даже не посочувствовал, оставили

Замок Крандл

в раздавленном, даже, в некотором смысле, вафлеобразном состоянии на диване, где он несколько часов спустя был обнаружен горничной, которая забрела в комнату, привлеченная тоскливыми стенаниями.

Из соседнего помещения раздавались вопли и звуки ударов, и присутствующие женского пола, заткнув уши, ринулись из дома, бросив мистера Когсби на произвол судьбы. Джентльмены были только счастливы последовать за дамами, и вскоре никого не осталось, за исключением одного глухого господина, который не имел ни малейшего представления о том, что произошло, и так и сидел в углу, скрестив ноги, со спокойной и безмятежной улыбкой на лице.

Что далее происходило в доме мистера Когсби, не нам говорить: заметим только, что по прибытии домой с мисс Примминс случился жесточайший истерический припадок.

Глава четвертая

Глубочайшую антипатию и самую стойкую неприязнь по прошествии времени можно постепенно преодолеть, и хотя в течение

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

последующих шести месяцев мисс Примминс являла собой воплощение оскорбленной невинности, несмотря на то, что она выразила самое крайнее отвращение в отношении поведения мистера Когсби и самым торжественным образом поклялась никогда больше не входить в жилище семейства Когсби, тем не менее, когда миссис Когсби прислала ей приглашение на свой ежегодный бал, в день накануне Нового года не было никого, кто бы подчинился ее призывам с большей готовностью или прибыл с большей пунктуальностью к назначенному часу, чем мисс Примминс. Когда она явилась, облаченная в открытое атласное платье цвета самой насыщенной берлинской лазури, с тиарой, украшенной драгоценностями, на голове, изысканно рассыпав по плечам золотисто-каштановые локоны (локоны, совершенно по праву ей принадлежащие, поскольку она лично заплатила за них в парикмахерской лавке), цвета свежим румянцем молодости, — никто из тех, кто увидел ее в тот момент, и представить не мог, что это привычная, всем знакомая мисс Примминс с ее землистым лицом, которая

Замок Крандл

славилась как самая злобная и язвительная сплетница в городе. Представить себе такое — все равно что вообразить, будто она Самодержец Всероссийский. Там же присутствовал и мистер Огастес Бимм, раскаявшийся во всех своих прошлых преступлениях и прощенный миссис Когсби. И конечно, в комнату принесли очаровательного Гагги, который после того, как отдал ноги трем джентльменам, столкнул тарелку с тортом на колени одной даме и устроил на столе кофейный потоп, был наконец доведен до слез и сослан в постель за то, что перекинул лампу, которая свалилась на мисс Примминс. Все присутствующие немедленно принялись «гасить» мисс Примминс, которая, окутанная пламенем, была в конце концов завернута мистером Огастесом Биммом в каминный коврик и наконец потушена. Едва все уладилось, как произошло еще более ужасающее событие. Какое-то мгновение присутствующие наблюдали ноги мистера Когсби, балансирующие на подоконнике открытого окна, а в следующую секунду он исчез.

Доджсон «Месты Бруно»
и другие рассказы

Глава пятая

Все бросились к окну; наиболее наблюдательные заметили, что злосчастный мистер Когсби торчит в одной из цветочных клумб в перевернутом виде, дрожа как осиновый лист на ветру: судя по всему, несчастный джентльмен, объятый ужасом при виде несчастного случая, жертвой которого пала мисс Примминс, постепенно пятился от очага возгорания, пока в конце концов не выпятился из комнаты в той манере, которая была описана в предыдущей главе. Мистер Огастес Бимм мгновенно оказался на месте, выкорчевал полузадохнувшегося мистера Когсби и отнес на руках в дом, где препоручил материнской заботе его жены (на этот раз он не рискнул препоручить сего джентльмена ее бабушкиной заботе), и, поздравляя самого себя, возвратился в таком приподнятом состоянии к дымящейся мисс Примминс, которая от полноты чувств сразу сняла с себя свое (фальшивое) брильянтовое кольцо и взяла на себя смелость преподнести его мистеру Бимму с выражениями восхищения в знак своей искренней благодарности.

Замок Крангл

Когда среди возбужденных гостей постепенно воцарился порядок и миссис Когсби вернулась с приятным известием о том, что единственным результатом падения мистера Когсби явились одеревенение в области шеи и легкий приступ посттравматической эйфории, беседа продолжилась своим обычным ходом, и мисс Примминс, заняв свое место рядом с миссис Когсби, осмелилась попросить ее совета в отношении одного важного дела: она думает, сказала она, устроить небольшой вечер для детей через несколько дней, но *не совсем* уверена, как именно это сделать.

— Неужели? В самом деле думаете? — восторженно воскликнула миссис Когсби. — Какая прелесть! Что ж, я уверена, что окажу вам все возможное содействие. Я даже не буду возражать против того, чтобы вы одолжили у меня для этого случая милого Гагги, который, я уверена, станет душой всего мероприятия.

— Да нет, это не совсем то, — сказала мисс Примминс, нервно закашлявшись, чтобы скрыть внезапное замешательство, поскольку не предвидела подобного

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

предложения. Откровенно говоря, единственное, чего она хотела, так это избежать присутствия этого ненавидимого всеми дитяти. — Я, вообще-то, просила у вас не *его*, понимаете, миссис Когсби.

— Я знаю, что не просили, моя дорогая мисс Примминс, — сказала миссис Когсби, нежно кладя руку на ее предплечье, — ваша природная деликатность слишком велика, чтобы вы позволили себе попытаться разлучить мать с ее милым младенцем, как бы сильно вам этого ни хотелось. Но вряд ли мне стоит говорить, что я *полностью* уверена в вашей рассудительности и опыте и, не испытывая ни малейших колебаний, доверяю своего драгоценного ребенка вашему попечению, — нет, и никогда не испытывала бы колебаний, будь он хоть сотней Гагги!

Мисс Примминс передернуло от мысли о сотне Гагги, и она продолжила с несколько меньшей надеждой, чем ранее:

— Но вы ведь понимаете, миссис Когсби... я так нервничаю! И вообще... группа... детей... то есть я не хотела сказать, что... но... вы понимаете, что я имею в виду... собственно говоря... по этим причинам...

Замок Крандл

боюсь, что должна... отклонить... обще...
общество... в-вашего... драгоценного Гагги.

Глава шестая

— Моя дорогая мисс Примминс,—
сказала миссис Когсби,— я понимаю ваши
сомнения и, будьте уверены, поступлю
соответственно.

— Благодарю вас, благодарю,— ответила
взволнованная мисс Примминс.— Я уверена,
что вы меня понимаете... понимаете, что мне
хочется... что я, знаете ли... я не имела
в виду... но понимаете лучше, чем я смогла
бы выразить это сама.

— Да-да, я прекрасно вас понимаю,—
заверила миссис Когсби, и на этом обе дамы
расстались: одна из них направилась на поиски
мистера Огастеса Бимма, чтобы еще раз
заверить его, что она никоим образом
не пострадала, только испугалась, и что
чувство благодарности к нему сохранится в ее
сердце до последней минуты ее жизни; вторая
же, чтобы провести остаток вечера, похваляясь
перед своими гостями достижениями Гагги.

Задан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Наконец, благословенный день настал, и мисс Примминс, с дрожащими руками, лично приступила к украшению стола яствами, которые по ее намерению должны были создать впечатление пиршества у ее юных гостей. Ей помогала, точнее, мешала надменная служанка, которая постоянно ворчала на свою хозяйку, упрекая ее в невежестве и одновременно жалуясь на то, что от таких мероприятий одни только неприятности, и регулярно завершала фрагменты своих речей фразой: «Ну вот, я же вам говорила, дайте-ка лучше я это сделаю!», после чего выхватывала из ее рук тарелку или другой предмет сервировки. Постепенно, один за другим, начали приходить ее маленькие гости; робко поеживаясь, они останавливались в дверях, не решаясь войти.

— Как поживаете, мои милые? — говорила мисс Примминс. — Может быть, снимите свои капоры?

— Ну вот, давайте-ка лучше я это сделаю! — недовольным голосом перебивала ее горничная. Когда все собрались, мисс Примминс, испытывая радостные чувства,

Залок Крангл

уже было принялась считать головы, но тут дверь открылась и в комнату бодрым шагом прошествовал мастер Джордж Когсби.

Глава седьмая

«Ужасное зрелище»

Мастер Джордж Когсби, который, как уже известно читателю, с гордостью носил ласкающее слух прозвище Гагги, вошел в комнату, и мисс Примминс, на лице которой живо отобразилась самая сильная степень отвращения, встала, чтобы его поприветствовать.

— Мое *милое* дитя, — начала она, — я рада тебя видеть, как поживает твоя мамочка?

— Не знаю, — разумно ответило *милое* дитя, и мисс Примминс повернулась к остальным гостям со словами:

— Что ж, я надеюсь, вы все получите удовольствие. — И сопроводила фразу таким взглядом, который недвусмысленно говорил: «Но не думаю, что теперь у вас есть хоть малейший шанс!» Затем она занялась организацией игр, однако мастер Гагги

Э. Даддон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

не желал ничего делать, ни в чем принимать участия, но постоянно расхаживал по комнате, щипая гостей и наслаждаясь их визгом: наконец, он занял позицию возле самой мисс Примминс, которая наигрывала энергичную полку для оживления общей атмосферы.

Послушав с глубочайшим вниманием некоторое время, в течение какого периода он успел открутить три струны внутри пианино, Гагги вдруг спросил:

— Без этого музыка не выйдет, мисс Прим?

— Без чего, драгоценный мой?

— Если не оттопыривать щеку языком?

— Нет, любовь моя,— поспешно

ответила мисс Примминс и, поднявшись со стула, ретировалась в противоположный угол комнаты. После чего прелестный младенец продолжил изучать внутреннее устройство музыкального инструмента, закончив тем, что напрочь отломал педаль.

Наконец, после того как Гагги удалось вызвать у всех детей чувство полнейшего неудовольствия и бурные слезы у трех девочек, мисс Примминс решила, что пора пригласить их к чаю, который был подан в другой комнате. В самом центре стола стоял

Залок Крангл

чудесный торт: мисс Примминс раздала по большому куску всем гостям, а затем покинула комнату, чтобы принести вина. По возвращении она обнаружила, что оставшаяся половина торта исчезла.

— Джейн, — конфиденциальным шепотом спросила она, — что ты сделала с остальным тортом?

— Представьте себе, мэм, — последовал ответ таким же тихим шепотом, — представьте себе, мастер Когсби его съел!

Глава восьмая

«Час почти настал»

Мисс Примминс в ужасе повернулась к мастеру Когсби: рука младенца судорожно сжимала огромный кусок торта, щеки раздулись до предела, челюсти совершали вялые попытки прийти в движение. Испутив гневный вопль, мисс Примминс вышибла торт из его рук, схватила за волосы одной рукой и осыпала его спину градом тяжелых ударов, поставивших под угрозу немедленной кончины жизнь милого дитяти. Торт мгновенно

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

проскользнул в желудок младенца, и из его прекрасного ротика исторгся такой жуткий, неблагозвучный вопль, что все гости, заткнув уши, дабы не слышать этого ужасного рева, молниеносно вылетели из комнаты.

Мисс Примминс, не ослабляя хватки, стойко выдерживала это невероятное испытание в течение полных двадцати секунд, после чего, обнаружив, что рев, вместо того чтобы уменьшиться, становится еще хуже и постепенно набирает мощь, стремясь к кульминационной ноте, недостижимой даже для трех паровых двигателей, ревуших одновременно, она оставила свой пост и убежала наверх в салон, где спрятались остальные гости.

Даже там был хорошо различим голос Гагги, эхом гремевший по всему дому и заставлявший содрогаться стены. В качестве последнего средства мисс Примминс позвала горничную, выдала ей кувшин с водой и закричала в ухо, чтобы ее слова можно было расслышать сквозь какофонию:

— Будьте так любезны отнести этот кувшин в столовую и вылить его на мастера Когсби! — Горничная удалилась, и мисс

Залск Крандл

Примминс села, мысленно считая секунды, которые должны пройти, прежде чем горничная достигнет места назначения. «Сейчас, — думала она, — горничная на площадке второго этажа, а сейчас проходит мимо окна. Сейчас она в зале, к этому моменту, должно быть, уже подошла к двери в столовую, а сейчас...» Пока она это думала, рев стал постепенно утихать и компания начала надеяться, что вскоре он и вовсе прекратится, но, как только мисс Примминс достигла указанной точки в своих расчетах, дом содрогнулся сверху донизу, и в ее ушах громыхнул такой неожиданный и непередаваемо ужасный рев, который можно сравнить лишь с взрывом крупного порохового завода, набитого целым зоопарком диких зверей. Пятеро из присутствующих упали в обморок на месте; остальные, скорчившись на полу, вцепились друг в друга в немом и мучительном ужасе, а когда последнее эхо жуткого звука замерло вдали, единственное, что нарушало молчание, было рваное дыхание перепуганной до смерти мисс Примминс. Наступившая затем тишина была почти такой же пугающей, как и рев,

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

и мисс Примминс, едва придя в себя, на дрожащих ногах поспешила вниз, где обнаружила Гагги, значительно расстроенного, но вполне тихого, который стоял возле стола с открытым ртом, мокрый, как утонувшая крыса. На полу стоял пустой кувшин, а возле него растянулась потерявшая сознание несчастная горничная.

Глава девятая

На следующий день мисс Примминс покинула свой дом, а несколько месяцев спустя миссис Когсби получила пару свадебных открыток и кусок свадебного торта от «Мистера и миссис Бимм».

FINIS*

* Конец (лат.).

Глава первая

Еще до того, как взошло солнце, барон уже два нескончаемых часа расхаживал по своим гобеленовым покоем. Время от времени он останавливался у открытого окна и бросал взгляд с головокружительной высоты на раскинувшуюся внизу землю. В эти мгновения суровая улыбка озаряла его угрюмое чело, и, бормоча себе под нос «сгодится» с приглушенным акцентом, он снова продолжал свою одинокую прогулку.

Воссияло яркое солнце и осветило темный мир светом дня, но надменный барон продолжал мерить шагами свои покои, только

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

шаг его стал торопливее и нетерпеливее, чем раньше, и не однажды он застывал в неподвижности, обеспокоенно и чутко прислушиваясь, затем разворачивался с разочарованным видом, и по челу его пробегала мрачная тень. Вдруг пронзительно завизжала труба, висевшая у ворот замка; барон услышал ее и, яростно колотя себя в грудь сжатыми кулаками, пробормотал горьким шепотом: «Час близится, я должен собраться с духом для решительных действий». Затем, бросившись в мягкое кресло, он поспешно опрокинул в себя содержимое большого кубка с вином, который стоял на столе, и тщетно попытался принять невозмутимый вид. Дверь неожиданно распахнулась, и слуга торжественно объявил: «Синьор Блоуски!»

— Прошу вас, садитесь! Синьор, сим утром вы раненько пришли ко мне... Эй, Алонзо! Принеси синьору вина! Хорошенько сдобри его пряностями, мой мальчик! Ха-ха-ха! — и барон громко и шумно засмеялся, но смех его был вымученным и порожным. Тем временем гость, который до сих пор не промолвил ни слова, аккуратно снял с себя

Трость судьбы

шляпу и перчатки и сел напротив барона, после чего, подождав, пока затихнет смех, заговорил резким, скрипучим голосом.

— Барон Магзвиг приветствует вас и шлет вам вот это. — Но почему лицо барона вдруг побледнело? Отчего задрожали его пальцы, да так, что он едва смог вскрыть письмо? Он мельком взглянул на лежавший внутри листок и сразу же снова поднял голову.

— Отведайте вина, синьор, — произнес он странно изменившимся голосом, — угощайтесь, прошу вас, — и протянул гостью один из кубков, которые только что принес слуга.

Синьор принял его с улыбкой, приложился к нему губами и затем, тихо и незаметно от барона поменяв кубки, одним глотком осушил второй кубок наполовину. В этот момент барон Слогдод поднял голову, проследил, как гость пьет, и лицо его оскалилось волчьей улыбкой.

В течение целых десяти минут в комнате царила мертвая тишина, а потом барон сложил письмо и поднял голову: их глаза встретились; синьору множество раз приходилось сталкиваться с диким тигром на узкой тропе и выходить победителем,

Эдгар

«Месть Бруно»
и другие рассказы

но сейчас он невольно отвел взгляд. Затем барон заговорил спокойным и сдержанным голосом:

— Я полагаю, вам известно содержание сего письма? — Синьор кивнул. — И вы ожидаете ответа?

— Ожидая.

— Тогда *вот* вам мой ответ! — закричал барон, бросаясь на него, и в следующее мгновение швырнул его в открытое окно. В течение нескольких секунд он задумчиво следил за его падением, а потом, разорвав лежавшее на столе письмо на бесчисленное количество клочков, развеял их по ветру.

Глава вторая

— Раз! два! три! — Чародей поставил бутылку и в изнеможении опустился в кресло. — Девять изнурительных часов, — вздохнул он, вытирая дымящийся лоб, — девять изнурительных часов я трудился над этим и добрался лишь до восьмьсот тридцать второго ингредиента! Ну что ж! Воистину, сдается мне, что Мартин Вагнер прописал в своем рецепте по три капли всего, что

Трость судьбы

существует на свете. Однако осталось добавить лишь сто шестьдесят восемь ингредиентов. Скоро это будет сделано, тогда наступит черед кипячения, и потом... — Разговор с самим собой был прерван тихим, робким стуком снаружи.

— Так стучит Блоуски, — пробормотал старик, медленно отодвигая засовы и замки на двери. — Ума не приложу, что *его*-то сюда принесло в столь поздний час. Он птица, несущая дурной знак: я так не доверяю его хищному лицу.

— Это вы! Какими судьбами, синьор? — воскликнул он, удивленно отпрянув при виде входящего гостя. — Откуда у вас синяк под глазом? И поистине ваше лицо переливается, словно какая-то радуга! Кто вас оскорбил? Или, скорее, — добавил он себе под нос, — кого вы оскорбили, ибо это вернее всего.

— Не обращайтесь внимания на мое лицо, добрый отче, — поспешно ответил Блоуски, — я всего лишь споткнулся и упал, возвращаясь домой прошлой ночью в темноте, вот и все, уверяю вас. Но я пришел не по второму делу... мне нужен совет... или, скорее, следовало бы сказать, я хотел бы

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

услышать ваше мнение... по другому вопросу... предположим, что один человек должен... предположим, два человека... предположим, что есть два человека, А и Б...

— Предположим, предположим! — презрительно пробормотал чародей.

— ...И предположим, что эти люди, добрый отче, то есть А должен вручить Б письмо, затем, предположим, А читает письмо, то есть Б, и затем Б пытается... я хочу сказать, А пытается... отравить Б... я хочу сказать, А... и затем, предположим, что...

— Сын мой, — перебил его в этом месте старец, — вы излагаете гипотетический случай? Сдается мне, что вы излагаете его в на удивление запутанной манере...

— Ну *разумеется*, это гипотетический случай, — грубо оборвал его Блоуски, — и, если бы вы послушали меня, вместо того чтобы перебивать, сдается мне, вы бы лучше в нем разобрались!

— Продолжай, сын мой, — мягко ответил старец.

— И затем предположим, что А... то есть Б... выбрасывает А из окна... или, скорее, — добавил он в заключение, и сам к этому

Трость судьбы

моменту несколько запутавшись, — или, скорее, мне следовало бы сказать наоборот. — Старец потерял бороду и на некоторое время погрузился в размышления.

— Так-так, — наконец вымолвил он, — понимаю, А... Б... то да се... Б отравил А...

— Нет! Нет! — вскричал синьор. — Б *пытается* отравить А, на самом деле ему это не удалось — я поменял местами... я хочу сказать, — поспешно добавил он, покрываясь краской, — вы должны предположить, что на самом деле ему этого не удалось.

— Так, — продолжил чародей, — *теперь* — то все ясно: Б... точнее, А... но какое все это имеет отношение к вашему избитому лицу? — неожиданно закончил он.

— С...совершенно ник...какого, — запинаясь, пробормотал Блоуски. — Я же вам уже один раз сказал, что повредил лицо при падении с лошади...

— А! Ну ладно! Давайте-ка поглядим, — тихо произнес его собеседник, — значит, споткнулся в темноте... упал с лошади... гм! гм!.. да, мой мальчик, *вот ты и допрыгнулся*, должен заметить, — и продолжил более

Дэвидсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

громко: — Это уже было лучше... но, честно говоря, я еще не знаю, в чем состоит вопрос.

— Ну как, в чем? В том, как теперь следует поступить Б, — ответил синьор.

— Но кто такой Б? — поинтересовался чародей. — Б — это что, первая буква фамилии Блоуски?

— Нет, — последовал ответ, — я имел в виду А.

— А-а-а! — протянул чародей, — теперь я понимаю... но поистине мне нужно время, чтобы над этим подумать, поэтому адью, прекрасный сэръ, — и, отворив дверь, он внезапно выпроводил своего гостя на улицу.

— А теперь, — сказал он самому себе, — займемся составом... так, посмотрим... три капли... да, мой мальчик, *вот ты и допрыгался...*

Глава третья

Часы пробили двенадцать и три минуты с четвертью. Лакей барона поспешно схватил огромный кубок и в ужасе заохал, наполняя его горячим, приправленным пряностями вином.

Трость судьбы

— Я опоздал! — мучительно простонал он, — и теперь наверняка мне придется отведать раскаленной кочерги, которой барон так часто мне грозит. О, горе мне! Ах, если бы я приготовил ужин для барона пораньше! — И, не теряя ни секунды, он схватил рукой окутанный паром кубок и пронесся по высоким коридорам со скоростью беговой лошади. За гораздо меньшее время, чем нам понадобилось, чтобы об этом поведать, он достиг двери в комнату барона, открыл ее и... замер, подавшись всем телом вперед и вытянувшись на носках, не осмеливаясь и шагу ступить и окаменев от чрезвычайного изумления.

— Ну что там, осел? — заревел барон. — Почему ты стоишь, выпучив глаза, как огромная лягушка в апоплексическом припадке? (Барон замечательно умел подбирать сравнения.) Что с тобой? Говори! Ты что, онемел?

Несчастный слуга предпринял отчаянную попытку заговорить и наконец выдал из себя:

— Благодный сэръ!..

Л. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Очень хорошо! Замечательное начало! — одобрил барон более довольным тоном, ибо любил, когда его называли «благородным». — Продолжай! Не ждать же тебя целый день!

— Благородный сэръ, — заикаясь, пролепетал встревоженный слуга, — а где... где... вообще... ваш гость?

— Ушел! — твердо и непререкаемо ответил барон, произвольно указывая большим пальцем себе за спину. — Ушел! Ему нужно было отдавать и другие визиты, поэтому он *снизошел* и отправился их отдавать... а где мое вино? — внезапно поинтересовался он, и слуга с радостью вручил ему кубок и вышел из комнаты.

Барон одним глотком осушил кубок и подошел к окну. Его недавнюю жертву нигде не было видно, но барон, задумчиво уставившись на то место, куда упал синьор, пробормотал с безжалостной улыбкой: — Сдается мне, я вижу вмятину на земле. — В этот момент мимо прошла загадочного вида фигура, и барон, глядя ей вслед, невольно подумал: «Интересно, кто бы это мог быть!» — Он долго смотрел в сторону удаляющихся

Трость судьбы

шагов, и в голове его была только одна мысль: «Нет, ну все-таки, интересно, кто бы это мог быть!»

Глава четвертая

Опустилось за горизонт западное солнце, и сумерки уже воровской тенью крались по земле, когда второй раз за день загудела труба, висевшая у ворот замка. И снова уставший слуга поднялся в покои своего господина, но на этот раз он сопровождал совершенно нового посетителя:

— Мистер Мильтон Смит! — Барон поспешно поднялся с кресла, услышав нежеланное имя, и шагнул вперед, чтобы встретить гостя.

— Сердечные поклоны, благородный сэръ! — начал прославленный гость напыщенным голосом и тряхнул головой. — Мне случилось услышать ваше имя, и я принял твердое решение посетить вас и узреть до наступления ночи!..

— Что ж, прекрасный сэръ, надеюсь, вы удовлетворены зрелищем, — перебил его барон, желая прекратить разговор, которого

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

он не понимал и который был ему не по нраву.

— Оно радует меня,— последовал ответ,— более того, настолько, что я мог бы пожелать продлить удовольствие, ибо присутствует Жизнь и Правда в тех тонах, которые напоминают мне сцены прежних дней...

— В самом деле? — осведомился барон, в значительной степени озадаченный.

— Воистину,— отозвался его собеседник.— И сейчас мне вспоминается,— продолжил он, подходя к окну,— что я также желал посмотреть на окрестности; они прекрасны, не правда ли?

— Очень прекрасные окрестности,— подтвердил барон, добавив про себя: «А я бы желал, чтобы ты находился отсюда подальше!»

Гость несколько минут стоял, задумчиво глядя в окно, после чего произнес, неожиданно повернувшись к барону:

— Вам, должно быть, известно, прекрасный сэръ, что я поэт!

— Да что вы? — воскликнул тот.— Умоляю вас, скажите, что же нам теперь делать?

Трость судьбы

Мистер Мильтон Смит не ответил, но продолжил свои наблюдения.

— Видите, мой гостеприимный хозяин, тот восторженный ореол, что окружает ваш безмятежный луг?

— Живую изгородь, вы имеете в виду? — довольно презрительно заметил барон, подходя к окну.

— Мой ум осязает в сей картине некую границу... и стремление... к... тому, что есть Истина и Красота в Природе, и... и... разве вы не замечаете роскошной безыскусности — я хочу сказать, величественности, от которой прямо чем-то веет... и как бы перемешивается с растительностью — этой, как ее... травой?

— Перемешивается с травой? А! вы имеете в виду лютики? — сказал барон. — Да, они создают весьма приятный эффект.

— Простите меня, — промолвил мистер Мильтон Смит, — я имел в виду не это, а... впрочем, пожалуй, мне лучше воспеть это в стихах!

Прелестный луг, дар золотых провинций,
Сияет под лазурным небом,
Где средь фиалок отдыхают ...

— «Проходимцы», — подсказал барон.

Э. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Проходимцы?! — повторил поэт, уставившись на него в изумлении.

— Да, проходимцы, бродяги, понимаете ли, цыгане, — холодно пояснил хозяин, — они очень часто спят там на лугу.

Жрец вдохновения пожал плечами и продолжил:

— «Где среди фиалок отдыхают жницы».

— Жницы и вполнину так хорошо не рифмуются, как проходимцы, — возразил барон.

— Тут уж я ничего не могу поделать, — последовал ответ. — «И тихо шепчут...»

— «Дайте хлеба!» — сказал барон, завершая вместо него строку. — Итак, одна строфа закончена, и теперь я должен пожелать вам спокойной ночи; добро пожаловать в кровать, так что, когда закончите воспевать окрестности, позвоните в колокольчик и слуга покажет вам, где лечь.

— Спасибо, — ответил поэт, и барон вышел из комнаты.

— ...И тихо шепчут: «Он волшебен»...
О! Получилось, — продолжил поэт, когда дверь закрылась, после чего, высунувшись из окна, тихо свистнул. Из кустов немедленно

Трость судьбы

появилась загадочная фигура в плаще
и произнесла шепотом:

— Получилось?

— *Получилось*,— ответил поэт.—

Я отослал старикана в постель, уморив его
образчиком твоей поэзии, и, кстати, я чуть
было не забыл тот стишок, которому ты меня
научил, и едва не угодил в *такой* переплет!
Как бы там ни было, теперь берег чист, так
что гляди в оба.— Фигура достала из-под
плаща веревочную лестницу, которую поэт
принялся тащить вверх.

Глава пятая

ЧИТАТЕЛЬ! Осмелишься ли ты еще раз
войти в пещеру великого Чародея? Если сердце
твое не преисполнено отваги, воздержись:
не читай дальше. Высоко в воздухе висели
силуэты двух черных кошек; между ними была
сова, сидящая на омерзительной гадюке,
которая парила в полумраке сама по себе.

Пауки ползали по длинным седым
волосам великого астролога, когда он писал
золотыми буквами ужасное заклинание
на волшебном свитке, свисавшем изо рта

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

смертельно ядовитой гадюки. Странная фигура, похожая на оживленную картофелину с руками и ногами, зависла над волшебным свитком и, похоже, читала слова вверх тормашками. Чу!

Пронзительный крик прокатился по пещере от стены к стене, пока не затих в ее каменных сводах. Ужас! И все-таки сердце чародея не дрогнуло, только мизинец слегка дернулся три раза, и один из его седых волосков поднялся из копны волос, выпрямившись от страха; еще один последовал бы его примеру, но на нем висел паук и волосок остался на месте.

Вспышка таинственного света, черного, как самое черное-черное дерево, теперь заполнила всю пещеру, и в его мгновенном проблеске видно было, как сова моргнула один раз. Мрачное знамение! Не зашипела ли поддерживающая ее змея? О нет! Это было бы слишком ужасно! В глубокой мертвой тишине, которая последовала за этим волнующим событием, был отчетливо различим одинокий чих, который издала левая кошка. Отчетливо. Теперь чародей и *впрямь* задрожал.

Трость судьбы

— Мрачные духи бездонной бездны! — пробормотал он таким запинаящимся голосом, словно его старческие конечности вот-вот ему откажут. — Я не звал тебя: почему же ты явилась?

И картофелина ответила ему глухим голосом: — Ты звал! — И наступила тишина.

Чародей в ужасе отшатнулся. Что! Чтобы тебе бросила вызов какая-то картошка! Ни за что! Он в тоске ударил кулаком в немощную грудь и затем, собравшись с силами, закричал:

— Попробуй вымолвить еще хоть слово, и я тебя сразу же сварю! — Наступила зловеющая пауза, длинная, неясная и загадочная. Что же будет? Картофелина громко всхлипнула, и было слышно, как ее крупные льющиеся струями слезы тяжело хлюпают о каменистый пол. Затем медленно, отчетливо и жутко прозвучали ужасные слова: «Гбно стродгол слок слаболго!» и затем низкий шипящий шепот: «Пора!»

— Загадка! Страшная загадка! — простонал охваченный ужасом астролог. — Русский боевой клич! О Слогдог! Слогдог! Что же ты наделал? — Он стоял, замерев

Э. Даддон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

в ожидании, трепеща; но его ухо не улавливало ни звука; ничего, кроме беспрестанной капли далекого водопада. Наконец, какой-то голос произнес: «Сейчас», и сразу же правая кошка с тяжелым глухим звуком свалилась на землю. Потом появился Ужасный Силуэт, неясно маячивший в темноте: он приготовился заговорить, но всеобщий крик «штопоры!» эхом пронесся по пещере, три голоса одновременно закричали «да!», и воссиял свет. Слепящий свет, такой сильный, что чародей, содрогнувшись, закрыл глаза и сказал:

— Это сон, о, значит, я могу в любой момент проснуться! — Он поднял голову, и пещера, Силуэт, кошки — все исчезло: перед ним не осталось ничего, кроме волшебного свитка и пера, палочки красного сургуча и зажженной восковой свечи.

— Августейшая картофелина! — пробормотал он. — Я повинуюсь твоему могущественному голосу. — Затем, запечатывая сургучом таинственный свиток, он позвал посыльного и наказал ему: — Поспеши, если тебе дорога жизнь, гонец! Поспеши! поспеши! если дорога жизнь,

Трость судьбы

гонец! поспеши! — были последние слова, эхо которых испуганный посыльный слышал в своих ушах, пуская коня во весь опор.

После чего, испутив тяжелый вздох, великий чародей вернулся в мрачную пещеру, глухо бормоча:

— А теперь займемся жабой!

Глава шестая

— Ш-ш! Тихо! Барон почивает! — Двое, шаркая ногами, пытаются сдвинуть с места железный ящик. Он очень тяжел, и у них дрожат колени, частично из-за тяжести, отчасти от страха. Барон храпит, и они оба вздрагивают; ящик грохает об пол, нельзя терять ни секунды, они поспешно покидают комнату. Трудно, очень трудно было вытащить ящик из окна, но в конце концов это им удалось, хотя при этом им не удалось избежать шума, которого хватило бы, чтобы разбудить десять обычных спящих людей: к счастью для них, барон был *необычным* спящим.

На безопасном расстоянии от замка они поставили ящик и начали взламывать

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

крышку. Четыре изнурительных часа мистер Мильтон Смит и его таинственный спутник в поте лица трудились над ящиком: на восходе солнца крышка наконец подалась и слетела, производя грохот, который был хуже взрыва пятидесяти пороховых погребов и был слышен на многие мили окрест. От этого звука барон соскочил со своего ложа и чрезвычайно возбешенно зазвонил в колокольчик; снизу прибежал испуганный слуга, который впоследствии дрожащим голосом поведал своим товарищам, что «Его Честь был явно расстроен и гонялся за ним с кочергой в еще более дикой ярости, чем обычно!».

Но вернемся к нашим двум авантюристам: как только они очнулись от обморока, в котором они очутились вследствие взрыва, то немедленно приступили к изучению содержимого ящика. Заглянув внутрь, мистер М. Смит глубоко вздохнул и вскричал:

— Ну вот! Чтоб меня!

— Ну вот! Чтоб вас! — сердито повторил второй. — Какой прок продолжать таким образом? Просто скажите, что в ящике, и не стройте из себя осла!..

— Мой дорогой друг! — перебил поэт. — Я клянусь честью...

Трость судьбы

— Да я и двух пенсов не дал бы за вашу честь! — парировал его приятель, в бешенстве выдирая вокруг себя пригоршни травы. — Дайте мне то, что лежит в ящике, это гораздо ценнее.

— Да, но вы не хотите меня выслушать, а я как раз собирался вам сообщить, что в ящике вообще ничего нет, кроме какой-то трости! И это факт; если вы мне не верите, подойдите и посмотрите сами!

— Не смейте мне это говорить! — закричал его спутник, вскакивая на ноги; все летаргическое оцепенение спало с него в мгновение ока. — Наверняка там не только трость!

— Я же говорю вам, только трость! — довольно угрюмо повторил поэт, вытягиваясь на траве.

Однако второй самолично перевернул ящик и осмотрел его со всех сторон, прежде чем убедился, что в нем больше ничего нет, после чего, небрежно вращая указательным пальцем трость, начал:

— Я полагаю, нет смысла нести барону Магтзвигу *это*? Это было бы совершенно бессмысленно.

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Ну, я не знаю, — с некоторым сомнением отвечал поэт, — может, и не совершенно... он ведь не сказал, что надеялся там най... .

— Я это знаю, осел! — нетерпеливо перебил его второй. — Но не думаю, что он надеялся найти трость! Если бы это было так, по-твоему, он дал бы нам по десять долларов каждому, чтобы мы устроили это дело?

— Могу точно сказать, что ответ мне неизвестен, — пробормотал поэт.

— Что ж, тогда поступай, как хочешь! — сердито произнес его спутник и, швырнув в него трость, поспешил прочь.

Никогда еще рыцарь плаща и шляпы не швырялся такой хорошей возможностью заработать целое состояние! В двенадцать часов того же дня барону Магзвигу сообщили о прибытии гостя, и наш поэт, войдя, отдал ему трость. Глаза барона вспыхнули радостью, и, поспешно вложив большой кошель с золотом в руку поэта, он сказал:

— Адью, мой дорогой друг! Вы еще услышите обо мне! — И затем бережно запер трость, бормоча под нос: — Теперь осталась только жаба!..

Трость судьбы

Глава седьмая

Барон Магтзвиг был толст. Автор этих скромных строк далек от того, чтобы намекать, что его толщина выходила за рамки принятых пропорций или представлений о мужественной красоте, но он явно был толст, и относительно сего факта нет и тени сомнения. Возможно, именно благодаря сей толщине тела, в благородном бароне временами замечалась также некоторая толстость и тупость интеллекта. В своем обычном разговоре он был, мягко говоря, туманен и неясен, но после обеда или когда барон был совсем возбужден, его речь явно отличалась сильной несвязностью. Возможно, причиной этому было обильное использование вводных предложений без четкой паузы, которая отмечала бы различные клаузы предложения. Он, как правило, считал свои аргументы неопровержимыми, и они настолько озадачивали его слушателей и ввергали в такое состояние растерянности и изумления, что редкие из них решались хотя бы попытаться на них возразить.

Э. Доджсон

«Местить Бруно»
и другие рассказы

Однако обычно через некоторое время после начала беседы он восполнял то, чего речам не хватало с точки зрения ясности, и именно по этой причине его гостям в то утро, о котором мы говорим, пришлось три раза протрубить в трубу у ворот, прежде чем их пустили, поскольку в тот момент его слуга прослушивал лекцию своего хозяина, предположительно имевшую отношение к вчерашнему ужину, но, благодаря легким чужеродным вкраплениям, оставившую в рассудке слуги смешанное впечатление. Ему показалось, что хозяин отчасти бранил его за то, что тот не следил более строго за торговлей рыбой, отчасти излагал свои собственные личные воззрения на спекуляцию железнодорожными акциями, и отчасти жаловался на плохую организацию финансового дела на Луне.

Если учесть такое настроение ума, неудивительно, что первым ответом слуги на вопрос: «А дома ли барон?» оказалось: «За рыбу, сэр, отвечает повар, я к ней не имел никакого отношения», каковое утверждение по краткому размышлению он сразу же исправил на: «Поезд опоздал,

Трость судьбы

поэтому вино никак нельзя было подать быстрее».

— Этот тип явно сошел с ума или пьян! — рассерженно воскликнул один из незнакомцев — не кто иной, как таинственный человек в плаще.

— Это не так, — ответил тихий голос, и великий чародей выступил вперед. — Однако позвольте мне расспросить его... Эй! приятель! — продолжал он уже погромче. — А дома ли твой хозяин?

Слуга какое-то мгновение смотрел на него, словно во сне, а потом вдруг, придя в себя, ответил:

— Прошу извинения, жентельмены, барон дома: не будете ли любезны войти? — и с этими словами повел их вверх по лестнице.

Войдя в комнату, они низко поклонились, и барон, вскакивая с кресла, воскликнул с необычной поспешностью:

— И даже если вы явились сюда по поручению Слогдога, этого сумасшедшего негодяя, а я уверен, что частенько говаривал ему...

— Мы явились, — прервал его Чародей, — чтобы удостовериться...

Эдгар Аллан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Да,— продолжал возбужденный барон,— множество раз, да, множество раз я говаривал ему, и вы можете верить мне или не верить, как вам угодно, ибо хотя...

— Чтобы удостовериться,— настаивал Чародей,— имеете ли вы у себя, и если имеете...

— И тем не менее,— перебил Магзвиг,— он всегда это делал, и, как он, бывало, говорил, если...

— И если имеете,— заорал человек в плаще, отчаявшись в том, что Чародею удастся договорить до конца фразу,— то узнать, каковы ваши пожелания в отношении синьора Блоуски.— Сказав это, они отступили на несколько шагов и стали ожидать ответа барона, а хозяин без дальнейших промедлений произнес следующий замечательный спич:

— И хотя у меня нет желания провоцировать враждебность, которую, учитывая те провокации, которые я получил, и, в самом деле, если вы их взвесите, они больше, чем любой смертный, а тем более барон, ибо давным-давно известно, что наш фамильный нрав превосходит даже тот, чем

Трость судьбы

вряд ли могла бы похвастаться даже сама королевская семья, принимая во внимание также, что он такое долгое время держал, чего я бы и не узнал, если бы этот мошенник Блоуски не сказал, и как он мог заставить себя распространять все те лживые измышления, я представить себе не могу, ибо я всегда считал его вполне честным, и, разумеется, желая, если это возможно, доказать его невиновность и получить трость, поскольку это совершенно необходимо в таких делах, и, прося у вас извинения, я считаю жабу и всю эту чушь полным надувательством, но это между нами, и даже когда я послал за ней двух своих бандитов и один из них принес ее мне вчера, за что я дал ему кошель с золотом, и, я надеюсь, он был благодарен за это, и, хотя пользование услугами бандитов во все времена и особенно в данном случае, если вы сами подумаете, но даже несмотря на кое-какие любезности, которые он мне оказал, хотя я сказал бы, в этом что-то было, и, между прочим, возможно, именно по этой причине он выбросился, я хочу сказать, выбросил себя из окна, ибо... — тут он запнулся, видя, что

Слодгод «Месть Бруно»
и другие рассказы

его гости в отчаянии покинули комнату.
Теперь же, Читатель, приготовься
к последней главе.

*Глава восьмая
и последняя*

Стояла полная тишина. Барон Слогдог сидел в зале своих предков, на своем баронском троне, но на его челе не было обычного выражения спокойной удовлетворенности: в нем чувствовалось неуютное беспокойство, которое указывало, что его разум встревожен, но почему же? Тесно набившись, в зале вокруг, настолько плотно втиснутые вместе, что напоминали один огромный океан без пробела или пустоты, сидели семь тысяч человеческих существ: все глаза были устремлены на барона, каждый вздох был затаен в жадном ожидании, и он чувствовал, он ощущал в самой глубине своего сердца, хотя и тщетно пытался скрыть свою обеспокоенность под натянутой и неестественной улыбкой, что вот-вот должно произойти нечто ужасное. Читатель!

Трость судьбы

Если твои нервы не крепки как сталь,
не переворачивай эту страницу вовсе!

Перед креслом барона стоял стол: что же находилось на нем? Это хорошо знали трепещущие толпы, когда, бледные и трясущиеся от страха, они смотрели на нее, и отшатывались от нее, даже когда смотрели: безобразная, кривобочая, отвратительная и ужасная, сидела она, с большими тусклыми глазами и раздутыми щеками, — волшебная жаба!

Все боялись ее и испытывали к ней отвращение, кроме одного барона, который, время от времени стряхивая с себя свои мрачные размышления, поднимал ногу и угощал ее игривым пинком, на который она не обращала ни малейшего внимания. Он не боялся ее, нет, более глубокие ужасы владели его разумом и затуманивали его чело тревожными мыслями.

Под столом скрючилась дрожащая масса, настолько жалкая и пресмыкающаяся, что едва ли сохраняла форму, свойственную человеческому существу: никто не обращал на нее внимания, и никто не испытывал к ней жалости.

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

И тогда заговорил Чародей:

— Человек, которого я обвиняю, если он
и в самом деле человек, — это... Блоуски!

При этом слове съежившаяся фигура
поднялась и открыла охваченному ужасом
собранию хорошо известное хищное лицо: он
открыл рот, собираясь заговорить, но ни
звука не исторглось из его бледного
и трясущегося рта... торжественная тишина
воцарилась вокруг... Чародей поднял трость
судьбы и вибрирующим голосом произнес
роковые слова:

— Трусливый мерзавец! заблудший
нечестивец! получи то, чего заслуживаешь!..

Блоуски молча осел на землю... груды
картофельного пюре... шаровидная форма,
тускло вырисовывшаяся в темноте... Он
коротко взвыл, затем все замерло. Читатель,
наш рассказ окончен.

Вильгельм
фон Шмиц

Глава первая

«И так было все время».
(Старая пьеса)

Душный яркий свет полудня уже уступал место прохладе безоблачного вечера, и убаюканный океан с тихим рокотом омывал причал, навевая поэтическим умам мысли о движении и омовении, когда сторонний наблюдатель мог заметить двух путников, приближавшихся к уединенному городку Уитби по одной из тех крутых тропинок, удостоенных названия «дорога», которые вели в этот населенный пункт и которые, вероятно, прокладывали, взяв за модель сточную трубу, уходящую в бочку для дождевой воды.

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Старший из двоих был желтолицый, измученный заботами мужчина; черты его лица были украшены тем, что часто на расстоянии можно ошибочно принять за усы, и затенены бобровой шапкой сомнительного возраста и того вида, который если и не назовешь респектабельным, то, по крайней мере, почтенным. Более молодой, в котором проницательный читатель уже узнал героя моего рассказа, обладал фигурой, которую, однажды увидев, вряд ли забудешь: легкая склонность к тучности казалась лишь пустяковым недостатком на фоне мужественной плавности ее очертаний, хотя строгие каноны красоты, возможно, требовали бы несколько более длинной пары ног, дабы сохранить пропорции его силуэта, и несколько большей симметричности глаз, чем дала ему природа. Тем не менее для тех критиков, которые не связаны ограничениями законов хорошего вкуса, — а таковых множество — для тех, кто мог бы закрыть глаза на дефекты его фигуры и выделить ее красоты, — хотя и мало нашлось тех, кто был способен выполнить эту задачу, — для тех, кто знал и ценил его личные качества и верил, что сила его ума превосходила силу ума его

Виллогелом фон Шмиц

современников, — хотя, увы! таковых до сих пор не нашлось, — для тех он был Аполлоном.

Впрочем, разве мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что его волосы слишком уж лоснились, а руки слишком редко прикасались к мылу? Что его нос был слишком задран вверх, а воротничок рубашки слишком завернут вниз? Что на его усах алая весь румянец с его щек, за исключением маленького кусочка, который осыпался на жилет? Такая тривиальная критика была недостойна внимания любого, кто претендовал на высокое звание знатока.

При крещении сей юноша получил имя Уильям, а фамилия его отца была Смит, но, хотя он представлялся во многих высших кругах в Лондоне импозантным именем «мистер Смит из Йоркшира», к несчастью, ему не удалось привлечь ту долю общественного внимания, какой он, по его мнению, заслуживал. Некоторые спрашивали его, насколько длинна его родословная; у других хватало низости намекать, что его положение в обществе было не вполне уникальным; в то время как саркастические вопросы третьих касались потенциального наличия аристократических корней, на которые,

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

предположительно, он собирался заявить права. Все это пробудило в груди молодого человека, исполненного духом благородства, стремление к обретению такого высокого рождения и связей, в которых отказала ему злобная Фортуна.

Посему у него возникла эта фантазия, которую, возможно, в данном случае следует рассматривать просто как поэтическую вольность, представляться звучным именем, стоящим в заглавии этой истории. Этот шаг способствовал большому росту его популярности, причем сие обстоятельство его знакомые совершенно прозаично сравнивали с фальшивым совершеном в новой позолоте. Сам же он предпочитал более приятное описание: «...фиалка бледная, что наконец открыта в долине, мхом поросшей, и рождена, чтоб за одним столом сидеть с монархами»: хотя, согласно общим представлениям, фиалки обычно для этого не очень приспособлены по своей конституции.

Путешественники, каждый из которых был погружен в собственные мысли, шагали вниз по склону в полной тишине, за исключением моментов, когда необычно острый камень или неожиданная рывтина

*Виллогелм
фон Шмиц*

на дороге вызывали один из тех
непроизвольных вскриков боли, которые
столь триумфально демонстрируют связь
между Сознанием и Материей. Наконец,
молодой путешественник, с трудом
очнувшись от своих болезненных мечтаний,
прервал размышления своего спутника
внезапным вопросом:

— Как думаешь, она сильно изменится?
Я полагаю, что нет.

— Думаю, кто? — язвительно ответил
второй, затем поспешно поправился и, как
человек, обладающий тонким чувством
грамматики, выразился более корректно: —
Кто эта «она», о которой ты говоришь?

— Так, значит, ты забыл, — спросил
молодой человек, который был в душе
настолько большим поэтом, что никогда
не говорил обычной прозой, — ты забыл
о том предмете, о котором мы только что
беседовали? Поверь мне, она поселилась
в моих думах с тех самых пор.

— Только что! — отозвался саркастическим
тоном его приятель. — Да прошел добрый час
с тех пор, как ты открывал рот последний раз.

Молодой человек согласно кивнул.

Задан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Час? Верно, верно. Мы проходили Лит, как мне сдается, и тихо на ухо тебе я бормотал тот трогательный сонет к морю, который написал я так недавно, начинавшийся: «Твои ревущие, храпящие, вздымающиеся, скорбящие просторы, что...»

— Имей же милосердие! — прервал его второй, и в его умоляющем голосе прозвучала неподдельная искренность, — только не начинай снова! Я это уже один раз выслушал с величайшим терпением.

— Ты выслушал, выслушал, — расстроено подтвердил поэт. — Что ж, тогда она снова станет темой моих мыслей. — Тут он нахмурился и закусил губу, бормоча себе под нос такие слова, как «муки», «руки» и «брюки», словно пытаясь подобрать рифму к какому-то слову. Теперь пара проходила около моста, и слева от них стояли лавки, а справа была вода; а снизу доносился неразборчивый гул голосов, и дующий со стороны моря бриз приносил аромат из вздымающихся в бухте вод, неясно намекающий на соленую сельдь и другие всевозможные вещи, а легкий дымок, который изящной струйкой вилял над

Виллогелом
фон Шмиц

крышами домов, вызывал в голове
одаренного юноши лишь поэтические мысли.

Глава вторая

«Возьмем меня, к примеру».
(Старая пьеса)

— Но раз уж мы о ней заговорили, — продолжил беседу человек прозы, — как ее зовут? Ты ведь мне этого еще не говорил. — Легкий румянец пробежал по не лишенным привлекательности чертам юноши; неужели ее имя было непоэтично и не соответствовало его представлениям о природной гармонии? Он заговорил неохотно и неразборчиво.

— Ее зовут, — слабо выдохнул он, — Сьюки.

Единственным ответом был протяжный тихий свист; путешественник постарше отвернулся, засунув руки поглубже в карманы, а несчастный юноша, чьи нежные нервы были жестоко потрясены насмешкой его приятеля, ухватился за ближайшее перило, чтобы придать устойчивости подкосившимся ногам. В этот момент до их ушей донеслись звуки далекой мелодии, и, в то время как его

Л. Давыдов

«Месты Бруно»
и другие рассказы

бесчувственный товарищ двинулся в том направлении, откуда звучала музыка, расстроенный поэт поспешил к Мосту, чтобы незаметно для других прохожих дать выход своим еле сдерживаемым чувствам.

Солнце уже садилось, когда он добрался до этого места, и, когда он взошел на мост, безмятежная гладь воды успокоила его возмущенный дух, и, печально облокотившись на перила, он предался размышлениям. Какие видения наполнили эту благородную душу, когда с лицом, которое лучилось бы умом, если бы у него вообще было хоть какое-то выражение, и с хмурым взглядом, которому недоставало лишь достоинства, чтобы выглядеть ужасным, он уставился в ленивый прибор этими прекрасными, хотя и слегка покрасневшими глазами?

Видения его детских дней; сцены из счастливой поры детских фартучков, патоки и невинности; над длинной вереницей прошлых лет проплывали призраки давно забытых сборников упражнений по правописанию, грифельные доски, густо испещренные скучными вычислениями, которые вообще редко когда получались... в костяшках его пальцев и корнях волос снова

Виллогелм
фон Шмиц

возникли щекочущие и несколько болезненные ощущения, и он опять превратился в маленького мальчика.

— Эй, молодой человек! — раздался чей-то голос. — Можете идти в любую сторону, какая вам по нраву, но на середине останавливаться нельзя! — Слова лениво влетели в его уши и послужили лишь для того, чтобы подсказать ему новое направление мечтаний; «Идти, да, идти», — тихо прошептал он, а затем произнес уже погромче, потому что в голову ему вдруг пришла неожиданная идея:

— Да, а чем я не колосс Родосский? — Он выпрямился во весь свой мужественный рост и снова двинулся вперед большими, более твердыми шагами.

...Было ли это всего лишь иллюзией его воспаленного мозга или суровой реальностью? Медленно, медленно разверзлся мост под его ногами, и теперь его шаг уже становился все менее твердым, и исчезало достоинство осанки; ему все равно: будь что будет — разве он не колосс?

...Поступь колосса, возможно, соответствовала силе душевного порыва; однако энергия напыщенных речей имеет свои

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

границы; именно в этой критической точке «натуры сила бессильной оказалась» и посему покинула его, в то время как вместо нее начала действовать сила тяжести.

Иными словами, он упал.

А «Хильда» медленно продолжила свой путь, и капитан не ведал, что, проходя под разводным мостом, его судно послужило причиной падения поэта, и не догадывался, кому принадлежали эти две ноги, что, спазматически дрыгаясь, исчезли в кружащемся водовороте... Матросы втянули на борт мокрое до нитки, задыхающееся тело, которое скорее напоминало утонувшую крысу, чем Поэта; и заговорили с ним без должного благоговения, и даже назвали «молодым парнем», присовокупив что-то насчет «желторотого», и засмеялись; что они понимали в Поэзии?

Обратимся же к другим сценам: длинная комната с низким потолком и скамьями с высокими спинками и посыпанный песком пол; группа людей, которые пьют и обмениваются сплетнями; везде табачный дым, могучее доказательство того, что духи

Виллогелом фон Шмиц

где-то существуют; и она, прекрасная Сьюки собственной персоной, беззаботно скользящая среди декораций, держа в своих лилейных ручках — что? Вне сомнения, какой-нибудь венок, сплетенный из самых ароматных цветов на свете? Какой-нибудь дорогой ее сердцу томик в сафьяновом переплете и с золотыми застежками, бессмертное произведение барда былых времен, над страницами которого она так часто любит поразмышлять? Возможно, «Поэмы Уильяма Смита», этого идола ее нежных чувств, в двух томах *in quarto*, опубликованные за несколько лет до описываемых событий, лишь один экземпляр которых был до сих пор куплен, да и то им самим, — чтобы подарить его Сьюки. Что же — венок или томик — с такой нежной заботой несет прекрасная дева? Увы, ничего: это всего лишь две кружки портера, которые только что заказали завсегдатаи пивной.

Рядом, в маленькой гостиной, никем не замечаемый, никем не обслуживаемый, хотя его Сьюки была так близко, мокрый, взъерошенный и в дурном настроении, сидел юноша: по его просьбе в камине разожгли огонь, и перед ним он теперь сушился,

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

но, поскольку «веселый очаг, счастливый вестник зимних дней», если воспользоваться его собственным ярким описанием, состоял в настоящий момент из хиленького потрескивающего пучка хвороста, чей единственный эффект состоял в том, что он едва не удушил юношу своим дымом, его можно простить за то, что он не ощущал с несколько большей остротой тот «...огонь Души, когда, очами глядя на разгорающийся уголь, бритт чувствует, назло врагу: его родной очаг принадлежит ему!» — здесь мы снова используем его собственные волнующие слова на эту тему.

Официант, не догадываясь, что перед ним сидит Поэт, о чем-то ему доверительно рассказывал; он распространялся на различные темы, и все равно юноша слушал его без особого внимания, однако когда, наконец, тот заговорил о Сьюки, тусклые глаза вспыхнули огнем и устремили на говорившего дикий взор, в котором читались презрение и вызов и который, к сожалению, пропал даром, поскольку его объект в этот момент помешивал дрова и ничего не заметил.

Виллогелом
фон Шмиц

— Скажи, о повтори эти слова еще раз! —
задыхаясь, произнес поэт. — Должно быть,
я неправильно расслышал!

Официант удивленно взглянул на него,
но любезно повторил свое замечание:

— Я всего лишь говорил, сэр, что она
необычайно умная девушка, с большой
сноровкой, и поскольку я надеюсь в один
прекрасный день ею овладеть, то, если этому
суждено случиться... — Больше он не сказал
ничего, ибо Поэт, издав мучительный стон,
в смятении выбежал из комнаты.

Глава третья

«Нет, это уж слишком!»
(Старая пьеса)

Ночь, непроглядная ночь.

В данном случае непроглядность ночи
была представлена гораздо более
внушительно, чем представляется жителям
обычных городов, благодаря освященному
веками обычаю, соблюдаемому обитателями
Уитби и заключающемуся в том, что они
оставляли свои улицы совершенно
неосвещенными: бросая таким образом вызов

Э. Даддингтон

«Местить Бруно»
и другие рассказы

прискорбно быстрому наступлению волны прогресса и цивилизации, они выказывали немалую долю нравственного мужества и независимого суждения. Людям ли разумным принимать на вооружение каждое новомодное изобретение своего века только лишь на том основании, что так поступили их соседи? Можно было бы попробовать пристыдить их, заявив, что тем самым они только сами себе вредят, и таковое замечание было бы неопровержимой истиной; но оно бы привело лишь к тому, что подняло в глазах восхищенной нации их заслуженную репутацию людей, отличающихся героическим самопожертвованием и бескомпромиссностью.

Не разбирая дороги страдающий от безнадежной любви Поэт отчаянно ринулся в ночь; иногда он летел вверх тормашками, зацепившись о дверной порог, иногда проваливался по пояс в канаву, но продолжал идти вперед, вперед, не обращая внимания на направление.

В самом темном месте одной из этих угрюмых улиц (единственная ближайшая витрина магазина, в которой горел свет, находилась примерно в пятидесяти ярдах),

*Виллогелом
фон Шмиц*

случай свел его с тем самым человеком, от которого он бежал, с человеком, которого он ненавидел как удачливого соперника и который довел его до сего приступа безумия.

Официант, не зная, в чем дело, последовал за юношей, дабы удостовериться, что с ним не приключилось вреда, и чтобы привести его назад, при этом даже не представляя, какое потрясение его ожидает.

Как только Поэт уяснил, кто перед ним, вся накопившаяся в нем злость вырвалась наружу: он бросился на официанта, схватил обеими руками за горло, швырнул на землю и там довел его до крайней степени удушения — и все это проделал в один присест.

— Предатель! Разбойник! Мятежник! цареубийца! — прошипел он сквозь стиснутые зубы, прибегнув к первым попавшимся оскорбительным эпитетам, которые пришли ему в голову, при этом не задумываясь об их уместности. — Это ты? Теперь же ощути мой гнев! — И нет сомнений, что официант действительно испытал это необычное ощущение, каково бы оно ни было, ибо яростно боролся со своим

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

противником и даже, как только снова обрел способность дышать, заорал: «Убивают!».

— Не говори так, — сурово заметил Поэт, отпустив его, — это ты меня убиваешь.

Официант поднялся и заговорил в величайшем изумлении:

— Но почему, я ведь никогда...

— Это ложь! — возопил Поэт. — Она тебя не любит! Меня, меня лишь одного!

— А кто, вообще, говорил, что любит? — спросил второй, начиная понимать, в чем суть дела.

— Ты! Ты молвил это, — последовал возбужденный ответ, — что, разбойник? Овладеть ею? Сего тебе не суждено вовек!

Официант спокойно пояснил:

— Я сказал, сэр, что у нее удивительная сноровка, и я надеюсь этой сноровкой овладеть, научиться так же быстро и умело, как она, прислуживать за столом, а она это делает поразительно хорошо, тут сомнений нет: я думал, что, овладев такой сноровкой, я мог бы претендовать на должность главного официанта в гостинице. — Гнев Поэта мгновенно утих, собственно говоря, он даже выглядел теперь скорее удрученным, чем наоборот.

Виллогелм
фон Шмиц

— Прости совершенное мною насилие, — мягко произнес он, — и давай выпьем как други.

— Согласен, — великодушно ответил официант, — но, клянусь всеми святыми, вы превратили мое пальто в тряпку!

— Мужайся! — весело воскликнул наш герой, — вскоре у тебя будет новое одеяние: да, и из самого лучшего кашемира.

— Хм, — неуверенно отозвался второй, — а никакой другой матерьял не...

— Я не буду покупать тебе пальто ни из какого другого материала, — вежливо, но решительно отрезал поэт, и официант сдался.

Снова прибыв в уютную таверну, Поэт с воодушевлением заказал чашу с пуншем и, когда ее принесли, предложил своему новому другу произнести тост.

— Я скажу, — начал официант, который был склонен к сентиментальности, хотя по нему это вряд ли можно было бы сказать, — я скажу: Женщина! Она удваивает наши печали и уменьшает половину наши радости. — Поэт осушил чашу, не удосужившись исправить ошибку, допущенную сотоварищем, и в течение всего вечера время от времени высказывалось то же вдохновляющее мнение.

Л. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

И так проходила ночь, и была заказана еще одна чаша с пуншем, и еще одна.

* * *

— А теперь позвольте мне,— сказал официант, пытаясь примерно в десятый раз подняться на ноги и произнести речь и потерпев в этом еще более явную неудачу, чем ранее,— поднять тост за это счастливое событие. Женщина! Она уменьшает... — Но в этот момент, вероятно, в качестве иллюстрации к своей излюбленной теории, он и сам «уменьшился», согнувшись пополам, причем столь успешно, что в мгновение ока исчез под столом.

Можно предположить, что официант настолько пал, что ударился в лекцию на тему человеческих злосчастий в целом и способов избавления от них в частности, ибо из его убежища доносился торжественный глас, с чувством, хотя и довольно неразборчиво, возвещавший, что «когда тревога в сердце поселилась...» — здесь наступила пауза, словно он пожелал оставить вопрос открытым для обсуждения, однако, поскольку никто из присутствующих не был достаточно

Виллогелм фон Шмиц

компетентен, чтобы предложить способ выхода из таковой прискорбной ситуации, он попытался восполнить досадный пробел самостоятельно, сообщив, что «она была точь-в-точь, как мне приснилась».

Тем временем Поэт сидел, тихо улыбаясь самому себе, и попивал пунш: единственное, чем он отметил внезапное исчезновение своего товарища, состояло в том, что он плеснул себе новую порцию пунша и сердечным голосом произнес: «Ваше здоровье!», кивая в том направлении, где должен был находиться официант. Затем он ободряюще воскликнул: «Слушайте! Слушайте!» и предпринял попытку стукнуть по столу кулаком, но промахнулся. Судя по всему, его заинтересовал вопрос касательно сердца, в котором поселилась тревога, и он с пониманием подмигнул два или три раза, словно у него было что сказать на эту тему, если бы он захотел; однако вторая цитата пробудила в нем желание произнести речь, и он сразу же вторгся в подземный монолог официанта с восторженным отрывком из стихотворения, которое только что сочинил:

Задан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Что из того, что в Жизни есть и горести, и муки?²
Из всех прекраснейших цветов, что Жизнь
даёт нам в руки,
Я получил целый букет, когда я выбрал Сьюки!

Скажи, неужто ты могла б не оценить таланта
И выйти замуж за официанта?²
И Шмица променять на прощельгу-франта?²

Нет! Официант тщеславный был немил ей.
Она, одна, в венке из гордых лилий,
Песнь пела о желанном Вилли.

Пока официант, ум потеряв, блаженно
Мнил, что сорван им цветок сей совершенный,
Явился он, твой Вилли драгоценный.

Теперь в душе твоей звучат иные звуки,
Ибо — барон ли Шмиц иль сын прислуги, —
Он свет в окне для верной Сьюки!

Он помолчал в ожидании ответа,
но единственным откликом был громкий храп,
доносившийся из-под стола.

Глава четвертая

«Неуели это конец?»
(Николас Никльби)

Под лучами вновь взошедшего Солнца
сердитые волны вздымаются и бьются

Виллогелм
фон Шмиц

об Утес, мимо которого Поэт задумчиво держит путь. Возможно, читателя удивит, что он еще не побеседовал со своей возлюбленной Сьюки; читатель может спросить, в чем же тут причина,— его вопрос будет тщетен: единственная обязанность историка — с неуклонной точностью фиксировать развитие событий; если бы он вышел за эти рамки и попытался углубиться в скрытые причины вещей, всякие там «почему» и «отчего», он бы вторгнулся в вотчину ученого-метафизика.

В этот же момент Поэт достиг небольшого поднимающегося вверх участка в конце каменистой тропинки, где нашел удобное для сидения место, с которого открывался вид на океан.

Он устало опустил на камень и некоторое время сидел, мечтательно вперив взор в бескрайние просторы океана; затем, очнувшись от неожиданной мысли, открыл записную книжку и приступил к правке и завершению своего стихотворения. Он медленно бормотал слова «полон — поклон — волн», нетерпеливо постукивая ногой о землю. «Ага, это подойдет,— произнес наконец юноша со вздохом облегчения,— волн»:

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Его корабль исчез в морской пучине,
В подводном вихре пенных волн —
На дне глубоко покоится он ныне,
Попав навечно в водяной полон.

«Вторая строка весьма недурна, —
восторженно продолжал он, — и, кроме того,
построена на кольриджевском принципе
аллитерации — П. В., П. В. — «В подводном
вихре пенных волн»».

— Поосторожнее! — рявкнул чей-то голос
прямо ему в ухо, — то, что ты скажешь, будет
использовано против тебя в качестве
вещественного доказательства, — и не вздумай
сопротивляться, теперь уж никуда
не денешься. — Последнее замечание было
вызвано отчаянным сопротивлением Поэта,
по понятным причинам возмущенного тем,
что его неожиданно схватили сзади двое
неизвестных.

— Он сам признался, констебль! Вы ведь
слышали? — сказал первый (который носил
славное имя Маггл и которого почти излишне
представлять читателю как путешественника
из главы Первой!) — наговорил достаточно,
чтоб поплатиться за это жизнью!

Виллогелом
фон Шмиц

— Я же тебе велел заткнуться, — тепло отозвался второй, — похоже, жентельмен изливал свои чувства в стихах.

— Что... в чем дело? — лоя ртом воздух, прохрипел в этот момент наш незадачливый герой, который наконец обрел способность дышать. — Вы, Маггл, что вы хотите этим сказать?

— Я хочу этим сказать?! — разбушевался его бывший друг. — Что ты хочешь этим сказать, если уж на то пошло? Ты убийца, вот ты кто! Где официант, который был с тобой прошлой ночью? Ну-ка скажи!

— О... официант? — медленно повторил Поэт, все еще ошеломленный внезапностью своего пленения. — А в чем дело, я его у...

— Я так и знал! — вскричал его друг, который тут же бросился на него и, ухватившись за горло, придушил едва родившееся слово в зародыше, — он его утопил, констебль! Что я вам говорил? И как ты это сделал? — продолжил он, на долю секунды ослабив хватку, дабы получить ответ.

Ответ Поэта, насколько его можно было понять (ибо он был выдан в весьма фрагментарном состоянии, буквально

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

по крупичам, в перерывах между судорожными глотками воздуха), был следующим:

— Это я виноват... я... вы меня задушите... виноват... я бы... даже сказал... дал промашку... я... угостил его... вы... вы... меня заду... я говорю... я угостил его...

— Дубиной по голове, я полагаю, — заключил второй, который в этом месте перекрыл скудную подачу воздуха, которым он позволял своей жертве наслаждаться до сего момента, — и он свалился в воду: никаких сомнений. Я слышал, что кто-то свалился с Моста вчера ночью. — И, поворачиваясь к констеблю, добавил: — Несомненно, именно этот несчастный официант. Теперь запомните хорошенько мои слова, констебль! С этого момента я отказываюсь от дружбы с этим человеком: не жалейте его! Не думайте о том, чтобы отпустить его ради *испытываемых мною дружеских чувств!*

В этот момент из уст Поэта исторглись некие конвульсивные звуки, которые по зрелом размышлении могли означать следующее:

«проклятый пунш... ударил... ему...

в голову... не смог удержаться... на ногах...»

*Виллогелом
фон Шмиц*

— Несчастный! — сурово прервал его Маггл, — ты еще можешь шутить на эту тему? Значит, ударил ему в голову? И что потом?

— Это его... сильно... под... косило... — продолжил несчастный Шмиц свой довольно бессвязный монолог, который был оборван нетерпеливым констеблем, после чего вся компания отправилась назад в город.

Однако внезапно на сцене появился неожиданный персонаж, который разразился речью, примечательной скорее своим эмоциональным напором, чем грамматической точностью:

— Я только что об этом услышал — спал под столом — не рассчитал свои силы — выпил больше, чем следовало, — он так же невинен, как я... мертвый — еще чего! я еще живее, чем вы, ничего себе дела.

Эта речь произвела на слушателей различное впечатление: констебль спокойно отпустил пленника, растерянный Маггл пробормотал: «Невозможно! заговор — лжесвидетельство — пусть выясняет суд», в то время как счастливый Поэт бросился в объятия своего спасителя, восклицая срывающимся голосом: «Нет, никогда с этого момента мы не расстанемся! Мы будем жить

Л. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

и любить так искренне!», изливая чувства, на которые официант откликнулся не столь тепло, как можно было бы ожидать.

Позднее в тот же день Вильгельм и Сьюки сидели и беседовали с официантом и несколькими знакомыми, когда в комнату неожиданно вошел исполненный раскаяния Магг и, положив на колени Шмицу сложенный лист бумаги, произнес глухим голосом трогательные слова «будьте счастливы!», после чего исчез навсегда.

Прочитав документ, Вильгельм поднялся на ноги: под влиянием момента его сподвигло на нечаянный экспромт:

О Сьюки! Он купил, да, лично Магг,
Несправедливость исправляя споро,
Лицензию на свободную пивную.
Имеем право продавать теперь
Спиртное, портер, и табак, и эль!

И на этом мы покинем его: кто усомнится в его будущем счастье? Разве Сьюки не с ним? А раз она с ним, он счастлив.

Недавнее удивительное открытие в Фотографии, связанное с ее прикладным использованием в умственной деятельности, превратило искусство написания романов в простейший механический труд. Изобретатель любезно разрешил нам присутствовать во время одного из своих опытов; но, поскольку мир еще не узнал об этом изобретении, мы вольны лишь изложить полученные результаты, скрыв все подробности, касающиеся применяемых химических реактивов и самого процесса.

Изобретатель начал с утверждения о том, что идеи самого слабого интеллекта, после отображения их на соответствующим образом

З. Дарьин

«Месть Бруно»
и другие рассказы

обработанной бумаге, можно экспонировать до любой требуемой степени интенсивности. Выслушав наше пожелание начать с наиболее запущенного случая, он любезно пригласил из соседней комнаты молодого человека, который, судя по его виду, обладал самыми слабыми физическими и умственными способностями. На вопрос о том, что мы о нем думаем, мы откровенно признались, что он, похоже, не способен ни на что, кроме сна; наш друг от всего сердца согласился с этим мнением.

Когда машина была готова к работе, а между разумом пациента и объективом установилась месмерическая связь, молодого человека спросили, желает ли он что-нибудь сказать; на что он апатично пробормотал: «Ничего». Затем его спросили, о чем он думает, и в ответ, как и ранее, он сказал: «Ни о чем». На этом мастер объявил, что пациент находится в самом удовлетворительном состоянии, и сразу же приступил к опытам.

После того как бумага была проэкспонирована в течение необходимого времени, ее извлекли из аппарата и предоставили нам для осмотра; мы

Необычная фотография

обнаружили, что она покрыта неясными и почти неразборчивыми символами. Более близкое рассмотрение выявило следующее:

«Вечер был нежен и полон невинности; зефир шептал в окруженной скалами долине, и несколько легких капель дождя охладили жаждущую землю. Медленной иноходью вдоль окаймленной примулами тропинки ехал благородного вида симпатичный юноша, державший в изящной руке легкую трость; лошадь грациозно двигалась под ним, вдыхая по пути аромат придорожных цветов; спокойная улыбка и томные глаза, восхитительно гармонировавшие с прекрасными чертами всадника, свидетельствовали о спокойном течении его мыслей. Милым, хотя и слабым голосом он скорбно озвучивал тихие печали, омрачавшие его сердце:

Меня прогнала, не сказав «спасибо»,
Однако волосы не стану рвать я, ибо
Без них я менее прекрасен был бы.

Ее поступок глуп и странен даже,
Ведь чувства нежные испытывала раньше;
Причина, верно, в перемене обстоятельств.

З. Давыдов

«Месть Бруна»
и другие рассказы

Наступила недолгая тишина; лошадь споткнулась о камень, лежавший на дороге, и сбросила своего седока. Среди высохших листьев раздался треск; юноша встал; легкая ссадина на левом плече и пришедший в беспорядок галстух были единственными признаками, напоминавшими об этом незначительном происшествии.

— Этот отрывок, — заметили мы, возвращая бумагу, — явно написан в стиле «Водянистой» школы.

— Вы совершенно правы, — отвечал наш друг, — в его нынешнем виде и учитывая современные условия, разумеется, на это произведение не будет совершенно никакого спроса: однако мы увидим, что следующая степень проявки превратит его в образчик энергичной, или «реалистической» школы. — Окунув бумагу в различные кислоты, он снова вручил ее нам; теперь она предстала в следующем виде:

«Вечер носил обычный характер, барометр показывал «перемену погоды»; в лесу поднимался ветер, и начал падать небольшой дождь: плохие перспективы для сельского хозяйства. По верховой дороге приближался

Необычная фотография

какой-то джентльмен, державший в руке крепкую узловатую палку и сидевший верхом на вполне работоспособном жеребце стоимостью примерно сорок фунтов; на лице всадника застыло деловое выражение, и он насвистывал по пути — предположительно, искал в голове рифмы, — а некоторое время спустя прочитал, удовлетворенным тоном, следующее сочинение:

Ну ладно, пусть не состоялась сделка.
Так ведь сама ж осталась в девках,
Знать, дура: мыслит слишком мелко.

Подумаешь, велика честь!
Ей следовало бы учесть:
Полно девиц не хуже есть.

В этот момент конь провалился копытом в дырку и опрокинулся; его всадник с трудом поднялся; он получил несколько сильнейших ссадин и сломал два ребра; прошло некоторое время, прежде чем он забыл этот неудачный день».

Мы возвратили данный текст, выразив свое глубочайшее восхищение, и попросили, по возможности, придать ему наибольшую степень резкости. Наш друг с готовностью согласился и вскоре представил нам

Златов

«Месть Бруна»
и другие рассказы

результат, который, как он проинформировал нас, принадлежал «Эмоциональной», или Немецкой школе. Мы внимательно прочитали предложенный текст, испытывая при этом неопишуемые ощущения удивления и радости:

«Ночь была дико бурной; ураган неистовствовал по всему мрачному лесу; разъяренные струи дождя рвали стонущую землю. Безудержным галопом вниз напролом по крутому горному урочищу разящей молнией пронесся вооруженный до зубов рейтар; его жеребец рвался под ним бешеным галопом, изрыгая на лету искры из раздутых ноздрей. Сдвинутые брови всадника, вращающиеся глазные яблоки и стиснутые зубы выражали глубокую агонию его рассудка; странные видения маячили в его пылающем мозгу, в то время как с безумным криком он изрыгал из себя поток своей бурлящей страсти:

Огонь и сталь! Надеждам всем конец!
Перевернись в могиле, проклятый мертвец!
Мой мозг — вулкан, душа — свинец!

Ее душа — кремень, а взгляд — шрапнель!
Не смог разбить я сердца цитадель!
Небытие есть мой удель!

Необычная фотография

Наступила короткая пауза. О ужас! Его путь закончился в разверстой пропасти... Трах! — бах! — ах! — все закончилось. Три капли крови, два зуба и стремя — вот и все, что говорило о том, что здесь встретил свою судьбу безумный всадник».

Тут молодого человека привели в чувство и показали результаты работы его ума; он мгновенно упал в обморок.

Учитывая, что в настоящее время это искусство находится лишь в стадии становления, мы воздерживаемся от дальнейших комментариев в отношении сего чудесного открытия; но голова идет кругом, когда размышляешь, какие невероятные возможности открываются теперь перед силами науки.

Наш друг завершил демонстрацию различными дополнительными опытами, такими, как переработка отрывка из Вордсворта в образчик сильной, безукоризненной поэзии: такой же эксперимент был проделан по нашей просьбе с отрывком из Байрона, но бумага сильно обгорела под воздействием пламенных эпитетов, произведенных применением концентрированных реактивов.

Задан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

И последнее замечание: нельзя ли применить это искусство (мы ставим этот вопрос, взывая к соблюдению строжайшей тайны) — нельзя ли, спрашиваем мы, применить его к речам, произносимым в парламенте? Возможно, это лишь фантазия нашего воспаленного воображения, но мы все равно будем наивно цепляться за эту идею и надеяться на ее осуществление вопреки всему.

Шотландская легенда

Присягаю, что сие есть подлинное и ужасное описание касательно покоев Оклендского замка, прозываемых Шотландией, и всех вещей, пережитых там Мэтью Диксоном, торговцем, и некоей дамой, прозываемой Гонлесс, или «Лишенной Платя», в тех покоях обнаруженной, и того, как никто в течение этих дней не спал там (вероятно, из-за страха), и что все указанные вещи случились во времена достопамятного епископа Бека, и что сие записано в год одна тысяча триста двадцать пятый месяца февраля в некий вторник и другие дни.

Эдгар Кутвеллис

Эдвардсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Итак, указанный Мэтью Диксон доставил товары в сие место по повелению моих господ, которые наказали также, чтобы его славно угостили (что было исполнено, причем поужинал он с большим аппетитом) и уложили спать в некой комнате замка, ныне прозываемой Шотландией. Откуда в Полночь он выбежал с таким великим Криком, что разбудил всех людей, которые спешно побежали в эти Покои и встретили его так кричащим, в каковой момент он тут же лишился чувств.

Тогда его перенесли в гостиную Милорда и с большими хлопотами водрузили на Стул, откуда он три нескольких раза падал на пол, к большому восхищению всех присутствовавших.

Но, будучи подкреплён различными Крепкими Напитками (и, главное, Джинном), он немного погодя сообщил жалобным голосом следующие далее подробности, в полное подтверждение чему присяглись девять работающих и отважных земледельцев, которые жили неподалеку, и его свидетельство я здесь надлежащим образом изложу.

Шотландская легенда

Показания Мэтью Диксона, торговца, находящегося в здравом уме и более Сорока Лет От Роду, хотя и здорово напуганного по причине Зрелищ и Звуков в этом Замке, пережитых им, касательно Видения Шотландии и Призраков, оба из которых там содержатся, и о некоей странной Даме и о жалобных вещах, ею молвленных, с другими печальными мелодиями и песнями, ею и другими Призраками придуманными, и о заходе и дрожании его Костей (по причине сильно великого ужаса), и о других вещах, которые зело приятно узнать, гламным образом о Картине, которую впоследствии следует запечатлеть, и о том, что после того воспоследует (как доподлинно предсказано Призраками), а также о Тьме и других вещах, более ужасных, чем Слова, и о том, что Люди называют Химерой.

Мэтью Диксон, торговец, показал под присягой: «что он, хорошо поужинав в течение Вечера Молодым Гусем, Пирогом с Мясом и другими приправами, поданными от великой щедрости Епископа (молвя это, он посмотрел на Милорда и попытался стянуть с себя шапку, но потерпел неудачу,

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

ибо сего Убора на его голове не оказалось), отправился в постель, где в течение долгого времени его тревожили жестокие и ужасные Сны. Что он увидел в своем сне молодую Даму, облаченную (как ему показалось) не в Платье, но в некоего рода Капот, с различного рода Опорками. (В этом месте горничная заявила, что ни одна Дама не станет надевать Опорки, и он ответил: «А я стою на своем», и, в самом деле, поднялся со стула, но удержаться на ногах не смог.)

Свидетель продолжил: «что указанная Дама махала взад-вперед Огромным Факелом, в какой-то момент тонкий Голос заверещал: «Без платья! Без платья!», и как она стояла посреди пола, так и стряслась с ней большая Перемена, и Цвет ее Лица стал восковеть и делаться все Старее и Старее, а Волосы ее седеет, и все это время она говорила самым печальным Голосом: «Без платья теперь, как Дамы ходят: но в грядущие годы недостатка в платьях у них не будет», в каком-то месте ее Капот, будто начал медленно таять, превращаясь в шелковое Платье, которое было собрано складками сверху и внизу, а в остальном сидело как

Шотландская легенда

влитое в нужных местах». (Здесь Милорд, придя в нетерпение, дал ему оплеуху и велел тотчас же заканчивать свою историю.)

Свидетель продолжил: «что указанное Платье затем стало меняться по разным Модам, которые будут в Грядущем, сворачиваясь и подбираясь в том либо ином месте, открывая взгляду нижнюю юбку самого огненного Оттенка, даже Пурпурную на вид, при каковом зловещем и кровожадном зрелище он одновременно застонал и заплакал. Что наконец юбка разрослась до Безграничности, описание коей неподвластно Человеку, с помощью (как он предположил) Обручей, Каретных Колес, Воздушных Шаров и тому подобного, которые поддерживали материю и поднимали ее вверх изнутри. Что Платье сие наполнило все Помещение, придавив его к кровати, пока Дама вроде не удалилась, по дороге припалив ему волосы своим Факелом».

«Что он, пробудившись от таких Снов, услышал свистящий шум, похожий на ветер в тростниках, и увидел Свет». (В этом месте Горничная перебила его, закричав, что в этой самой комнате действительно была оставлена

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

для света тростниковая свеча, и наговорила бы еще больше, но тут Милорд осадил ее и повелел заткнуться, сим тактично дав понять, что ей следует попридержать свое помело.)

Свидетель продолжил: «что, будучи зело напуганным всем этим, в то время как все его Кости (как он сказал) дрожали, он попытался выпрыгнуть из кровати и таким образом скрыться. Но он немного замешкался, и не потому, как можно подумать, что крепок Сердцем, а скорее Телом; в каковой момент Дама начала напевать обрывки старых баллад, как говаривал мастер Вил Шекспир. (В этом месте Милорд спросил его, каких именно, велев ему их спеть, и сказал, что ему известны только две баллады, в которых есть «обрывки»: «От парусов французских остались лишь обрывки» и «Ловя обрывки вражьих разговоров, на ус мотал, чтоб доложить потом», каковые Песни он затем и начал напевать, хотя и фальшиво, из-за чего некоторые стали улыбаться.)

Свидетель продолжал: «что он, возможно, смог бы спеть указанные баллады под Музыку, но без аккомпаниймента

Шотландская легенда

не отважится». После этих слов его отвели в классную комнату, где находился Музыкальный Инструмент, прозываемый Фортель-Пьяно (означающий, что на нем можно выделывать различные пьяные фортели), на котором две молодые дамы, Племянницы Милорда, которые проживали там (научаясь, как они полагали, Урокам; но, как мне доподлинно ведомо, немало бездельничая), сильно стучая по клавишам, сопровождали его пение некоей Музыкой, стараясь изо всех сил, дабы Мелодии были таковыми, каковые ни один Человек дотеле не слышивал.

Жил наш Лоренцо в Хайтингтоне
(И спал он в хижине из бревен),
Но, если и не точно там —
Точнее вам он скажет сам, —
То уж совсем поблизости.
Пришел ко мне он раз на чай —

Однако вечер весь молчал,
Пока я не спросил его:
«Ты любишь хлеб без ничего?»
Тут он ответил: «С маслом».

Припев, к которому все присутствующие с пылом присоединились):

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

У глупой лапши
Лапшинные мозги,
Такую лапшу ненавижу, не люблю.

Свидетель продолжил: «что она затем явилась перед ним облаченная в тот же самый свободный Капот, в коем он впервые узрел ее в своем Сне, и ровным и пронзительным голосом поведала свою Историю в нижеследующем виде».

История Дамы

«Нежным осенним вечером можно было увидеть, как в одном месте, неподалеку от Оклендского замка фланировала молодая Дама, отличавшаяся холодными и самоуверенными манерами, хотя и недурной наружности, — можно было бы сказать, в определенной степени прекрасная, если бы это не было неправдой.

Этой юной Дамой, о Несчастный, была я» (после каковых слов я потребовал объяснений, на каком основании она считает меня несчастным, и она ответила, что это неважно). В те времена я кичилась тем, что достигла вершин не столько в красоте,

Шотландская легенда

сколько в статности Фигуры и чрезвычайно желала, чтобы какой-нибудь Художник запечатлел бы мой портрет; но они были недоступны, не в том смысле, что были такими мастерами, а просто слишком много запрашивали. (Тут я самым скромнейшим образом поинтересовался, какие цены запрашивали тогдашние Художники, но она высокомерно ответствовала, что денежные вопросы вульгарны, что она не знает, нет, ее это не интересовало.)

И вот случилось, что некий Художник, досточтимый Лоренцо, прибыл в Эту Местность, имея с собой чудесную машину, называемую людьми Химерой (что означает сказочную и целиком невероятную Вещь), с помощью которой он сделал много картин, каждую за единый момент времени, за какой Человек может и оглянуться не успеть. (Я спросил ее, какой это может быть момент Времени, чтобы человек не успел оглянуться, но она нахмурилась и ничего не ответила.)

Именно он и сделал мой Портрет, от которого мне требовалась в основном одна вещь: что он должен быть в полный рост, ибо никаким иным образом не была бы видна моя

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Статность. Тем не менее, хотя он сделал много Портретов, в этом отношении они были неудачны: ибо одни, начинаясь с Головы, не захватывали ноги, другие, захватывая ноги, не захватывали головы; из каковых первые были горем для меня, а вторые — вызывали Смех у других.

На эти вещи я справедливо сердилась, при том, что сначала была с ним дружелюбна (хотя, по правде сказать, он был скучен), и часто сильно шлепала его по Ушам и выдирала из его Головы некоторые Пряди, по поводу чего он кричал и, как правило, говорил, что я сделала жизнь для него в тягость, в чем я не столько сомневалась, насколько этому радовалась.

В конце концов он посоветовал, что нужно сделать Портрет так, чтобы вместился такой кусок юбки, какой только может вместиться, и в отношении этого поместить внизу Надпись такого содержания: «Предмет, два с половиной ярда длиной точно такой же, как и выше, а затем Ноги». Но это ни в коем случае меня не удовлетворяло, и посему я заперла его в Подвале, где он оставался три Недели, с каждым днем становясь все худее

Шотландская легенда

и худее, пока, в конце концов, не начал
взмывать вверх и опускаться как Перо.

И случилось так, что в то время, когда
я спросила его однажды, запечатлеет ли он
меня теперь в полный рост, и он отвечал мне
тоненьким стенающим Голоском, будто
Комар, кто-то случайно открыл Дверь —
и его подняло вверх Сквозняком и утащило
в Трещину в Потолке, и я осталась ждать его,
держа над Головой свой Факел до тех пор,
пока и сама не превратилась в Призрака,
приклеившись к Стене».

Тогда Милорд и Компания поспешили
в Подвал, дабы увидеть странное зрелище,
прибыв в какое-то место, Милорд храбро
вынул свой меч, громко закричав: «Смерть!»
(хотя кому или чему, он не объяснил); затем
некоторые вошли внутрь, но большая часть
заробела, подбадривая тех, кто был впереди,
не столько своим примером, сколько Словами
приободрения; все же наконец все вошли,
и последним Милорд.

Затем они убрали от стены Винные Бочки
и другие вещи и обнаружили упомянутого
Призрака, в жутком состоянии, однако
дошедшего до наших дней, при каком-то
ужасном зрелище поднялись такие вопли,

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

каковые в наше время редко или вообще никогда не услышишь; некоторые упали в обмороки, некоторые спаслись от этой Крайности посредством больших порций Пива, хотя и они были едва живы от Страха.

Затем Дама заговорила с ними таким образом:

Здесь я живу и буду обитать,
И образ мой здесь будет представлять,
Пока какая-нибудь здешняя девица,
С которой у нас одинаковы имена и лица
(Хотя имя мое останется в тайне,
Мои инициалы вы узнаете заранее),
Не будет сфотографирована как надо —
Чтобы были видны и туфли, и на губах помада, —
Тогда мое лицо исчезнет навсегда,
И никогда не испугает вас — да, да!

И тогда сказал ей Мэтью Диксон: «Для чего ты держишь вверху этот Факел?»,
на что она ответила: «Свечи Дают Свет»,
но никто ее не понял.

После этого откуда-то сверху донесся тоненький Голосок:

В подвале Оклендского замка —
Давным-давным-давно —
Меня закрыла интриганка,
Здесь мокро и темно!

Шотландская легенда

Снять ее с головы до ног,
Как ни старался, я не смог.
Tempore (я говорю ей)
Practerito!

(К этому Припеву никто не отважился
присоединиться, поскольку Латынь для них
была Языком незнакомым.)

Она была сурова, безжалостна была —
Давным-давным-давно,
Морила меня голодом — ни хлеба, ни овса —
Ей было все равно!

Отдал бы я последний пенни,
Чтобы сбежать из Шотландии этой, —
Да, люди, жизнь несправедлива,
Налейте мне, друзья!

Затем Милорд, отложив свой Меч
(который был впоследствии водружен
на стену в память о такой великой Отваге),
приказал своему Дворецкому принести ему
тотчас же Сосуд с Пивом, из какого
Сосула он хорошенько подкрепился: «Если
уж суждено нам пережить такое
испытание, — сказал он, — то должно испить
сию Чашу до дна».

Искусство и красота

Сначала я испытывал серьезные сомнения, назвать этот отрывок из моей жизни «Стон» или же «Хвалебная песнь» — так много в нем содержится великого и славного и так много мрачного и угрюмого. Пытаясь найти нечто среднее, я, в конце концов, остановился на указанном выше названии — ошибочно, разумеется; я всегда ошибаюсь: но позвольте мне сохранить спокойствие и изложить все по порядку. Настоящий оратор отличается тем, что вначале никогда не поддается взрыву страсти; самые мягкие из общих мест — это все, что он осмеливается позволить себе в начале своей речи, а уж затем экспрессивность его слов постепенно

Искусство и красота

нарастает: «vires acquirit eundo»*. Таким образом, прежде всего достаточно сказать, что меня зовут Леопольд Эдгар Стабс. Я четко заявляю об этом факте с самого начала, с тем чтобы исключить любую возможность того, что читатель спутает меня с известным обувщиком, носящим эту фамилию и проживающим на Поттл-стрит в Камбервелле, или с моим менее почтенным, но гораздо более известным однофамильцем Стаббсом, комиком из Провинций**, связь с каковыми я отвергаю с ужасом и презрением; однако не желая при этом оскорбить кого-либо из упомянутых личностей — людей, с которыми я никогда не встречался и надеюсь не встретиться.

Вот и все, что касается общих мест.

Скажи мне теперь, о человеке!

умудренный в интерпретации снов и знамений, как могло случиться, что как-то в пятницу днем, неожиданно поворачивая из-за угла Большой Уэттлс-стрит, я вдруг нечаянно столкнулся с робким индивидуумом, обладавшим непривлекательной наружностью, но взглядом, в котором пылал весь огонь гения? При этом накануне ночью мне был

* Растет и набирает силы (лат.).

** Канада.

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

сон, что вскоре суждено сбыться великой идее моей жизни. Какова была великая идея моей жизни? Я вам расскажу. Поведу со стыдом, а может быть, с печалью.

Моим стремлением и страстью с детских лет (преобладавшими над любовью к игре в шарики и идущими голова в голову с моей слабостью к ирискам) была поэзия — поэзия в ее самом широком и самом буйном смысле — поэзия, свободная от ограничений законов здравого смысла, рифмы или ритма, парящая сквозь вселенную и эхом отражающая музыку сфер! С юных лет, нет, с самой колыбели я жаждал Искусства: поэзии, красоты, романтики. Когда я говорю «жаждал», я использую слово, мягко выражающее то, что можно считать общим описанием моих чувств в более спокойные моменты: оно столь же способно описать безудержную стремительность моего энтузиазма, сохраненного на протяжении всей жизни, как те опровергающие законы анатомии картины, которые украшают вход в «Аделфи»* и представляют гимнаста Флексмора в одной из множества мыслимых поз, о которых дотоле даже не подозревало

* Лондонский
эстрадный театр.

Искусство и красота

человеческое тело, передают любопытному посетителю театра истинное представление о подвигах, совершаемых этим необычайным сочетанием человеческой плоти и каучука.

Я отклонился от темы: это замечательная особенность, если мне позволено будет так выразиться, присущая жизни. Однажды, присутствуя на званом обеде (подробности которого за недостатком времени я опущу), я задал риторический вопрос: «В конце концов, что же такое жизнь?» И оказалось, что никто из присутствующих индивидуумов (всего нас было девять человек, включая официанта, и вышеупомянутое наблюдение было сделано, когда уносили суп) не смог предоставить мне рациональный ответ на этот вопрос.

Стихи, которые я писал в ранний период жизни, замечательно выделялись тем, что были полностью свободны от всяких условностей и, таким образом, совершенно не соответствовали современным требованиям литературы: в будущем веке их будут читать и ими будут восхищаться, «когда Мильтон», — как частенько восклицает мой

Л. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

достопочтенный дядюшка, — когда Мильтон и подобные ему будут забыты!» Если бы не этот сочувствующий мне родственник, то, по моему твердому убеждению, поэтические произведения моего толка никогда бы не увидели свет; я все еще помню те волнующие чувства, которые я испытал, когда дядя обещал мне шесть пенсов, если я подберу рифму к слову «деспотизм». Да, верно, что мне так и не удалось найти такую рифму, зато в следующую же среду я написал свой известный «Сонет о мертвом котенке», и в течение двух недель начал три эпические поэмы, названия которых я теперь, к сожалению, уже не помню.

Семь томов поэтических произведений я подарил неблагодарному миру в течение своей жизни; все они разделили судьбу истинного гения — безвестность и презрение. При этом нельзя сказать, чтобы в их содержании можно было найти какие-то недостатки; какими бы ни были допущенные в них промахи, ни один критик до сих пор еще не осмелился их критиковать. И этот факт знаменателен.

Искусство и красота

Единственным моим сочинением, которое до сих пор произвело хоть какое-то волнение в обществе, был сонет, который я посвятил одному человеку из муниципалитета Магглтон-и-Суиллсайд по случаю избрания его мэром этого города. По большей части сонет был в ходу среди частных лиц, и о нем в ту пору много говорили; и, хотя его герой, проявляя характерную вульгарность ума, не оценил содержащихся в нем тонких комплиментов и, вообще, отзывался о нем скорее неуважительно, чем наоборот, я склонен думать, что этот образчик поэзии обладает всеми элементами великого произведения. По совету приятеля к нему был добавлен завершающий куплет, поскольку, как он заверил меня, необходимо придать ему смысловую законченность, и в этом отношении я положился на его более зрелое мнение:

Когда б Опустошения зловещее крыло
Накрыло каждый град имперский и село;
Когда бы свет, пустой иллюзией рожденный,
Смог осветить лишь камень черный и зловонный;
Когда б монарший род ушел в небытие,
Поспешно растворившись в страшной тьме;
Когда б убийцы подбиралися к границам,

Л. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Мечом своим сверкая ненасытным, —
В такой бы час твое величье проявилось, —
Конечно, если бы такое вдруг случилось,
В такой бы час хвалу тебе воспели,
Если не я, то подстойней менестрели;
Все взоры на тебя направят люди наши,
Когда такой настанет час, но уж никак не раньше!

Альфред Теннисон — поэт-лауреат, и не мне оспаривать его претензию на это высокое положение; и все же я не могу избавиться от мысли, что, если бы Правительство в свое время сказало свое веское слово и ввело принцип равного состязания, открыв доступ для всеобщего участия и предложив какую-нибудь тему для проверки способностей кандидата (например «Фремптонова Пилюля здоровья, Акrostих»), возможно, тогда мы имели бы совсем другой результат.

Но давайте вернемся к нашим баранам (как исключительно неромантично выражаются наши благородные союзники-французы) и к приказчику с Большой Уэттлс-стрит. Он выходил из маленького магазинчика — грубо сколоченной, чрезвычайно обветшалой и вообще убогой на вид лавчонки; спрашивается, что я увидел во всем этом такого, что внушило мне

Искусство и красота

надежду на наступление в моей жизни великой эпохи? Читатель, я увидел вывеску!

Да. На этой ржавой вывеске, неуклюже поскрипывавшей на единственной петле и скрежетавшей об облупленную стену, была надпись, от одного взгляда на которую меня охватило непривычное возбуждение. «Саймон Любкин. Изготовление и продажа искусств». Вот эти самые слова.

Была пятница, четвертое июня, половина четвертого вечера.

Я трижды прочитал эту надпись, после чего вынул из кармана записную книжку, и сразу же переписал; при этом приказчик наблюдал за мной в течение всего этого процесса взглядом, полным серьезного и (как мне тогда показалось) уважительного изумления.

Я остановил этого приказчика и завязал с ним разговор; годы агонии, прошедшие с той поры, постепенно выжгли эту сцену клеймом в моем терзаемом сердце, и я могу повторить все, что произошло, слово в слово.

Обладает ли приказчик (это был мой первый вопрос) родственной душой или не обладает?

Златов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Приказчик затруднялся ответить на этот вопрос.

Известно ли ему было (произнесено с придыханием и нажимом) значение этой замечательной надписи на вывеске?

Слава Богу, приказчик о ней знал все.

Не будет ли приказчик (пренебрегая неожиданностью приглашения) возражать против того, чтобы перейти в ближайшую пивную и там обсудить вопрос в более располагающей обстановке?

Приказчик не возражал бы промочить горло. Совсем даже наоборот.

(Перенос заседания, соответственно: бренди с водой на двоих: беседа продолжилась.)

Хорошо ли продается товар, в частности среди простого люда?

Приказчик бросил на меня взгляд, полный снисходительной жалости; товар продается хорошо среди всякого люда, сообщил он, и в том числе среди самого что ни на есть простого.

Почему бы не упомянуть в надписи еще и слово «красота»? (Это был критический момент: я дрожал, задавая свой вопрос.)

Искусство и красота

Совсем недурная мысль, посчитал приказчик: в свое время можно было бы и написать, мы ведь и правда красивые вещи делаем. Но время, знаете ли, летит.

Был ли приказчик одинок в величии своего дела или еще кто-нибудь торгует товаром в таких же масштабах?

Приказчик мог побожиться, что таких не было.

Для чего используются ваши товары? (Я задал этот вопрос задыхаясь, из-за возбуждения едва смог вытолкнуть из сжавшегося горла эту фразу.)

Люди дарят их друг другу, полагал приказчик, чтобы они не портились и сохранялись подольше.

Эту фразу было трудно истолковать. Я немного подумал над ней, а потом сказал с сомнением: «Я полагаю, вы имеете в виду, что они нужны для того, чтобы их красота вечно оставалась в душе? Вы облачаете в некую жизненную реальность химерические продукты плодотворного воображения, дабы люди всегда могли получать наслаждение от прекрасного?»

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

Ответ приказчика был краток и невразумителен: «Ну, наверно... мы люди неученые».

На этой стадии беседа явно начала иссякать; я серьезно обдумывал в уме, может ли это действительно быть исполнением мечты всей моей жизни: настолько плохо эта сцена сочеталась с моими представлениями о прекрасном и настолько болезненно я ощущал отсутствие в моем спутнике сочувствия к энтузиазму моей натуры — энтузиазму, до сих пор находившему выход в действиях, которые бездумная толпа слишком часто приписывала простой эксцентричности.

Я вставал с жаворонками — «милыми вестниками дня» (один раз точно, если не больше) — с помощью патентованного будильника и выходил в этот неподобающий час, к большому изумлению горничной, выметающей ступеньки перед входом, чтобы «смахнуть поспешными шагами росу с травинок на лужайке», и лично наблюдал золотистый рассвет собственными глазами, пусть и прикрытыми в полудреме. (Я всегда заявлял своим друзьям, при любом упоминании этого события, что мой восторг

Искусство и красота

в тот момент был таков, что я с тех пор не рискнул вторично подвергнуть себя воздействию столь опасного возбуждения. Однако если говорить по секрету, то признаю, что реальность не дотянула до того представления о восходе солнца, которое сформировалось в моем мозгу за ночь, и ни в коей мере не возместило битву с самим собой, которую мне пришлось перенести, чтобы так рано подняться с постели.)

Я бродил по ночам в мрачных лесах и склонялся над покрытым мхом ключом, омывая в его кристальной струе свои спутанные локоны и пылающий лоб. (Что из того, что в результате я слег со страшной простудой и что мои волосы распрямились и мне целую неделю не удавалось придать им должную волнистость? Разве ничтожные соображения, подобные этим, спрашиваю я, умаляют поэтику данного инцидента?)

Я распахивал настежь двери моего маленького, но аккуратно обставленного жилища неподалеку от Сент-Джонс-Вуд и приглашал престарелого нищего «посидеть у моего очага и проговорить всю ночь напролет». (Это случилось сразу же после

З. Дядюшка

«Месть Бруно»
и другие рассказы

прочтения «Покинутой деревни» Гольдсмита. Правда, старикан не рассказал мне ничего интересного и, покидая утром мой коттедж, прихватил с собой настенные часы; тем не менее дядюшка постоянно повторяет, как ему жаль, что его там не было, и что сей инцидент показывает присутствие во мне такой свежести и неискушенности воображения (или «характера», я точно забыл, чего именно), каковых он во мне никогда не подозревал.)

Я чувствую, что обязан более полно углубиться в последнюю тему — историю моего дяди: однажды мир дойдет до того, чтобы преклоняться перед талантами этого замечательного человека, хотя недостаток средств не позволяет в настоящий момент опубликовать великую систему философии, изобретателем которой он является. Пока же из массы бесценных манускриптов, кои он завещал неблагодарной нации, я рискну выбрать один поразительный образчик. И когда настанет день и моя поэзия будет оценена всем миром (каким бы далеким ни казался этот день сейчас!), тогда, я уверен,

Искусство и красота

его гений также обретет свою заслуженную славу!

Среди бумаг этого уважаемого родственника я нахожу то, что выглядит как лист, вырванный из какого-то современного философского труда: подчеркнут следующий отрывок. «Это ваша роза? Она моя. Она твоя. Это ваши дома? Они мои. Дайте мне хлеб(ов). Она дала ему по уху». Рядом с этим местом заметка на полях, сделанная почерком моего дяди: «Некоторые называют это несвязной речью: я имею на сей счет собственное мнение». Последняя фраза была его излюбленным выражением, скрывающим глубину этической пронизательности, о которой было бы тщетно рассуждать; в самом деле, настолько неприятно прост был язык этого великого человека, что никому, кроме меня, никогда не приходило в голову, что он обладает чем-то большим, нежели обычная толика человеческого интеллекта.

Могу ли я, однако, изложить то, как, по моему мнению, дядя интерпретировал этот замечательный отрывок? Похоже, что автор намеревался провести различия между сферами Поэзии, Недвижимостью и Личным

Задан

«Месть Бруно»
и другие рассказы

имуществом. Вначале исследователь касается цветов, и с какой вспышкой искреннего чувства обрушивается на него ответ! «Она моя. Она твоя». Это прекрасно, верно, хорошо; эти фразы не связаны мелкими соображениями «тешт» и «tuum»; они представляют общую собственность всех людей. (Именно с подобной мыслью я начертал когда-то прославленный билль, озаглавленный «Закон об освобождении Фазанов от действия законодательства об охране диких зверей и птиц на основании их Красоты» — билль, который, несомненно, триумфально прошел бы в обеих палатах, если бы члена парламента, который взял на себя заботу о нем, к несчастью, не посадили в приют для умалишенных, прежде чем сей документ приняли ко второму чтению.) Ободренный успехом своего первого вопроса, наш исследователь переходит к «домам» (Недвижимое имущество, как вы убедитесь сами); здесь он сталкивается с суровым, леденящим ответом. «Они мои» — полное отсутствие тех либеральных чувств, которыми продиктован предыдущий ответ, но вместо

Искусство и красота

этого — полное достоинства притязание на права собственности.

Если бы это был подлинный сократовский диалог, а не просто его современная имитация, исследователь, вероятно, перебил бы в этом месте собеседника фразами: «Мне, лично, думается», или «Я, со своей стороны», или «А как же еще?», или каким-либо другим из тех своеобразных выражений, с помощью которых Платон заставляет своих персонажей сразу продемонстрировать их слепое согласие с мнениями учителя и их чрезвычайную неспособность выражаться грамматически правильно. Но автор использует другое направление мысли; отважный исследователь, не обескураженный холодностью последнего ответа, переходит от вопросов к требованиям: «дайте мне хлеб(ов)»; и здесь беседа неожиданно обрывается, однако мораль всего отрывка в целом сконцентрирована в фразе «она дала ему по уху». Это не философия одного индивидуума или нации, это чувство, если можно так сказать, общеевропейское; и моя теория подтверждается тем фактом, что текст явно напечатан тремя параллельными

З. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

колонками, на английском, французском и немецком.

Таким человеком был мой дядя; и с таким человеком я решил свести лицом к лицу подозрительного приказчика. Я договорился о встрече на следующее утро, сказав, что хочу лично осмотреть «товары» (я не мог заставить себя произнести само возлюбленное слово). Я провел беспокойную и даже тревожную ночь, раздавленный ощущением приближающегося переломного момента.

И наконец час настал — час страдания и отчаяния; он всегда наступает, его нельзя откладывать без конца; даже при визите к дантисту, как можно убедиться на моем собственном детском опыте, мы не можем добираться к врачу бесконечно; роковая дверь неотвратимо надвигается на нас, и наше сердце, которое за последние полчаса постепенно опускается все ниже и ниже, пока мы не начинаем почти что сомневаться в его существовании, неожиданно исчезает, падая в глубины, доселе и во сне не снившиеся. Итак, повторяю, наконец, час настал.

Когда я стоял перед дверью этого низменного приказчика с трепещущим

Искусство и красота

и полным ожиданий сердцем, мой взгляд случайно упал еще раз на эту вывеску, и я еще раз изучил странную надпись. О! Роковая перемена! О, ужас! Что я вижу? Неужели я стал жертвой разгоряченного воображения? Как мог я не заметить последнего слова на вывеске!

**«Изготовление и продажа
искусств.
цветов»!**

И тут сон развеялся.

На углу улицы я обернулся, чтобы бросить печальный нежный взгляд на фантом призрачной надежды, которая когда-то была так дорога моему сердцу. «Прощай!» — прошептал я; это было все мое последнее «прости», и, опершись на трость, я смахнул слезу. На следующий день я вошел в коммерческие отношения с фирмой Дампи и Спагт, оптовыми торговцами вином и спиртными напитками.

Вывеска все еще скрипит, ударяясь об облупленную стену, но ее звук больше никогда не зазвучит музыкой в этих ушах — ах! никогда.

Выходной день фото- графа

У меня все болит, саднит, ломит и гудит. Как я уже неоднократно повторял, я не имею ни малейшего понятия, как это произошло, и бесполезно донимать меня новыми расспросами. Конечно, если вам так уж хочется, я могу прочесть выдержку из своего дневника, содержащего полный отчет о событиях вчерашнего дня, но, если вы ожидаете найти в нем разгадку этой тайны, боюсь, вас ожидает жестокое разочарование.

23 августа, вторник. Бьгует мнение, что мы, фотографы, в лучшем случае — слепцы; что мы воспринимаем даже самые красивые лица как определенное сочетание света и тени; что мы редко восхищаемся и никогда не любим.

Выходной день фотографа

Это иллюзия, которую я жажду развеять, — если бы только мне найти в качестве модели юную девушку, воплощающую мой идеал красоты, и, самое главное, если бы ее звали (странно, почему это я испытываю безумную любовь к имени Амелия больше, чем к какому-либо другому?), — я уверен, что смог бы стряхнуть с себя эту холодную философическую вялость.

И этот час наконец пришел. Не далее как сегодня вечером я столкнулся на Хеймаркет-стрит с юным Гарри Гловером.

— Таббс! — вскричал он, фамильярно хлопая меня по спине. — Мой дядя хочет, чтобы ты был завтра у него на вилле с фотоаппаратом и всеми причиндалами!

— Но я ведь незнаком с твоим дядей, — ответил я со свойственной мне осторожностью. (NB. Если у меня и есть достоинства, то это спокойная, исполненная благородства осторожность.)

— Неважно, старина, главное, что он все знает о тебе. Выезжай первым поездом и возьми с собой всю свою химию, потому что там у тебя будет возможность обезобразить кучу физиономий и...

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

— Не могу! — довольно грубо ответил я, встревоженный масштабами предстоящей работы. Я решил сразу оборвать его, поскольку решительно против того, чтобы разговаривать на подобном жаргоне в общественных местах.

— Ну что ж, тогда они здорово обидятся, вот и все, — сказал Гарри, сохраняя довольно невозмутимое выражение, — а моя кузина Амелия...

— Ни слова больше, — с энтузиазмом вскричал я, — я еду! — И поскольку в этот момент подошел мой омнибус, я впрыгнул на подножку и укатил под грохот колес и цокот копыт, прежде чем он опомнился от изумления, вызванного произошедшей во мне переменой. Итак, решено: завтра я увижу Амелию и — о Фортуна! — что еще ты уготовила мне?

24 августа, среда. Восхитительное утро. Собрался в большой спешке; по счастью, при этом разбил только две бутылки и три мензурки. Прибыл на виллу Розмари, когда вся компания только садилась завтракать. Отец, мать, два сына-школьника, куча детей ясельного возраста и неизбежный МЛАДЕНЕЦ.

Выходной день фотографа

Но как мне описать дочь? Слова бессильны; этого не в состоянии сделать никто и ничто, кроме фотопластинки. Ее носик был идеален, ротик, возможно, следовало бы чуть-чуть уменьшить, зато изысканные полутона на щеке могли бы ослепить любого, заставив закрыть глаза на любые недостатки, а что до блика на подбородке, он был (с точки зрения фотографического искусства) само совершенство. О! Какая бы из нее получилась фотография, если бы судьба не... — впрочем, я забегаю вперед.

Там же присутствовал некий капитан Фланеган...

Я понимаю, что предыдущий абзац закончился довольно неожиданно, но когда я дошел до этого места, то вспомнил: этот идиот искренне полагал, что помолвлен с Амелией (с *моей* Амелией!). У меня от возмущения сперло дыхание, и я не мог продолжать дальше. Его фигура, я готов это признать, была недурна: возможно, кому-то понравилось бы его лицо; но что такое лицо и фигура без мозгов?

Моя собственная фигура, возможно, отличается *некоторой* коренастостью;

З. Давыдов

«Месть Бруно»
и другие рассказы

по телосложению я совсем не похож на этих военных жирафов — но почему я должен себя описывать? Моя фотография (сделанная мной самим) позволит всему миру оценить меня по достоинству.

Завтрак, без сомнения, был хорош, но я не осознавал, что ем или пью; я жил лишь для одной Амелии, и, уставившись неподвижным взглядом в этот бесподобный лобик, эти точеные черты, я сжимал кулаки в невольном порыве (при этом расплескав кофе) и восклицал про себя: «Я сфотографирую эту женщину или погибну, пытаюсь это сделать!»

После завтрака я приступил к работе, суть которой я здесь вкратце изложу.

КАРТИНА 1. *Paterfamilias**. Этот снимок я хотел

~~сделать еще раз, но они все заявили, что прекрасно сойдет и так, и на нем просто запечатлено «его обычное выражение»; хотя, если только его обычным выражением не было выражением человека, у которого в горле застряла кость и который отчаянно старается облегчить агонию удушья посредством созерцания обоими глазами кончика носа, я должен признать, что данная трактовка была слишком доброжелательной.~~

* Отец семейства
(лат.).

Выходной день фотографа

КАРТИНА 2. *Materfamilias**. Усаживаясь для фотографирования, она, глупо улыбаясь, сообщила нам, что «в юности очень любила театральные постановки» и что «хотела бы, чтобы ее сняли в образе одной из ее любимых шекспировских героинь». После долгих и тревожных размышлений на эту тему я, в бессилии, отказался от попыток догадаться, что это за героиня, сочтя это безнадежной загадкой, поскольку не знал ни одной из шекспировских героинь, которой бы поза, полная такой судорожной энергии, сочеталась бы с настолько апатичным лицом, или которую можно было бы, соответственно, представить одетой в голубое шелковое платье с гофрированным круглым воротником времен королевы Елизаветы, с шотландским шарфом на плече и с охотничьим хлыстом.

КАРТИНА 3. *Семнадцатая попытка.*

Усадил ребенка профилем к камере. Подождав, пока прекратится обычное в таких случаях брыканье ножками, снял колпачок с объектива. Маленький негодяй мгновенно откинул голову назад, — к счастью, только на дюйм, поскольку голова уперлась в нос

* Мать семейства
(лат.).

Э. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

няньки, на чем дитя успокоилось, посчитав, что правило «до первой крови» (если пользоваться спортивной терминологией) успешно соблюдено. Совершенно естественно, что в результате на снимке получилось два глаза, нечто, что можно было бы назвать носом, и неестественно широкий рот. Назвал это произведение, соответственно, портретом анфас, после чего последовала...

КАРТИНА 4. Три юные девицы, каковыми бы они выглядели, если бы по какой-нибудь случайности можно было бы в тот же момент каждой из них выдать по лошадиной дозе слабительного, связать всю троицу за волосы и держать так до тех пор, пока с их лиц не сойдет выражение, произведенное лекарством. Разумеется, я сохранил мнение на данную тему при себе и просто сказал, что «это напоминает мне картину с тремя грациями», однако фраза перешла в невольный стон, который мне с величайшим трудом удалось замаскировать судорожным кашлем.

КАРТИНА 5. Предполагалось, что этот снимок увенчает труды всего дня как великий художественный триумф: групповая семейная фотография,

Выходной день фотографа

с участниками, расставленными по местам усилиями обоих родителей, и сочетающая семейные мотивы с аллегорическими. Согласно замыслу, она должна представлять младенца, на которого объединенными усилиями детей постарше возлагается корона из цветов, под руководством отца и под личным наблюдением матери; под всем этим скрывался подспудный смысл: «Победа, передающая свою лавровую корону Невинности с Решимостью, Независимостью, Верой, Надеждой и Милосердием, помогающими ей в этой благородной миссии, в то время как Мудрость благосклонно взирает на них и одобрительно улыбается!» Таков, я повторяю, был замысел; результат же для любого непредвзятого наблюдателя допускал лишь одну интерпретацию — что младенца хватил родимчик; что мать (несомненно, находясь под влиянием каких-нибудь ошибочных представлений о принципах человеческой анатомии) пытается вернуть малютку к жизни, приводя его макушку в соприкосновение с грудью; что два мальчика, не видя никаких перспектив в отношении младенца, кроме неминуемой гибели, выдирают пряди из его

Л. Доджсон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

волос на память об этом роковом событии; что две девочки ожидают своего шанса вцепиться в волосы младенца и используют это время для того, чтобы удушить третью; и что отец, придя в отчаяние от необычного поведения своей семьи, закололся и сейчас ощупывает себя в поисках карандаша, дабы написать посмертную записку.

Все это время у меня не было случая попросить мою Амелию попозировать для фотографического портрета, но за обедом мне удалось найти такую возможность, и, заведя разговор на тему фотографии в общем, я повернулся к ней и сказал: «Еще до конца дня, мисс Амелия, я надеюсь оказать себе честь прийти к вам за негативом».

Мило улыбаясь, она ответила:

— Разумеется, мистер Таббс. Тут неподалеку есть один коттедж, и я хотела бы, чтобы вы попробовали снять его после обеда, а когда вы с ним закончите, я буду в вашем распоряжении.

— Шикарно! Впрочем, я надеюсь, не в полном! — вмешался неуклюжий капитан Фланаган. — Верно, Мели, дорогая?

Выходной день фотографа

— Полагаю, что нет, капитан Фланаган, — поспешно, хотя и с большим достоинством произнес я; но, когда имеешь дело с подобным животным, вежливость и такт — лишь пустая трата времени и сил; в ответ он громко загоготал, и мы с Амелией едва сдержались, чтобы не рассмеяться над его недомыслием. Впрочем, она с большим тактом сразу же пресекла его глупый смех, сказав этому медведю:

— Полноте, капитан, мы не должны быть с ним *слишком* суровы! (Суровы со *мною!* со *мною!* Благослови тебя Боже, Амелия!)

Неожиданное счастье этого мгновения чуть не переполнило мои чувства; слезы едва не брызнули из глаз, когда я подумал: «Мечта всей Жизни достигнута! Я смогу запечатлеть одну из Амелий!» Честно говоря, я почти уверен, что точно опустился бы на колени, дабы поблагодарить ее, если бы мне не помешала скатерть и если бы я не знал, как трудно будет потом вылезти из-под стола.

Однако ближе к концу обеда я воспользовался возможностью выразить переполнявшие меня чувства: повернувшись к Амелии, которая сидела рядом со мной,

Эдвард

«Месть Бруно»
и другие рассказы

я едва успел пробормотать слова: «Сердце, бьющееся в этой груди, исполнено чувств такого сорта...», когда внезапно наступившее общее молчание помешало мне закончить фразу. Демонстрируя самое восхитительное присутствие духа, она сказала:

— «Торта», вы сказали, мистер Таббс? Капитан Фланаган, могу я побеспокоить вас и попросить отрезать мистеру Таббсу кусочек торта?

— Его уже почти съели,— сообщил капитан, засовывая свою огромную голову чуть не в середину торта,— передать ему блюдо, Мели?

— Нет, сэр! — воскликнул я, одарив капитана таким взглядом, который должен был просто уничтожить его, однако он лишь ухмыльнулся и сказал:

— Только не нужно скромничать, Таббс, мой мальчик, наверняка в буфете еще много осталось.

Амелия смотрела на меня с такой тревогой, что я проглотил свой гнев — и торт.

Обед закончился, и я получил инструкции относительно того, как найти коттедж.

Прикрепив к своей камере мешок,

Выходной день фотографа

используемый для проявки снимков на открытом воздухе, и взвалив аппарат на плечо, я направился к указанному мне холму.

Когда я проходил мимо с треногой на плече, мисс Амелия сидела у окна, занимаясь рукоделием; болван-ирландец околачивался рядом. В ответ на мой взгляд, исполненный неугасимой любви, она обеспокоенно спросила:

— А вы не возьмете с собой какого-нибудь мальчишку-слугу, чтобы он помог вам нести эту штуку?

— Или осла? — хихикнул капитан.

Я резко остановился и повернулся, чувствуя, что именно сейчас или никогда следует защитить достоинство Мужчины и поставить субъекта на место. *Ей* же я просто сказал «спасибо! спасибо!», перемежая слова поцелуями собственной руки; затем, сконцентрировав взгляд на идиоте, стоявшем возле нее, прошипел сквозь стиснутые зубы: «*Мы еще встретимся, капитан!*»

— Конечно, я надеюсь, Таббс, — ответил ничего не сообразивший тупица, — ведь ровно в шесть ужин, не забудьте! — Меня пронзила

Э. Дадстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

холодная дрожь: только что я чуть было не совершил героический подвиг и ... *потерпел неудачу*. Я взвалил камеру на плечо и, во власти мрачных мыслей, двинулся дальше.

Два шага, и я снова стал самим собой; я знал, *ее* глаза смотрят на меня, и поэтому опять зашагал по каменистой дорожке пружинистой поступью. Какое мне дело было в тот момент до всех капитанов на свете? Разве они способны поколебать мое душевное равновесие?

Холм находился примерно в миле от дома, и я добрался до него усталый и запыхавшийся. Впрочем, мысли об Амелии меня взбудрили. Я выбрал наилучшую точку для съемки коттеджа, так, что в кадр попадали фермер и корова, бросил один нежный взгляд в направлении далекой виллы и, пробормотав «Амелия, ради тебя!», снял крышку с объектива. Через 1 минуту 40 секунд я надел ее на место. «Готово!» — вскричал я, не в силах сдержать восторг. — «Амелия, теперь ты моя!»

Дрожа от нетерпения, я накрыл голову мешком и приступил к проявке. Деревья довольно расплывчаты — не беда! Их

Выходной день фотографа

немного раскачивал ветер; это будет не слишком заметно. Фермер? Ну, он прошел за это время ярд или два, и я должен с сожалением отметить, что у него получилось столько рук и ног!.. — впрочем, ничего страшного! Назовем его пауком, сороконожкой, всем, чем угодно. Корова? Вынужден, хотя и с большой неохотой, признать, что у коровы было три головы, и, хотя такое животное может показаться занятным, живописным его не назовешь. Однако по поводу коттеджа никаких сомнений возникнуть не могло; его дымовые трубы были выше всяких ожиданий, и, «учитывая все в совокупности», подумал я, «Амелия будет...».

В этот момент мой мысленный монолог был прерван хлопком по плечу, скорее повелительным, чем наводящим на размышления. Я извлек себя из мешка — нужно ли пояснять, с каким достоинством? — и повернулся к незнакомцу. Это был мужчина крепкого сложения, вульгарный с точки зрения манеры одеваться и отталкивающий с точки зрения выражения лица, да еще с соломиной

З. Дарстон

«Месть Бруно»
и другие рассказы

во рту. Его спутник превзошел его по части этих отличительных особенностей.

— Молодой человек, — начал первый, — вы тут вторглись на частную собственность и должны убраться отсюда, и это безо всяких сомнений. — Вряд ли стоит упоминать, что я не обратил никакого внимания на эту реплику, а хладнокровно взял бутылку с гипосульфитом натрия и приступил к процессу фиксации изображения; он попытался помешать мне; я сопротивлялся: пластинка с негативом упала и разбилась. Больше я ничего не помню, у меня только лишь сохранилось крайне смутное воспоминание о том, что я кого-то ударил.

Если вы сможете обнаружить в том, что я вам только что прочитал, нечто, что могло бы объяснить мое нынешнее состояние, я буду только рад; но, как я уже отмечал ранее, все, что я могу вам сказать, это то, что у меня все болит, саднит, ломит и гудит, а как это со мной случилось, не имею ни малейшего понятия.

Посредстве

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

Жизнь и творчество

— Скажи, что общего между вороном и письменным столом? — спросил Шляпник.

— Не знаю, — сказала Алиса. — И что же?

— Понятия не имею, — ответил Шляпник.

Алиса устало вздохнула.

— Мне кажется, — сказала она, — что вряд ли стоит попусту тратить время, задавая загадки, на которые не существует ответов.

Так героиня сказки Кэрролла восприняла вопрос безумного Шляпника, не знавшего ответа на заданную им загадку. Те, кто пишет о Льюисе Кэрролле (а литература о нем огромна), подобным же образом задаются вопросом, на который не существует ответа: как могло получиться, что педантичный и в то же время болезненно застенчивый профессор математики оксфордского колледжа Крайст-Чёрч смог написать одну из самых знаменитых книг в мировой литературе, сказку-фантазмагорию «Приключения Алисы в Стране чудес», а спустя несколько лет и ее не менее замечательное продолжение «Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье»? О популярности сказок и их создателя Кэрролла говорит хотя бы тот факт, что он занимает второе место сре-

ди наиболее цитируемых англоязычных писателей, уступая, конечно, Шекспиру, но опережая Редьярда Киплинга и оставив далеко позади Чарлза Диккенса.

Ответ на эту загадку действительно найти невозможно, точно так же как невозможно понять, каковы истоки гения. Факты биографии Льюиса Кэрролла в этом отношении мало что могут подсказать, ибо прожил он небогатую на события жизнь. Кроме того, биография Кэрролла, хотя о нем написано много томов, изучена на удивление мало. Биографы вынуждены довольствоваться теми скудными сведениями, которые можно найти в небольшом количестве доступных источников. Это прежде всего воспоминания племянника Кэрролла, опубликованные спустя год после смерти писателя, и записи людей, знавших Кэрролла детьми или встречавшихся с ним в Оксфорде. И те и другие представляют Кэрролла поверхностно и односторонне.

РАННИЕ ГОДЫ

Родился Чарлз Лютвидж Доджсон (таково настоящее имя писателя) 27 января 1832 года в небольшом селении Дэрсбери, что в графстве Чешир. Он был старшим сыном и третьим ребенком в семье из четырех мальчиков и семи девочек. Глава семьи, преподобный Чарлз Доджсон, служил приходским священником в Дэрсбери. Великобритания в первой половине XIX столетия была накануне того периода в своей истории, который известен под названием «викторианский век», когда она достигла наибольшего своего величия и расцвета. «Старая добрая Англия» правила огромной Британской империей, на территории которой никогда не заходило солнце, а в сердце империи, на Британских островах, пульсировали невиданные до тех пор перемены, порожденные промышленной революцией и смелыми социальными реформами. Манчестер, воплощение этих перемен, с его извергающими дым фабриками и заводами, лежал в каких-то двадцати милях от Дэрсбери, но с тем же успехом

Преподобный
Чарлз Доджсон,
архидиакон
Ричмондский
(отец писателя)

он мог бы находиться в двух тысячах миль от него, ибо Дэрсбери в то время был глухой деревенькой, настолько изолированной от всего остального мира, что, по словам одного из биографов Кэрролла, «даже появление повозки на улице было заметным событием, вызывавшим у детей неподдельный интерес и восторг».

В наши дни Дэрсбери по-прежнему остается скорее деревней, чем городом. По его единственной улице с горсткой кирпичных домов можно пройти из конца в конец быстрее, чем вы успеете произнести эти странные, но ставшие знаменитыми слова из шутивного стихотворения Кэрролла «Бармаглот» (при условии, конечно, что вы их сумели запомнить): «Варкалось. Хлювкие шорьки пырялись по наве и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове». Дом приходского священника, где жил маленький Чарлз Доджсон, не сохранился: он сгорел много лет назад, а на его месте осталась лишь каменная кладка заброшенного пастбищного колодца, сложенная высокой горкой, чтобы не дать какой-нибудь неосторожной овце упасть внутрь.

В 1843 году, когда Чарлзу было одиннадцать лет, его отца назначили пастором в Крофт, небольшой городок неподалеку от Ричмонда (графство Йоркшир), куда и переехала из Дэрсбери семья Доджсонов. Именно там, в Крофте, лежащем в продуваемой ветрами долине на севере Англии, появились первые литературные произведения Чарлза. Он был редактором целого ряда «семейных» журналов, выпускаемых им, начиная с 1845 года, для избранного круга читателей — своих домочадцев. Эти журналы, «Всякая всячина», «Домашний зонтик», «Комета» и другие, были заполнены сочиняемыми им головоломками, пародиями и шуточными стихотворениями, которые служили источником развлечения для семьи, живущей в затерянном в глуши селении. Из его ранних литературных опытов наибольший интерес представляют лимерики, написанные им, по всей видимости, под влиянием «Книги нонсенса» Эдварда Лира, вышедшей в 1846 году. Вот один из них:

Некий месье из Парижа
С каждым днем становился все ниже.
На вопрос: «Почему?»
Отвечал: «Не пойму,
Но к земле становлюсь я все ближе».

Кроме того, Чарлз был мастер придумывать всяческие затеи и игры. Однажды из тачки, бочки и небольшого сундучка он соорудил целый поезд, который возил пассажиров — его сестер и братьев — от одной станции пасторского сада до другой. Он же установил правила этой игры, первые два пункта которых гласили: «1. Пассажиров, в случае крушения поезда, просят лежать неподвижно и по возможности не подавать никаких признаков жизни, иначе они не будут признаны пострадавшими и им не возвратят стоимости проезда. 2. Если у пассажира нет денег на проезд, а ему обязательно нужно ехать, он должен, придя на железнодорожную станцию, заработать себе на проезд своим трудом, например, заваривать чай для начальника станции (а он пьет его с утра до ночи и с ночи до утра) или перенести на станцию как можно больше песка, пусть даже песок этот никому на станции и не нужен».

О своем детстве Кэрролл сохранил самые счастливые воспоминания, и, хотя в доме правила строгая дисциплина и набожность, они смягчались царившими в семье взаимной любовью и постоянно звучавшим смехом.

О матери Кэрролла, Франсис Джейн Доджсон, известно немного, разве только то, что она была человеком поразительной доброты и всю себя отдавала заботам о семье и воспитании своих одиннадцати детей. Умерла она еще далеко не старой, в 1851 году. От нее Чарлз-младший унаследовал мягкость характера и впечатлительность, но намного большее влияние оказал на него отец, его учитель и наставник в детские годы, строгий, аскетического нрава священник, прививавший детям незыблемые устои христианской морали. В то же время человеком он был незаурядным: глубокая ре-

лигиозность и университетская образованность сочетались в нем с той склонностью к эксцентрическому, которая издавна отличала в Англии духовных лиц. Отец не только не подавлял в детях стремления к всевозможным играм и веселым затеям, но и всячески им содействовал. Скоропостижную смерть отца в 1868 году Кэрролл воспринял как огромное горе: «Это был самый тяжелый удар из всех, что наносила мне судьба в моей жизни». В том же году Доджсоны покинули ректорский дом, где они прожили двадцать пять лет. Чарлз взял на себя обязанности главы семьи и перевез своих шестерых незамужних сестер в Гилфорд, в просторный дом из красного кирпича под названием «Каштаны». С тех пор он неизменно останавливался там во время своих поездок. До конца жизни он считал этот дом своим семейным гнездом, там он проводил Рождество с сестрами и там же на их руках умер.

Начав свои ученические годы с Ричмондской средней школы (1844 – 1845), Чарлз Доджсон-младший поступил в возрасте четырнадцати лет в так называемую «публичную школу» (закрытую мужскую школу привилегированного типа) в городе Регби, где ему предстояло пробыть четыре года. Его застенчивость и впечатлительность усложняли для него пребывание в школе. В заведении, где превыше всего ценились спортивный дух и физическая сила, да еще в городе, давшем название такой популярной игре, как регби, не склонный к спорту подросток не мог пользоваться большой популярностью. В крикет, которым увлекалась вся школа, он сыграл всего лишь один раз в жизни, и игра Чарлза произвела на соучеников такое сильное впечатление, что его с позором изгнали из команды и ни к каким другим спортивным играм больше не допускали. Его дразнили и над ним насмехались. Ему негде было уединиться, ему некуда было бежать. Единственной отдушиной для него были письма домой, пространные, заполненные подробностями об ученических буднях. В школе он часто болел и в результате одной из болезней ослеп на одно ухо.

Отсутствие спортивных успехов компенсировалось достижениями в учебе: Чарлз Доджсон был первым в математике, сочинениях, классических языках и богословии и неоднократно завоевывал по этим предметам всевозможные призы и награды. Но о своих переживаниях он в письмах умалчивал. Позднее он признавался: «Не могу сказать, что вспоминаю о школе с большой теплотой: за самые величайшие блага в жизни я не согласился бы пережить эти годы еще один раз».

ОКСФОРД

После Регби был Оксфорд, прославленный старинный университет в пятидесяти милях (восемьдесят километров) от Лондона, куда Кэрролл поступил в 1851 году. Чтобы представить, каким юноша увидел Оксфорд после испытаний, пережитых им в школе в годы пребывания в Регби, достаточно хотя бы один раз прогуляться по обширной зеленой лужайке колледжа Крайст-Чёрч (колледжа Христовой церкви), где он учился, окинуть взглядом многочисленные шпили и башенки университета, пройти под выстроившимися стройными рядами платанов, обрамляющими внутренний дворик колледжа, такими живописными на фоне голубого неба, и, наконец, выйти к Темзе, вдоль которой уютно извивается бегущая вдоль реки тропинка. Крайст-Чёрч был выбран Кэрроллом среди тридцати пяти колледжей университета по той простой причине, что этот колледж в свое время окончил его отец.

В столовой колледжа (помещавшейся в старинном торжественном холле, чьи стены были увешаны портретами важных сановников, имевших отношение к университету, среди которых были основатель колледжа король Генрих VIII и знаменитый кардинал Вулси) обедали преподаватели, восседавшие за отдельным высоким столом (их ученые диспуты во время трапез вряд ли способствовали пищеварению), и студенты, помещавшиеся за более низкими столами, стоящими перпендикулярно к преподавательскому столу.

Кэрролл обедал в этой столовой в общей сложности более восьми тысяч раз, как он доверительно сообщил в 1872 году одному из своих юных друзей.

Университет Кэрролл окончил с отличием и, после присвоения ему степени бакалавра, был назначен в 1855 году преподавателем математики в тот же колледж Крайст-Чёрч, где был студентом. Традиционным условием профессорского поста в этом колледже было в те годы принятие духовного сана и обет безбрачия, но это не очень волновало молодого математика, ибо он никогда не испытывал большого желания заковать себя в брачные цепи. Преподавал он в течение двадцати шести лет и в 1881 году оставил свой пост. Преподавателем он был неплохим, хотя читал лекции монотонно и запинаясь, отчего многим студентам они казались довольно скучными. Если не считать отпусков, каникул и краткосрочных поездок в Лондон, а также единственной зарубежной поездки, он не покидал Крайст-Чёрч до конца своей жизни, то есть почти сорок лет, занимая в жилой части колледжа лучшие комнаты. Нужно сказать, что это было обычной практикой для Оксфорда, где большинство преподавателей в те годы были холостяками и жили непосредственно в колледже.

Профессор Доджсон многие годы страдал бессонницей. По ночам, лежа без сна в постели и стараясь отвлечься от грустных мыслей, он придумывал «полуночные задачи» — алгебраические и геометрические головоломки — и решал их в ночной темноте. Позднее многие из этих задач будут изданы Кэрроллом в книге с названием «Полуночные задачи, придуманные бессонными ночами».

В 1858 году Доджсон публикует свою первую книгу «Алгебраический разбор Пятой книги Евклида» (под псевдонимом «Преподаватель колледжа»), а 1860 году — первую книгу под своим собственным именем. Книга называлась «Конспекты по плоской алгебраической геометрии». Кроме ученой степени магистра и звания профессора математики, присвоенных ему университетом, Кэрролл был удостоен в 1861 году сана диакона. Посвящал его в сан епис-

Льюис Кэрролл —
преподаватель
математики
в колледже
Крайст-Черч

коп Оксфордский Сэмюэль Уилберфорс, но священником Кэрролл не стал. Этому помешала главным образом его природная застенчивость, усугубляемая тем, что говорил он с запинками, чуть ли не заикаясь. Кроме того, он не полностью принимал церковные догмы. В довершение ко всему, он страстно любил театр, а это вовсе не приличествовало служителю англиканской церкви в викторианские годы. Читая его дневники, в которые он заносил мельчайшие подробности каждого дня, можно увидеть, какое огромное место в его жизни занимали не только высокая трагедия, Шекспир, елизаветинские драматурги, но и комические бурлески, музыкальные комедии и пантомима. Позже, став прославленным автором сказок об Алисе, он лично наблюдал за их постановкой на сцене, проявляя тонкое понимание театра и законов сцены. Об увлечении театром Кэрролла говорит, кроме всего прочего, его многолетняя дружба с семейством Терри и с талантливой его представительницей, вошедшей в историю не только английского, но и мирового театра, — Элен Терри.

ДВЕ «АЛИСЫ»

Отвечая на вопрос о том, как возник замысел его знаменитой сказки, Кэрролл однажды признался: «Я отправил свою героиню вниз в кроличью нору, не имея ни малейшего понятия о том, что делать с ней дальше». Произошло это в пятницу, 4 июля 1862 года, в погожий летний день, когда Чарлз Доджсон катал Алису и ее сестер на лодке по Темзе и, в ответ на их уговоры рассказать им какую-нибудь историю, начал выдумывать на ходу (а точнее, на плаву) свою сказку. По настоятельной просьбе Алисы он позднее записал ее в тетрадь и преподнес юной леди как подарок, а в 1865 году сказка была опубликована со знаменитыми иллюстрациями Джона Тенниела.

И «Алиса в Стране чудес», и «Алиса в Зазеркалье» изобилуют остроумными каламбурами и метафорами, построенными на совершенно неожиданной и чрезвычайно изобретательной игре слов.

Алиса, Лорина,
Гарри и Эдит
Лидделл —
первые гости
Страны Чудес

Кэрролл обожал все экстравагантное и необычное. Обе его сказки являются настоящим гимном миру нонсенса. В них логика искажена до предела и здравый смысл совершенно отсутствует, зато в них есть своя логика, логика небывальщины, выбивающая нас из привычного, каждодневного бытия. Сказки Кэрролла населены удивительными персонажами, чьи поступки и рассуждения лишены всякого смысла. Чего стоят, например, поведение курящей кальян Гусеницы, Мартовского Зайца с его странностями, апоплексической червовой королевы, умалишенного Шляпного Мастера и Чеширского Кота, который время от времени чудесным образом исчезает, так что остается одна лишь его улыбка?!

В конце концов, после необыкновенных приключений в абсурдном мире Страны чудес, Алиса просыпается на изумрудно-зеленом лугу и понимает, что все пережитое ею — это сон, но был ли это и в самом деле сон? Какой из миров для Алисы более реален — тот, в котором она существовала на самом деле, или тот, что ей приснился? Этим вопросом задается не одно поколение читателей сказки. «Алиса в Стране чудес» является первой в английской литературе «сказкой-сном», и этот жанр стал национальной гордостью англичан. Вот уже более ста лет писатели Англии обращаются к этой форме, наполняя ее все новым и новым содержанием; среди этих писателей такие имена, как Редьярд Киплинг, Эдит Несбит, К. С. Льюис и многие другие. Еще одним немаловажным достижением Кэрролла стала так называемая «фантастически правдоподобная» сказка, также ставшая излюбленным жанром в английской литературе.

ДОДЖСОН И КЭРРОЛЛ

Имя Льюис Кэрролл было на самом деле литературным псевдонимом писателя, построенном на игре слов. Свое настоящее имя Чарлз Лютвидж Доджсон преобразовал, меняя местами, сначала в «Лютвидж Чарлз», затем переделал их на латинский лад в «Людovicус Каролус» (подобно тому, как английских королей Чарлзов

у нас традиционно называют Карлами), а после этого снова «перевел» их на английский язык как «Льюис Кэрролл». Этим псевдонимом он впервые подписался под своим стихотворением «Одиночество», опубликованном в одной из газет в марте 1856 года. Интересно отметить, что профессор Доджсон, преподаватель, всегда был против того, чтобы его имя хоть каким-то образом связывали с именем писателя Льюиса Кэрролла. Он возвращал письма, приходившие в колледж и адресованные на имя Кэрролла, и высказывал недовольство библиотеке Оксфордского университета за то, что его имя Чарлз Доджсон, как автора научного труда «Элементарное руководство по теории математических детерминантов», они снабдили перекрестной ссылкой (правда, мелкими буквами) «Льюис Кэрролл».

Разителен контраст между будничным, размеренным, реальным и по мелочам расписанным миром, в котором жил профессор математики Чарлз Лютвидж Доджсон, и веселым, сумасбродным, безумным миром сказок, созданных буйной фантазией Льюиса Кэрролла. Потому-то первый из них и не хотел, чтобы его видели в одном обществе со вторым. Профессора Доджсона трудно было представить в качестве создателя причудливой Страны чудес. Он был закоренелым холостяком, отличался религиозностью, был суевлив, неуверен в себе, не очень ладил с коллегами-преподавателями, постоянно выражал недовольство по поводу чьих-то мелких упущений или своих временных и чаще всего незначительных неудобств, был привередлив в еде и склонен к морализаторству. Таким, по крайней мере, предстает Льюис Кэрролл со страниц биографии, написанной в 1898 году, через несколько месяцев после смерти писателя, его племянником Стюартом Доджсоном Коллингвудом, слишком почтительным к памяти дядюшки, чтобы дать нам представление о живом Льюисе Кэрролле, и слишком благоговевшим перед «чистотой и совершенством» его интеллекта, чтобы хоть в какой-то степени постигнуть его душу. Жизнь Кэрролла в его изложении предстает скрупулезно разложенной по полочкам; он восхищается тем, насколько аккуратно вел его дядя учет всех без исклю-

чения писем, которые были им написаны и получены за последние тридцать семь лет его жизни. (Кэрролом было зарегистрировано за это время почти девяносто девять тысяч посланий, снабженных в составленных им списках корреспонденции перекрестными ссылками по удобной, придуманной им системе.)

К счастью, Кэрролл был человеком достаточно ироничным и мог смеяться над самим собой. «Я уже с трудом вижу разницу между самим собой и чернильницей, — писал он одному из своих друзей. — И меня вовсе не удивит, если в один прекрасный день, перепутав себя с чернильницей, я наполню ее маслом с апельсиновым джемом, а в себя налью до краев чернил».

Но многие современники Кэрролла воспринимали его «сухарем», и чувствовал он себя в мире взрослых не очень уютно. По любому вопросу, имевшему отношение к своему колледжу или в целом к университету, он высказывался в духе чрезвычайно консервативном, а язвительность его полемических памфлетов, таких, как «Новая колокольня Крайст-Чёрч» или «Двенадцать месяцев в роли куратора», вряд ли могла снискать ему расположение коллег-оппонентов. В своих письмах к взрослым он был прозаичен, педантичен и сух. В то же время трудно представить что-либо более очаровательное, веселое и экстравагантное, чем послания, адресованные его друзьям, маленьким девочкам и мальчикам, перед которыми он проявлял свое истинное «я», раскрепощенное и лишенное пут условностей. Разумеется, письма, написанные людям, близким ему по духу, таким, как искусствовед Джон Рескин, поэт Алфред Теннисон, живописец Данте Габриэл Россетти, актриса Эллен Терри, выпадают из категории «писем для взрослых», но все же по-настоящему свободно и непринужденно он чувствовал себя в общении только с детьми, которые один за одним появлялись в саду его дружбы. Вот, например, что он писал одному знакомому мальчику:

«30 ноября 1879 г.

Последнее время я был ужасно занят: мне предстояло написать уйму писем — их было так много, что ими можно запол-

нить целый почтовый поезд. Это было столь утомительно, что, проснувшись и умывшись, я даже не успевал позавтракать, потому что через минуту мне снова нужно было ложиться спать, а иногда я ложился спать еще за минуту до того, как успевал проснуться. Ты слышал когда-нибудь, чтобы так уставали?..»

«У НЕГО БЫЛО СЕРДЦЕ РЕБЕНКА...»

Застенчивый, заикающийся профессор математики Чарлз Доджсон, такой же накрахмаленный, как и его жесткий стоячий воротник, лишь в обществе детей становился тем остроумным и занимательным собеседником Льюисом Кэрроллом, который придумал удивительные сказки о девочке Алисе и фантастических мирах, где она побывала. В профессорских апартаментах Чарлза Доджсона постоянными завсегдатаями были дети, которых он приглашал к чаю. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем их застенчивые или радостные улыбки. Здесь, в своей холостяцкой квартире, он показывал своим юным друзьям нарисованных им сказочных фей. «Нельзя с уверенностью утверждать, что они существуют, но я, по крайней мере, видел их не один раз», — с серьезным видом заявлял он своим гостям. Он обучал их всяческим играм, которые с неистощимой выдумкой сам же и придумывал, — например, шахматам, в которых фигуры были живыми персонажами и вели дискуссии на самые разнообразные темы, или круговому бильярду, в который играли на круглом столе, и никаких луз под столом не было, так что шары падали прямо на пол.

Одна из бывших участниц этих чаепитий впоследствии вспоминала: «У него было сердце ребенка, и, когда он со мной разговаривал, я его понимала намного лучше, чем других взрослых, потому что говорил он на одном со мной языке».

Но студенты, увы, не всегда хорошо его понимали. Один из них называл его лекции в своих мемуарах «сухими, как песок в пустыне

Сахаре», а другой отзывался о его манере преподавания, как о «чрезвычайно формальной и скучной». К тому же, читая лекции, он заикался. Что ж, его истинными сверстниками были дети — если не по возрасту, то по духу.

Если Кэрролл сам и не стал священником, это не помешало ему дружить с семьей декана колледжа Крайст-Чёрч, преподобного Генри Лидделла, одного из авторов знаменитого «Греко-английского лексикона». За игрой в саду дочерей Лидделла — Лорины, Эдит и Алисы, красивой девочки с челкой на лбу и по-особому задумчивыми глазами, — он мог наблюдать, когда смотрел в окно библиотеки Крайст-Чёрч, где он исполнял обязанности помощника библиотекаря. Он много фотографировал всех троих, приглашал их к себе на чай, после чего они усаживались вокруг него на диване и он рассказывал им разные занимательные истории, сопровождая повествование беглыми иллюстрациями карандашом или пером. Но его любимицей была средняя сестра, Алиса. Уже после того как она вышла замуж, он как-то ей признался: «У меня было очень много маленьких друзей после тебя, но разве может кто-нибудь из них сравниться с тобой!»

Его любовь к детям частично объясняется тем, что, общаясь с ними, он чудесным образом исцелялся от заикания, из-за которого в обществе взрослых он был молчалив, нелюдим, а иногда даже резок, тогда как среди детей он чувствовал себя непринужденно, раскованно и мог давать волю своим фантазиям. Разговаривая со своими маленькими друзьями, он попросту «забывал», что заикается, — подобным же образом люди перестают заикаться, когда начинают петь.

Он очень любил переписываться с детьми, которых считал намного более талантливыми, чем взрослых, и в своих письмах к своим юным корреспондентам позволял своему остроумию и своей фантазии разгуляться в полную меру. При этом он никогда не общался с детьми свысока, а только как с равными. «Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть, как носорог и бегемот в зоопарке исполняют менуэт?» — спрашивал он в письме у одного из своих десятилетних друзей. — Мне повезло, я был свидетелем этого и могу уверить тебя,

Автопортрет с детьми

«Кси» Кичин, дочь одного из друзей Кэрролла

что более грациозной и трогательной пары я не видел». Ему ничего не стоило послать кому-нибудь из детей письмо размером с почтовую марку, исписав его микроскопическим почерком, или написать текст шиворот-навыворот, в обратном порядке, так, чтобы его можно было прочесть только с помощью зеркала; словом, он был большим оригиналом и выдумщиком и забавлялся, как малое дитя.

АЛИСА ЛИДДЕЛЛ ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

В гости к Кэрролу — а это было совсем рядом, по другую сторону газона, — приводила девочек Лидделл их строгая гувернантка, мисс Прикетт, и оставляла их у него. Им предстояла лодочная прогулка по Темзе. Кэрролл сменял свой обычный строгий черный костюм на белые фланелевые брюки, а вместо черного цилиндра надевал белую соломенную шляпу с негнушимися полями. Его голубые глаза сияли каким-то особенным светом. Но при этом он все равно продолжал держаться очень прямо, «будто аршин проглотил». Отправляясь с девочками на речную прогулку, он всегда брал с собой чайник и большую корзину с пирожными. Часто их сопровождал друг Кэрролла и коллега по преподаванию Робинсон Дакуорт. У моста «Фолли» Дакуорт, посоветовавшись со своими юными пассажирами, выбирал лодку, и вся компания отправлялась вверх по течению реки, проплывая мимо величественных лебедей и примостившихся под ивами куропаток. Над водной гладью то и дело раздавался мелодичный смех девочек. Но разве может лодочная прогулка в обществе юных леди обойтись без какой-нибудь занимательной истории? «Расскажите нам сказку, мистер Доджсон», — попросила его Алиса в тот памятный день 4 июля 1862 года, который можно считать датой рождения знаменитых сказок о Стране чудес и Зазеркалье. Именно в тот день (Чарлз Доджсон взял на этот день выходной) тридцатилетний преподаватель математики, уступив просьбам девочки, начал рассказывать свою сказочную историю:

Взрослая Алиса
(1870 г.)

«Алисе уже изрядно наскучило сидеть рядом с сестрой на берегу реки и бездельничать... как вдруг мимо нее пробежал белый кролик с розовыми глазами».

— Начало есть, — сказал Доджсон, — а продолжение услышите в следующем раз.

— Но сегодня и есть следующий раз! — запротестовали девочки.

И он, в ответ на их настойчивые просьбы, продолжал свой рассказ. В тот день он, видимо, был в ударе — вот что Дакуорт пишет в своих воспоминаниях о том впечатлении, которое на него произвел рассказ Кэрролла: «Я греб, сидя на корме, а он сидел на носу, так что сказка, адресуемая Алисе Лидделл, которая была «рулевым» нашей гички, сочинялась и рассказывалась буквально через мое плечо. Помню, я обернулся к нему и спросил: “Доджсон, неужели вы сочинили все это сами?” А он в ответ: “Да, я придумывал на ходу”». Неспешно, одну за другой, Доджсон нанизывал одну историю на другую, словно оплетая своих юных слушательниц какой-то завораживающей паутиной. Главной героиней его сказок была Алиса. Нашлось в них место и для ее сестер, а также для мистера Дакуорта: Лорина (Logina) стала Попугаем (Lory), Эдит (Edith) превратилась в Орленка Эд (Eaglet Ed), а Дакуорт (Duckworth) — в Утку (Duck). Себя автор вывел под именем птицы Додо (Dodo), имитируя свою фамилию и свое заикание (Do-do-dodgson). Гувернантка сестер, мисс Прикетт, также не была забыта: она выведена в сказке под именем Черной Королевы, которую Кэрролл наделил теми чертами, которые свойственны всем типичным гувернанткам, — педантичностью, строгостью и отсутствием воображения.

Об этом памятном пикнике аккуратный Кэрролл сделал соответствующую запись в дневнике, который он вел с завидной регулярностью:

«Аткинсон привел ко мне своих друзей, миссис и мисс Питерс; я их несколько раз сфотографировал, а потом показал им свой альбом с фотографиями и оставил завтракать. После этого они пошли в музей, а мы с Дакуортом, взяв с собой трех девочек Лидделл, отправились на лодочную прогулку вверх по реке до Годстоу. Там мы высади-

лись на берег, выпили чаю и возвратились в Крайст-Чёрч к четверти девятого, затем зашли ко мне, чтобы показать девочкам мое собрание фотографий, и доставили их домой около девяти часов».

Любопытно, что предшествующая этой прогулке, состоявшаяся 17 июня, также нашла свое отражение в сказке: в тот день им не повезло, на них хлынул ливень, и потоки дождя, как вспоминал потом Кэрролл, превратились в сказке в потоки слез, в которых чуть не утонула Алиса.

Алисе рассказанная Кэрроллом история так понравилась, что она сделала то, чего никогда прежде не делала, — попросила записать для нее сказку. Поначалу он отговаривался занятостью, затем неопределенно обещал, что подумает, но Алиса была столь настойчивой, что он вынужден был согласиться. Тринадцатого ноября того года он записал в своем дневнике: «Начал писать сказку для Алисы; надеюсь закончить ее к Рождеству». На самом деле ее текст был готов лишь в начале февраля 1863 года. А под Рождество 1864 года Доджсон подарил Алисе тетрадь в зеленом кожаном переплете, содержащую сказку, названную им «Приключения Алисы под землей» и исписанную его четким, круглым почерком. Сказку он снабдил своими собственными иллюстрациями. Правда, рисунки эти были несколько корявы и неумелы, но так забавны, что, глядя на них, невозможно было удержаться от смеха. Последнюю страницу рукописной книжки украшал фотографический снимок Алисы Лидделл, сделанный автором.

Побуждаемый своими друзьями, в том числе и таким мастером литературной сказки, как Джордж Макдональд, Кэрролл расширил свою сказочную историю и дал ей несколько другое название — «Приключения Алисы в Стране чудес». Под этим названием она и была опубликована с иллюстрациями сэра Джона Тенниела, карикатуриста из юмористического журнала «Панч», которого ему порекомендовал Робинсон Дакуорт. Поначалу Кэрролл собирался выпустить «Алису» со своими собственными иллюстрациями, но для уверенности посоветовался с известным искусствоведом Джоном

Рескином, и тот коротко сказал: «Лучше пригласите художника-профессионала». Иллюстрации Тенниела были готовы к сентябрю 1864 года, а в июле 1865 года «Алиса в Стране чудес» вышла в свет в издательстве Макмиллан.

Как это нередко бывает со многими шедеврами, первые отклики на «Алису в Стране чудес» были разноречивыми. Так, «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» и «Пэлл-Мэлл Газетт» ее одобрили; «Спектейтор», хоть и отозвался о ней положительно, раскритиковал сцену «безумного чаепития»; «Атенеум» счел, что книга «перегружена всякими странностями», а газета «Иллюстрейтед Таймс», снисходительно признавая за автором плодovitость воображения, в то же время заявила, что приключения Алисы «чересчур экстравагантны и абсурдны и не столько развлекают, сколько раздражают».

С тех пор в одной только Англии «Алиса в Стране чудес» выдержала около трехсот пятидесяти изданий. Еще при жизни Кэрролла сказка была опубликована десятки раз общим тиражом сто пятьдесят тысяч экземпляров (для тех времен огромная цифра), что сделало автора более чем зажиточным, по каковой причине преподаватель математики Чарлз Доджсон даже попросил свой колледж Крайст-Чёрч уменьшить ему зарплату — дотоле невиданный факт.

Не бывает хороших книг, написанных для одних лишь детей. Ребенок, которому нравятся сказки об Алисе, будет продолжать их любить и тогда, когда вырастет, возвращаясь к ним снова и снова и каждый раз, по мере своего взросления, находя в них что-то новое. Сказки Кэрролла так же интересны для взрослых, как и для детей. Таково свойство настоящей литературы.

Огромный успех сказки был как для друзей Кэрролла, так и для него самого совершенно неожиданным; ему и в голову не приходило, что он написал книгу, которая совершит настоящий революционный переворот в детской литературе, заставив ее отказаться от дидактичности и назидательности и широко открыв дверь для развлекаемости ради самой развлекаемости.

На Кэрролла нежданно-негаданно обрушилась слава. Многим известным людям, в том числе и писателям, бывает приятно, когда

Мэри Бэдкок — модель
знаменитой Алисы
из иллюстраций
Джона Тенниела

их узнают на улице. Что касается Кэрролла, то такого рода слава была ему ненавистна. Он категорически запрещал публиковать фотографии со своим изображением («Мне было бы крайне неприятно, если бы мое лицо стало известно множеству незнакомых мне людей») и, как уже упоминалось, распорядился, чтобы любые письма, адресованные «Л. Кэрроллу, Крайст-Чёрч, Оксфорд», отсылались отправителю обратно с пометкой «Не значитися».

Сказка Кэрролла в короткое время приобрела известность в самых отдаленных уголках мира. Немецкий и французский переводы «Алисы в Стране чудес» появились в 1869 году; в 1872 году выходит первый итальянский перевод сказки, в 1874 году — первый голландский перевод, а в дальнейшем буквально лавинообразно последовали переводы на другие языки. Первый русский перевод «Алисы» под названием «Соня в царстве дива» появился (без указания имени автора и переводчика) в Москве в марте 1879 года. После этого выходили и другие переводы обеих сказок, но ни один из них не был удачным. Принципиально новый, намного более совершенный перевод, выполненный Н. М. Демуровой и ставший в некотором роде каноническим, вышел (как это ни странно, в Софии) в 1967 году. В этом переводе сказки об Алисе издавались в нашей стране десятки раз.

Те, кто вознамерится прочитать сказки Кэрролла в оригинале, столкнутся с большими трудностями, если английский язык не является для них родным, поскольку обе «Алисы» построены на метафорических образах и идиомах, вошедших в плоть и кровь англичан, американцев и иных англоязычных народов, но не всегда понятных читателям других стран. Например, поведение Шляпника и Мартовского Зайца, основных действующих лиц в сцене с «безумным чаепитием», а также их разговоры с Алисой кажутся неанглоязычным читателям бессмысленными и не порождают у них никаких ассоциаций, тогда как у англичан и американцев одно только упоминание их имен вызывает на лице улыбку. А объясняется это просто: устойчивые выражения «безумный, как шляпник» или «ненормаль-

ный, как мартовский заяц» настолько же естественны для английского языка, как, скажем, «у него не все дома» или «у него винтиков не хватает» для русского. Поэтому всю главу о «безумном чаепитии» следует воспринимать как расширенную метафору. На этом приеме построены обе книги об Алисе, ввиду чего перевод их на другие языки оказывается практически невозможным, и только благодаря виртуозной находчивости переводчиков мы получаем хоть какое-то представление о замечательных сказках Кэрролла.

БЕСЦЕННАЯ РУКОПИСЬ

Мэри-Джин Сент-Клер, внучка Алисы Лидделл, вспоминала: «Рукопись „Алисы в Стране чудес“, которую Льюис Кэрролл подарил моей бабушке, долгие годы лежала на столике в нашей прихожей, и мы не относились к ней как к такому сокровищу, с которого каждый день нужно сдувать пыль».

Но оказалось, что все-таки это было сокровище: в 1928 году, когда Алисе Лидделл было уже за семьдесят, она продала рукопись за пятнадцать тысяч четыреста фунтов (семьдесят пять тысяч долларов по тогдашнему курсу) какому-то американскому коллекционеру, а тот спустя полгода перепродал ее вместе с другими кэрролловскими материалами за сто пятьдесят тысяч долларов. В 1946 году рукопись снова была выставлена на аукцион. На сей раз в нем принимал участие сотрудник Библиотеки Конгресса США Лютер Эванс, который хотел приобрести рукопись на деньги специального фонда, созданного за счет взносов американских библиофилов. Благодаря тому, что присутствовавшие на аукционе книготорговцы, знавшие о планах Эванса, намеренно не участвовали в торгах и тем самым сдерживали окончательную цену, ему удалось купить рукопись всего лишь за пятьдесят тысяч долларов. В 1948 году Эванс отправился через океан в Великобританию и возвратил тоненький томик по принадлежности английскому народу «в знак признательности за то, что Англия столь мужественно сдерживала натиск Гитлера,

пока мы готовились вступить в войну на стороне Антигитлеровской коалиции». Сегодня рукопись Кэрролла хранится в Британском музее, но уже как сокровище, которому нет цены.

АЛИСА РЕЙКС ИЗ СТРАНЫ ЗАЗЕРКАЛЯ

Шестью годами после написания «Алисы в Стране чудес» Кэрролл отправил свою героиню в страну Зазеркалья, потусторонний перевернутый мир, в котором обитают такие диковинные персонажи, как Шалтай-Болтай, Бармаглот, Траляля и Труляля, Лев и Единорог, Черный и Белый Рыцари, и где, для того чтобы оставаться на одном месте, нужно бежать изо всех сил, а чтобы куда-нибудь попасть, нужно идти в противоположную сторону. Бал там правит абсурд, а нонсенс скрывается под мантией истинности.

О том, как возник замысел второй «Алисы», гласит следующая история. Однажды профессор Доджсон гостил у каких-то своих знакомых в Лондоне. Стоя у окна, он подолгу наблюдал за играющими во дворе детьми и прислушивался к их разговорам. К тому времени Алиса Лидделл успела вырасти, и он с ней больше не виделся, хотя часто вспоминал ее. И вот как-то раз, накануне своего отъезда из Лондона, он услышал имя «Алиса». Выйдя во двор, он подошел к девочке, которую назвали этим именем, и, представившись, пригласил ее в гости. В комнате он угостил ее апельсином и спросил:

— Скажи, Алиса, в какой руке ты держишь сейчас апельсин?

— В правой, — ответила девочка.

— А теперь подойди к зеркалу, посмотри на девочку, которую ты там увидишь, и скажи, в какой руке апельсин у нее.

Алиса повиновалась и, воззрившись на свое отражение, неуверенно произнесла:

— В левой, — и рассмеялась: ей начинала нравиться новая игра.

— А почему, как ты думаешь?

Девочка не сразу ответила — вопрос был не из простых. Но она не растерялась и, поразмыслив, ответила:

Шесть сестер
(из семи)
Льюиса
Кэрролла;
в центре его
младший брат
Эдвин

— Наверное, если бы я была по ту сторону зеркала, апельсин все равно был бы у меня в правой руке.

— Умница, Алиса! — восхищенно воскликнул Доджсон и протянул своей новой знакомой еще один апельсин.

Именно этот ответ маленькой Алисы Рейкс, с которой Льюис Кэрролл познакомился в августе 1868 года, натолкнул его на мысль, по его собственному утверждению, написать сказку о новыхключениях Алисы, отправив ее на сей раз в Зазеркалье, фантастическую страну, где все шиворот-навыворот. Рукопись «Алисы в Зазеркалье» была закончена в январе 1870 года, а в декабре 1871 года книга вышла в свет.

Обе сказки, а точнее говоря, оба «сна» Алисы, обрываются в тот самый миг, когда все вокруг начинает обращаться в хаос, и она просыпается как раз вовремя, чтобы сон не превратился в кошмар. В Стране чудес и в Зазеркалье интересно побывать один раз, но постоянно там жить невозможно. Находясь в этих странных мирах, в своих снах, Алиса в конце концов начинает тосковать по нормальному, привычному для нее миру.

Одним из залогов неувядающей популярности и бессмертной славы обеих сказок является то, что, в отличие от многих других книг для детей, печатавшихся в викторианское время, они начисто лишены дидактического тона и морализаторства, ничему не пытаются научить и никого не наставляют на путь истины.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ АМЕРИКАНКА И ЧЕШИРСКИЙ КОТ

Одна американская журналистка из «Нэшнл Джиогрэфик» по имени Кэти Ньюмен вознамерилась однажды найти кота той удивительной породы, к которой принадлежал знаменитый Чеширский Кот, имевший обыкновение таинственным образом исчезать, растворяясь в воздухе по частям, начиная с хвоста и заканчивая головой, так что в конце концов оставалась одна лишь его загадочная

улыбка, несколько подобная той, которой улыбалась Джоконда Леонардо да Винчи. С этой целью журналистка отправилась в Англию и принялась разыскивать кота чеширской породы, умевшего улыбаться, как знаменитый кот из «Алисы».

— В графстве Чешир примерно семьдесят пять тысяч кошек, — сообщил любознательной журналистке Кен Аултрэм, глава общества почитателей Льюиса Кэрролла в Дэрсбери. — Боюсь, разыскать интересующего вас кота вам будет не так-то просто.

Но все же Аултрэм был настолько любезен, что препроводил американку к тому месту, на котором когда-то стоял дом, где появился на свет будущий писатель Льюис Кэрролл. Когда они пришли туда, Кен Аултрэм поднял камешек с дороги, по которой более ста пятидесяти лет тому назад ходил маленький Чарлз Доджсон, и, протянув его журналистке в качестве памятки о родине Кэрролла, произнес:

— Чарлз, когда был ребенком, обладал чрезвычайно живым воображением. У него были свои любимцы среди улиток и червяков, и он устраивал между ними воображаемые состязания.

— А как же, все-таки, насчет Чеширского Кота? — напомнила ему журналистка.

— Нам трудно с уверенностью сказать, откуда к Кэрроллу пришел этот образ, — задумчиво ответил Аултрэм. — Знаю только, что в те времена выражение «улыбаться, как чеширский кот» было вполне обычным. Хотя, может быть, эта идея была подсказана ему популярным в этих краях чеширским продуктом — сырами, сделанными в форме кошки.

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ И КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ

Говоря о неуываемом интересе американцев к бессмертному творению Кэрролла, нельзя не упомянуть о том, что в восьмидесятые годы теперь уже прошлого столетия исследователи из Континентального исторического общества США, проводившие более десяти лет за изучением неизвестных дневников английской королевы Виктории,

поразили мир сенсационным открытием, будто автором «Алисы в Стране чудес» является на самом деле не Чарлз Доджсон, а она, королева Виктория, писавшая под литературным псевдонимом «Льюис Кэрролл». В исследовании историков проводились параллели между персонажами сказки и реальными лицами. Так, Герцогиня, по их уверениям, — это мать королевы, герцогиня Кентская; Белый Кролик — ее отец, герцог Кентский, а Белый Рыцарь в Сияющих Латах — ее супруг, принц Альберт. Американские исследователи утверждали, что ее величество уговорила Чарлза Доджсона, пробовавшего свое перо в историях для детей, приписать авторство «Алисы» себе, назвавшись Льюисом Кэрроллом. Иллюстрации сэра Джона Тенниела к книге, по их мнению, полны скрытых намеков на эпизоды из биографии королевы Виктории. Ошеломляющее заключение американцев звучало вот каким образом: «“Алиса в Стране чудес” представляет собой тайную автобиографию королевы Виктории». К утверждениям американских исследователей, безусловно, нельзя относиться всерьез; история с их «открытием» всего лишь лишний раз доказывает, насколько велика популярность сказок Кэрролла не только на родине писателя, но и по другую сторону Атлантического океана. При этом стоит упомянуть, что на самом деле отношения Льюиса Кэрролла с ее величеством сводились к следующему. Когда была опубликована «Алиса в Стране чудес», королева Виктория, прочтя сказку, пришла в такой восторг, что высказала высочайшее пожелание, чтобы следующая книга того же автора была посвящена ей. К сожалению для ее величества, следующей книгой полюбившегося ей писателя был ученый трактат, носивший название «Элементарное руководство по теории математических детерминантов».

МАТЕМАТИК, СКАЗОЧНИК И... ФОТОГРАФ?

Кэрролл много лет всерьез занимался фотографией. Его работы — а фотографировал он много — отличались очень высоким художественным уровнем. Фотокамера в 50-е годы XIX столетия была

«Сказочные
кухарки»
(1870-е гг.)

новым изобретением, и Кэрролл является пионером в этой области. Сейчас его признают величайшим мастером детского фотопортрета викторианской эпохи и вторым после Джулии Камерон фотохудожником-портретистом. Выполненными им фотографиями восхищались сама королева Виктория и наследник трона, принц Уэльский.

В маленькой каморке, превращенной в фотостудию и расположенной рядом с его оксфордской квартирой, самыми желанными гостями были дети. Мистер Доджсон терпеливо усаживал ребят перед чудо-ящиком и фотографировал их, обычно нарядив в какой-нибудь необычный костюм. Это было так интересно — сняться в наряде принца или средневекового рыцаря, в одежде деревенского жителя или трубочиста, в платье нищенки или уличной торговки. Но в 1880 году он внезапно бросил занятия фотографией. Причина, скорее всего, заключалась в том, что это увлечение отнимало у него слишком много времени. Он приближался к пятидесятилетию своего рубезу своей жизни и хотел, как он сам признавался, «сосредоточиться на том, чтобы создать нечто стоящее».

По праву гордясь своими успехами на поприще фотографии, Кэрролл возлагал большие надежды и на свою теорию символической логики, которую сегодня оценивают гораздо выше, чем при его жизни. Судя по его дневникам, он испытывал гордость также за свои изобретения, а изобретал он постоянно, причем в самых различных областях. Примеров можно привести сколько угодно. Это и приемы запоминания логарифмов всех простых чисел до ста, и правило, позволяющее определять день недели для любого числа данного месяца, и игра в «арифметический крокет», и заменитель клея, и способ регулирования движения экипажей у театра Ковент-Гарден, и аппарат для записывания в темноте, и усовершенствованное рулевое устройство для трехколесного велосипеда, и многое другое. В то же время он не придавал большого значения своему уникальному таланту сочинять сказки — а в этом ему не было равных — и не думал, что они могут быть изданы и принесут ему бессмертную славу. Он и дальше всю жизнь рассказывал детям сказки, на ходу их при-

думывая, но никогда не записывая, и, кто знает, — может быть, эти сказки были даже лучше тех, которые дошли до нас.

Жизнь Кэрролла в Оксфорде проходила по неизменному, раз установленному порядку. Он брился, используя холодную воду, и проводил утро за чтением Библии и посещением церкви. Писал он всегда стоя за конторкой. Завтракал он поздно — сухим печеньем, которое запивал хересом. В качестве утренней зарядки он совершал прогулку пешком на расстояние не менее десяти миль. Он никогда не носил пальто, зато всегда был в серых перчатках. Отпуск он всегда проводил на море. Последние двадцать лет своей жизни он неизменно бывал на отдыхе в Истборне, приморском курорте на берегу Ла-Манша, где останавливался во взятой внаем квартире.

Кэрролл был странным человеком, и, возможно, разгадка его незаурядной личности может быть найдена в письме, которое он однажды написал своей близкой подруге, прославленной английской драматической актрисе Эллен Терри: «Сокровенная тайна жизни, мне кажется, заключается в одной простой вещи: то, что по-настоящему стоит делать, — это то, что мы делаем для других людей». Он в этом был убежден, и он так поступал. И все же ключ к его истинному «я» найти очень сложно. Когда кажется, что ты его наконец нашел, он неожиданно тает в воздухе, словно Чеширский Кот, оставлявший вместо себя одну лишь загадочную улыбку.

ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЭРРОЛЛА

Педантичный профессор Доджсон был наделен ярким воображением и острым умом, что позволило ему создать, наряду с его бессмертными сказками, такие разножанровые произведения как «Евклид и его современные соперники» (1879) — самый ценный из его многочисленных математических трактатов, представляющий собой написанную в непринужденном ключе апологию знаменитого древнегреческого математика Евклида; «Фантазмагория и другие стихотворения» (1869); «Охота на Снарка» (1876) — шедевр по-

эзии нонсенса; «Словесные звенья» (1878) — сборник загадок и игр; «Сильви и Бруно» (1889, вторая книга — 1893) — сказочный роман о феях; «Дневник путешествия в Россию в 1867 году»; научный трактат «Символическая логика» (1896). Писал он также на социальные темы, например, выступая противником висекции или ратуя за образование для женщин. В 1953 году были опубликованы его дневники в двух томах под редакцией Р. Л. Грина, а в 1979 году — двухтомное собрание его писем под редакцией М. Н. Коуэна и Р. Л. Грина. Также Кэрролл придумывал всяческие головоломки, ребусы, игры в слова и кроссворды.

Но ничто из созданного Кэрроллом не может идти ни в какое сравнение с его «Алисой», историей, которая уже полтора века напоминает нам: смех ребенка — это самое ценное, что есть в нашей жизни. Что касается другого его шедевра, поэмы в стиле нонсенса «Охота на Снарка», то об отношении Кэрролла к этому своему произведению красноречиво говорит письмо, написанное с явной самоиронией девочке по имени Бёрди (Птичке, в переводе с английского): «Надеюсь, что, когда ты осилишь «Снарка», тебе нетрудно будет черкнуть мне несколько слов о том, как он тебе понравился и до конца ли ты его поняла, — ведь многих детей он ставит в полный тупик. Ты умная девочка и, безусловно, знаешь, кто это такой — Снарк (а вернее, что это такое). Если знаешь, то очень прошу тебя, просвети и меня об этом, ибо я не имею ни малейшего представления, что это такое».

О книге «Сильви и Бруно» можно сказать, что в этой странном и во многих отношениях уникальном произведении рассыпано большое количество перлов, драгоценных камней и крупинок чистого золота, а включенные в издание юмористические стихотворения в стиле поэзии нонсенса просто-таки великолепны, но в целом эта смесь современного романа, волшебной сказки, причудливой феерии и назидательных наставлений значительно уступает сказочной дилогии об Алисе. Интересно отметить, что роман «Сильви и Бруно», подобно «Алисе», тоже начинался со сказочных эпизодов, которые Кэрролл рассказывал маленьким девочкам, дочерям лорда Солсбери.

Льюис Кэрролл
в пожилом
возрасте

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ

Льюиса Кэрролла связывала с его коллегой по колледжу доктором Генри Лиддоном, впоследствии ставшим каноником собора св. Павла, тесная дружба, длившаяся всю жизнь. Только в одном они не находили общего языка: «Я ни разу не был в театре с тех самых пор, как принял духовный сан, — заявлял Лиддон, — и не намерен там появляться до конца своих дней». Именно с этим человеком Кэрролл в возрасте тридцати пяти лет, в 1867 году, отправился в свое единственное заграничное путешествие. «Мы выбрали Москву, — писал он в июле того же года. — Отчаянная мысль для человека, ни разу не покидавшего Англию».

Поездка длилась месяц, с конца июля по конец августа. В России Кэрролл помогал своему другу в его неофициальной посреднической миссии между англиканской и русской православной церквями. Посетив по дороге несколько городов, в том числе Кале, Брюссель, Потсдам, Кельн, Данциг и Кенигсберг (Кэрролл прослезился перед красотой Кельнского собора, а детские игровые площадки в Дрездене нашел «чрезвычайно привлекательными для фотографического аппарата»), друзья возвратились в Англию через Вильно, Варшаву и Париж. Непосредственно в России они побывали в Петербурге и его окрестностях, Москве, Сергиевом Посаде и съездили на ярмарку в Нижний Новгород. Свои впечатления Кэрролл кратко записывал в «Дневнике путешествия в Россию в 1867 году».

Доджсон был плохо подготовлен к этой поездке — не знал языка, не был знаком с русской историей и литературой, с современным состоянием умов в России, не был вхож в русские семьи, и ему приходилось полагаться на случайных попутчиков, знавших язык, — англичан, живущих в России. Поэтому его впечатления о России были в немалой степени ограничены; впрочем, он мало был склонен к обобщениям с чужих слов и записывал в своем дневнике главным образом личные впечатления, что делает дневник тем более интересным для русского читателя.

В Санкт-Петербурге он восхищался благородными пропорциями удивительного города, его архитектурой, бесценными коллекциями Эрмитажа; в Петергофе его поразило гармоничное расположение аллей и скульптур, разнообразие и безукоризненное сочетание красок природы и искусства, «затмевающих своим великолепием сады Сан-Суси»; Москва, которую он назвал «волшебным городом», ошеломила его своими коническими башнями, «выходящими друг из друга наподобие раздвинутого телескопа», своими огромными позолоченными куполами церквей, в которых, словно в зеркале, отражался перевернутый город, Воробьевыми горами, откуда на город за полвека до этого глядел Наполеон, церемонией венчания, столь непохожей на англиканский обряд, и мелодичным церковным пением а капелла. Он с интересом наблюдал колоритные уличные сценки, вслушивался в звучание незнакомого языка, записывал странными для него русскими буквами отдельные имена и слова, расшифровывал с помощью карманного словаря театральные программки, вывески и меню. Верный своему увлечению, он побывал в Малом театре, а также в театре Нижнего Новгорода, восхищался «первоклассной игрой актеров», особенно Ленского и Сорониной, и старательно вписывал их имена в свой дневник русскими литерами.

Наиболее сильные чувства, однако, Кэрролл испытал на обратном пути, на палубе парохода, пересекавшего пролив Ла-Манш, когда перед его взором предстал Дувр и «милая отчизна словно раскрыла объятия, принимая своих спешащих домой детей».

Больше Кэрролл не выезжал за пределы Англии. Изредка он бывал в Лондоне, где продолжал внимательно следить за театральными постановками, а также (но еще реже) в других местах страны. Каникулы он обычно проводил в Гилфорде, где жили его сестры.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Оставив в 1881 году пост преподавателя математики в Крайст-Чёрч, Кэрролл, тем не менее, не уходит в отставку. Он принимает на

себя обязанности куратора Клуба преподавателей в этом колледже и продолжает активно заниматься писательской деятельностью. В 1883 и 1884 годах выходят в свет сборник «Стихи? Смысл?» и полемическая работа «Принципы парламентского представительства», а в 1885 году — «История с узелками». В декабре следующего года Кэрролл принимает участие в качестве консультанта в постановке «Алисы в Стране чудес» в лондонском Театре принца Уэльского, осуществленной Сэвиллом Кларком, а еще годом позже издает «Логическую игру». Продолжает он активно работать и в последующие годы, выпустив в свет на протяжении восьми лет несколько книг: «Математические курьезы» и ее продолжение «Полуночные задачи», первую и вторую части романа «Сильви и Бруно», сборник «легкомысленных» эссе, таких, как «Алиса для детей», «Круглый бильярд», «Пицца для ума», «Несколько мудрых слов по поводу того, как писать письма», «Несколько советов по этикету, или Как вести себя на званых обедах» и некоторые другие подобного рода «безделушки», а также последнее из изданных при его жизни произведений — эссе «Символическая логика» (первую часть; второй он не успел дописать).

Умер Льюис Кэрролл 14 января 1898 года от бронхита, не дожив до 66 лет всего лишь одной недели. В то время он гостил у своих незамужних сестер, у которых был дом в Гилфорде, небольшом городке в графстве Сарри. Домашний доктор сестер, спускаясь по лестнице, чтобы сообщить им печальную новость, добавил с грустной полуулыбкой: «До чего же молодым выглядит ваш брат!»

Похоронен писатель на Гилфордском кладбище. Над его могилой установлен простой белый крест.

Посмертно, в феврале 1898 года, вышли в свет поэтический сборник «Три заката и другие стихи», а в декабре того же года — биография Льюиса Кэрролла, написанная его племянником Стюартом Доджсоном Колингвудом.

Валерий Чухно

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дневник путешествия в Россию в 1867 году</i>	<i>5</i>
<i>Перевод Андрея Боченкова</i>	
<i>Пища для ума: эссе и послания</i>	<i>125</i>
<i>Перевод Андрея Боченкова</i>	
<i>«Местъ Бруно» и другие рассказы</i>	<i>273</i>
<i>Перевод Андрея Боченкова</i>	
<i>Валерий Чухно. Льюис Кэрролл: жизнь и творчество</i>	<i>439</i>

